

Экономические и социально-гуманитарные исследования 1(5)'2015

Учредитель:

Национальный
исследовательский
университет «МИЭТ»

Редакционный совет:

Чаплыгин Ю. А.
(председатель)
Анискин Ю. П.
Гаврилов С. А.
Инфанте Д.
Кучуради И.
Моисеева Н. К.
Ницевич В. Ф.
Пирогов А. И.
Чистоходова Л. И.

Редакционная коллегия:

Пирогов А. И. (гл. ред.)
Анискин Ю. П. (зам. гл. ред.)
Алексеева И. Ю.
Гриценко Н. Ф.
Гуськова Н. Д.
Зазыкин В. Г.
Инфанте Д.
Кучуради И.
Лаце Н.
Лукичева Л. И.
Мамедов Н. М.
Мионов А. В.
Моисеева Н. К.
Ницевич В. Ф.
Просперини Я.
Растимешина Т. В.
Салимова Т. А.
Смирнова Ж. В.
Сушкова Ю. И.
Чистоходова Л. И.

Адрес редакции: 124498,
Москва, Зеленоград,
проезд 4806, д. 5, МИЭТ
Тел.: 8-499-729-76-02
E-mail: esgi.miet@yandex.ru
http://esgi-miet.ru

© «Экономические и социально-
гуманитарные исследования», 2015
© МИЭТ, 2015

Научный журнал

Издается с июня 2014 г. Выходит 4 раза в год.
Свидетельство о регистрации
средства массовой информации
ПИ № ФС77-57671 от 18 апреля 2014 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Организационно-экономические аспекты инновационного развития

- Бударов А. Ю.* Принципы системно-синергетического подхода к управлению развитием научно-производственных комплексов 3
Исаченко А. Н., Ревякин А. М. Матроиды в математическом моделировании экономических систем 13
Лукичева Л. И. Об организации инновационной деятельности и коммерциализации инноваций в Финляндии 19

Корпоративное управление финансово-экономической деятельностью

- Быстров О. Ф., Бугай К. Н.* Разработка и использование рейтингов антикризисной устойчивости хозяйствующих субъектов 23
Ковальчук К. Ф., Никитенко В. А., Ревякин А. М. Моделирование доверия страховщика к внешней среде 26
Лазаренко Н. И., Голованов С. В. Факторы и этапы инвестиционной политики компании 33
Лесин В. В., Лисовец Ю. П., Ревякин А. М. Актуарный анализ на основе схемы гибели и размножения 38

Маркетинг и международный бизнес

- Андрианова Н. А., Андрианов Р. О.* Инновация: изобретение или новшество — неоднозначность терминологии . . . 45
Короткова Т. Л. Концепции маркетинга в российской экономике 53

Проблемы общественного развития и образования

- Здорова А. А., Румянцева О. В.* Оценки личностных особенностей педагогами и учащимися колледжа как предикторы успешного обучения 60
Нехорошева Е. В. Исследование учебно-профессиональной мотивации студентов образовательных организаций. . . 69

Заведующая редакцией
Т. В. Растимешина

Редактор
Ю. В. Лункина

Научный редактор
Т. В. Растимешина

Корректор
Л. Ф. Бородина

Компьютерный дизайн, верстка
Ю. В. Лункина

Подписано в печать 31.03.2015.
Формат бумаги 60×84 1/8.
Цифровая печать.
Объем 19 усл. печ. л.,
13,99 уч.-изд. л.
Заказ № 35.

Отпечатано
в типографии ИПК МИЭТ
124498, Москва, Зеленоград,
проезд 4806, д. 5, МИЭТ.

Свидетельство о регистрации
средства массовой информации
ПИ № ФС77-57671
выдано Комитетом РФ по печати
18.04.2014.

<i>Пирогов А. И., Растимешина Т. В.</i> Интернационализация образования в контексте формирования единого общеевропейского образовательного пространства	76
<i>Посохова А. В.</i> Психологическая готовность к предпринимательской деятельности как условие конкурентоспособности	85
<i>Растимешина Т. В., Лункина Ю. В.</i> Традиции в отечественном образовании: взгляд из нового тысячелетия	91
<i>Струкова С. В.</i> Особенности конструирования субъект-ориентированного содержания учебно-познавательной деятельности студента инженерного профиля	99
<i>Хаидов С. К.</i> Дискурсивный анализ в судебно-психологической экспертизе при исследовании аудиовидео-файлов	102

Личность. Общество. Государство

<i>Горбачева И. М.</i> Перлюстрация как метод борьбы политической полиции с революционным движением во второй половине XIX в.	105
<i>Джиган О. В.</i> Философские аспекты использования сетевых технологий	110
<i>Епифанов А. С.</i> Формирование организационных и идеологических основ социал-демократического политического движения в России в начале XX в.	116
<i>Ефимов А. А.</i> Цифровая демократия в Великобритании: теория и практика государственного управления и предоставления государственных услуг населению	126
<i>Рыбакова И. Н.</i> Институционализация сферы государственных услуг: проблемы исследования	134

Информация

II Всероссийская научная конференция с международным участием «Декартовские чтения»	141
Книжные новинки	143
Contents	145
Abstracts	147
К сведению авторов	163

ОРГАНИЗАЦИОННО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ

УДК [338.24:332.133.6]100

Принципы системно-синергетического подхода к управлению развитием научно-производственных комплексов¹

А. Ю. Бударов

Национальный исследовательский университет «МИЭТ»

Изложены принципы системно-синергетической концепции управления развитием научно-производственных комплексов, позволяющие выстроить базис для создания, модернизации, систематизации и объединения множества методов и инструментов управления в рамках разработанной методологической концепции. На основе этих принципов можно формировать такие комплексные структурные элементы, как совокупность механизмов управления развитием научно-производственных комплексов, непосредственно обеспечивающих решение проблем теоретико-методологического характера. Основной акцент при разработке принципов сделан на особенностях сложных социально-экономических систем (способность к самоорганизации, наличие различных видов синергии и др.).

Ключевые слова: управление развитием сложных социально-экономических систем; синергетический подход в экономических системах; самоорганизация бизнес-структур.

Объектом исследования в данной работе служит научно-производственный комплекс (НПК), как правило, представляющий собой лишь часть отрасли народного хозяйства. Одной из основных глобальных тенденций развития мирового рынка является дифференциация отраслей народного хозяйства на множество самостоятельных отраслевых рынков, которые, в свою очередь, включают в себя совокупности сегментов. Следовательно, рассматривать экономическую динамику НПК целесообразно с позиции конъюнктуры конкретного отраслевого рынка.

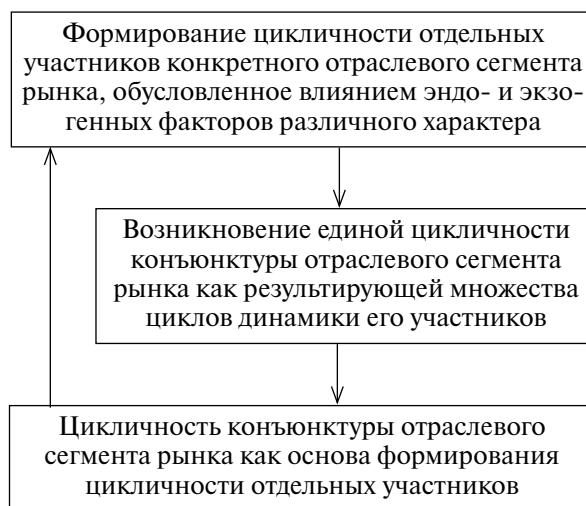
Как было доказано в работе [1] (с опорой на теорию больших циклов Н. Д. Кондратьева [2]), цикличность конъюнктуры служит основой формирования цикличности конкретного НПК, равно как и стратегий его развития. Исходя из этого сформулирован принцип системно-синергетической концепции управления развитием НПК — *согласование цикличности* развития составляющих научно-производственного комплекса.

Последовательность стадий гармонизации на отраслевом рынке (см. рисунок), аналогично теоретическим положениям Г. Хакена [3], по своей сущности — циклическая причинность.

Согласно теории Н. Д. Кондратьева, нововведения распределяются по времени не равномерно, а группами. Причем значительный эффект достигается благодаря такой комплексности, поскольку каждое отдельно взятое нововведение имеет относительно небольшое значение. Здесь, вероятно, имеют место взаимодополняемость

© Бударов А. Ю. ¹ Продолжение статьи «Теоретические положения системно-синергетического подхода к управлению развитием научно-производственных комплексов», опубликованной в предыдущем номере.

нововведений и возникновение эффектов синергии. Множество потенциальных инноваций зачастую не реализуется из-за отсутствия возможности реализовать какой-то отдельный, весьма значимый их элемент. В таком случае инновация, предполагающая введение в хозяйственный оборот нововведения, обуславливает целую серию других инноваций (например, всеобщая доступность Интернета делает возможным интенсивное развитие электронной коммерции). Такой цепной реакции способствуют не только научно-технические и технологические факторы, но и финансовые, экономические и социальные. В ожидании дополнительных прибылей на данный сегмент рынка начинается приток капитала, высококвалифицированных кадров, партнеров.

Механизм гармонизации цикличности научно-производственного комплекса с конъюнктурой отраслевого сегмента рынка

Для установления механизма перехода с одного качественного уровня на другой необходимо рассмотреть параметры динамики функционирования НПК на конкретном качественном уровне. Непрерывность и цикличность динамики функционирования НПК свидетельствует о функциональной зависимости результата (валового дохода) от фактора времени. Анализ динамики подразумевает исследование эволюции валового дохода НПК и скорости его изменения в определенные периоды времени посредством фазового пространства *валовой доход — скорость роста валового дохода* [4; 5].

Широко применяемое при анализе дифференциальных уравнений фазовое пространство представляет собой абстрактное пространство, в котором каждая точка (фазовая или изображающая) характеризуется набором координат исходя из размерности этого пространства. Данные координаты описывают состояние системы в конкретный момент времени. В случае НПК состояние системы описывается величиной валового дохода и скоростью его роста в двухмерном фазовом пространстве (фазовой плоскости). Изменение координат фазовой точки формирует со временем фазовую траекторию (фазовый портрет), описывая таким образом эволюцию системы.

В каждой точке фазового пространства задан вектор скорости фазовой точки. Все множество таких векторов скоростей формирует векторное поле скорости фазовых точек, которое определяет зависимость скорости роста валового дохода НПК от уже достигнутого уровня дохода. Исходя из этого математическое описание процесса эволюции может быть получено с помощью дифференциальных уравнений.

Фазовая траектория эволюции НПК имеет вид семейства вложенных друг в друга эллипсов. Это вызвано тем, что в условиях цикличности динамики валового дохода происходит чередование временных периодов с положительной и отрицательной скоростью его роста. Причем, если на протяжении нескольких циклов величина амплитуды и других параметров цикличности повторяется, имеет место устойчивый предельный цикл эволюции научно-производственного комплекса. В фазовом пространстве предельные циклы представлены в виде эллипсов. В окрестностях каждого из них находится множество фазовых траекторий, стремящихся («притягиваемых») к соответствующему предельному циклу — одной из разновидностей аттракторов (от англ. *to attract* — притягивать).

Предельный цикл рассматривается как динамика развития НПК на протяжении ряда плановых периодов времени в условиях одинакового потенциала и одного уровня результирующих показателей, т. е. на определенном уровне количественных изменений в рамках конкретного качественного уровня. И переход с одного предельного цикла на другой свидетельствует о дальнейших количественных изменениях НПК, переходящих на новый качественный уровень.

Особенность эволюции НПК на определенном качественном уровне заключается в устойчивости циклических колебаний валового дохода в окрестностях определенной точки — центра равновесия (неподвижные или особые точки). Различают несколько видов поведения системы в окрестностях центра равновесия: устойчивость по Ляпунову, асимптотическая устойчивость и неустойчивость. Особенно выделяют локальную устойчивость, но глобальную неустойчивость [6].

Движение фазовой точки от центра равновесия к предельному циклу с максимальной амплитудой означает существование неустойчивого фокуса и потерю устойчивости. Это соответствует циклическим колебаниям валового дохода с постепенно увеличивающейся амплитудой. Такая тенденция служит признаком того, что по мере развития определенного качественного уровня НПК происходит увеличение скорости роста его дохода и накопление количественных результатов работы. Формируются предпосылки следующего качественного скачка. Вместе с тем колебания могут быть постепенно затухающими. Происходит переход с предельного цикла с большей амплитудой на предельный цикл с меньшей амплитудой. Это сопровождается снижением производительности (отрицательная скорость роста валового дохода) и сужением возможностей нового качественного скачка. Начинается замедление эволюции научно-производственного комплекса.

Моделирование качественного скачка развития НПК в фазовом пространстве позволяет определить динамику его параметров в момент возникновения нового качества (бифуркации). Если деятельность НПК подвержена влиянию благоприятных факторов и интенсивность их влияния превышает некоторое пороговое значение, то тенденция к увеличению амплитуды циклов продолжается. Очевидно, что для увеличения амплитуды при равных промежутках времени функционирования НПК необходимо существенно повысить скорость роста дохода. Иными словами, повышение скорости позволит достигнуть больших результатов за один и тот же промежуток времени.

При этом на фазовой плоскости такое повышение скорости роста дохода выразится в движении изображающей точки от центра к внешнему эллипсу и переходе на новый предельный цикл. Качественный скачок произойдет вследствие окончательной потери локальной устойчивости относительно прежнего центра равновесия и перехода к новому центру равновесия. Фазовая кривая, моделирующая такой

переход, называется сепаратрисой. В данных точках возникает состояние неустойчивого равновесия и появляется альтернативность дальнейшей эволюции (сложность поведения). Малые возмущения в таких точках могут обусловить выбор той или иной траектории. Такие точки называются точками бифуркации.

Следует отметить, что в случае недостатка благоприятного влияния на динамику НПК в точке бифуркации может произойти снижение скорости роста дохода. Тогда переход на новый качественный уровень не состоится и эволюция научно-производственного комплекса продолжится на прежнем уровне. Иными словами, для успешного управления качественными преобразованиями НПК необходимо формировать совокупность благоприятных факторов (потенциал развития), достаточную для обеспечения критической скорости роста валового дохода научно-производственного комплекса.

На основе всего сказанного выше можно сформулировать следующий принцип системно-синергетического подхода к управлению развитием НПК: *определение предельно достижимых темпов экономического роста* как условие для качественного скачка в развитии научно-производственного комплекса.

Итак, переход на новый качественный уровень развития научно-производственного комплекса обусловлен достижением критического значения накопленных количественных изменений его элементов и подсистем, вызвавших рост скорости динамики валового дохода. Вместе с тем необходимо отметить, что новый качественный уровень в свою очередь определяет порядок и масштаб будущих количественных изменений. Иными словами, новый качественный уровень развития НПК определяет меру новых количественных изменений и предполагает значительное увеличение как валового дохода, так и скорости его изменения, т. е. происходит обратный переход — от качественного скачка к количественным изменениям.

Диалектические противоречия имеют место быть только там, где есть развитие, самодвижение. Диалектическое противоречие — это «взаимодействие противоположных, взаимоисключающих сторон и тенденций предметов и явлений, которые вместе с тем находятся во внутреннем единстве и взаимопроникновении, выступая источником самодвижения и развития...» [7, с. 545].

Научно-производственный комплекс как социально-экономическая система имеет сложную организацию. Его развитие обусловлено существованием в каждый момент времени множества противоположностей, противоречивых тенденций, которые, находясь в непрерывном противодействии и взаимоотрицании, формируют противоречия между совокупным потенциалом, определяющим текущие производственные возможности, и фактической величиной валового дохода НПК в рассматриваемом временном периоде.

Возникновение новых производственных возможностей имеет непрерывную временную динамику и измеряется величиной потенциального валового дохода, а он может быть получен при полном использовании сформировавшегося на текущий момент совокупного потенциала научно-производственного комплекса.

Максимально достижимая величина роста экономических возможностей НПК определяет размер потенциала его развития, что, в сущности, представляет собой размер совокупной упущенной выгоды и создает мотивационную основу для увеличения деловой активности НПК с целью минимизировать ее посредством увеличения. Здесь уместно провести некоторую аналогию с такими противоречиями общэкономического характера, как противоречие между производительными силами и производственными отношениями.

Противоречия в развитии НПК рассматриваются с позиции проявления их влияния на основные параметры динамики. Скорость роста валового дохода в данном случае выступает как результирующая величина, учитывающая взаимодействие противоречивых сторон и тенденций развития НПК. Направление развития определяется количественными и качественными характеристиками доминирующей противоположности. И чем больше различие между совокупным потенциалом и характеристиками текущего функционирования НПК, тем выше скорость роста валового дохода, т. е. скорость пропорциональна величине разницы между достигнутым потенциалом и текущим состоянием.

На основе этих теоретических положений сформулированы следующие принципы системно-синергетического подхода к управлению развитием НПК:

- *адекватности потенциала развития* научно-производственного комплекса масштабам предстоящего этапа развития и возможностям НПК;
- *обеспечения комплексной готовности* НПК к максимально быстрому и полному освоению созданного потенциала развития и минимизации, таким образом, его совокупных упущенных предпринимательских возможностей.

В определенный момент времени на динамику развития НПК воздействует совокупность факторов экзогенного и эндогенного характера, либо увеличивающих скорость роста валового дохода, либо уменьшающих ее. Возникновение новых фирм и проектов в результате притока внешних инвестиций, повышение благосостояния потребителей, рост емкостей отраслевых рынков, мероприятия по государственной поддержке предпринимательства и т. д. — все это факторы экзогенного характера, которые положительно влияют на скорость роста валового дохода. К эндогенным факторам, положительно влияющим на эту величину, относятся: возникновение изобретений, инноваций, новых проектов на действующих предприятиях НПК; рост их производственных мощностей; появление новых комбинаций производственных факторов; структурные изменения в кооперационных взаимосвязях и др.

Совокупность положительных факторов увеличивает интегральный потенциал развития НПК посредством множества эндо- и экзогенных противоречий и, таким образом, создает движущие силы его развития. Возникает спектр возможностей для получения дополнительных прибылей, что создает фундаментальную мотивационную основу развития НПК.

Вместе с тем на динамику развития НПК влияет и совокупность отрицательных факторов. Среди них такие внешние по отношению к НПК факторы, как усиление конкуренции и снижение спроса на отраслевых рынках, сокращение их емкостей, уменьшение государственной поддержки, неблагоприятные макроэкономические факторы и т. д. Отрицательными эндогенными факторами выступают банкротство и кризисные явления на предприятиях НПК, падение рентабельности, увеличение издержек различного характера и др. Они создают тенденцию к снижению потенциала развития НПК посредством создания совокупности сдерживающих сил.

Единство противоположностей состоит в том, что указанные выше противоположные тенденции, находясь во взаимоотрицании, взаимодействуют каждый момент времени существования НПК и формируют этим его эволюционный процесс. В сущности, развитие научно-производственного комплекса — это достижение единства противоположных тенденций в постоянном уравнивании ими друг друга, достижении равновесного состояния. Таким образом, в противоречиях присутствуют и единство, и борьба. Меняются лишь их количественные параметры.

С этих позиций развитие НПК можно характеризовать как *движение между двумя равновесными состояниями*. После перехода на данный качественный уровень НПК попадает в равновесное состояние, количественные изменения его валового дохода относительно малы. Далее в результате влияния положительных и отрицательных факторов возникают производственные возможности данного качественного уровня, появляются новые предпринимательские альтернативы получения дополнительных прибылей.

Такой процесс уводит НПК от равновесного состояния, и скорость роста валового дохода увеличивается. Эта тенденция продолжается до тех пор, пока накопленные количественные результаты не приведут к новому качественному скачку и НПК не попадет в новое равновесное состояние. С этих позиций управление развитием должно быть основано на методологическом принципе обеспечения возникновения неравновесных условий в допустимых пределах для стимулирования развития научно-производственного комплекса.

Появление доминирующих тенденций и движущих сил (как следствие возникновения потенциала развития НПК) предполагает, что в результате различных функциональных, структурных и иных изменений, инноваций в деятельности НПК появляются новые комбинации его элементов, а также предпринимательские альтернативы, игнорирование которых приводит к упущенным возможностям. Это стимулирует хозяйствующих субъектов НПК к повышению деловой активности и, в конечном итоге, к достижению новых уровней основных результатов их деятельности.

Очевидно, что развитие НПК как сложной системы предполагает наличие не единичных, а целой совокупности доминирующих тенденций. В сущности, они представляют собой проявление процессов самоорганизации в рамках научно-производственного комплекса и сводятся к обеспечению увеличения фактического результата деятельности и полного использования возникшего потенциала развития.

Значимым аспектом являются виды противоречий, обуславливающих конкретные варианты сценариев развития научно-производственных комплексов.

Один из весомых вопросов диалектического подхода относительно закона диалектической противоречивости — определение видов противоречий и ведущей роли какого-либо вида в развитии систем. Существуют различные критерии классификации противоречий. При этом особо выделяется классификация противоречий на внешние (экзогенные) и внутренние (эндогенные).

Внешние — это противоречия между данной системой и системой, находящейся вне ее [7]. Научно-производственный комплекс — это открытая система, существующая в сложном взаимодействии с внешней средой. В процессе такого взаимодействия возникают различные экзогенные противоречия, обусловленные какими-либо изменениями во внешней среде (изменение конъюнктуры, макроэкономических параметров, специфики отраслевых рынков и др.) и, как следствие, невозможностью дальнейшего взаимодействия. В данном случае разрешением экзогенного противоречия будет адаптация НПК к изменениям внешней среды и развитие будет носить экзогенный характер.

Разрешение экзогенного противоречия, как правило, не предполагает использования всего внутреннего потенциала НПК, его свойств как сложноорганизованной системы с множеством активных элементов. Не участвует и самодвижение системы. Результат такой адаптации пропорционален масштабам экзогенных факторов,

обусловивших возникновение этого акта развития. С позиции управления развитием НПК это выглядит как линейный характер зависимости экономического эффекта от величины инвестиций в развитие.

Внутреннее противоречие — это такое противоречие, которое находится внутри системы, ограничено рамками конкретной целостности [7]. Возникает оно между элементами системы. В частности, хозяйствующие субъекты рассматриваются как активные элементы НПК, обладающие сложным характером поведения. Следовательно, эндогенные противоречия проявляются в различных аспектах взаимодействия этих элементов. При этом образуется своеобразная петля положительной обратной связи, обуславливающая значительный рост масштабности эффектов при разрешении эндогенных противоречий и построение процесса развития НПК по принципу цепной реакции. В таком случае незначительный первоначальный импульс может привести к существенному результату.

Научно-производственный комплекс как сложная система обладает высокой чувствительностью к возникающим флуктуациям. Небольшие флуктуации и отклонения от равновесного состояния могут привести к значительным функциональным и структурным изменениям, трансформациям свойств и эффектам.

Причиной таких противоречий может быть рост потенциала развития и возникновение новых предпринимательских возможностей, обусловленных изобретениями и инновациями на предприятиях НПК, появлением на них новых проектов, созданием новых видов материальных и нематериальных активов (например, уникального технологического оборудования). Причем предпринимательские возможности и дополнительные прибыли значительно возрастают в результате участия множества предприятий НПК в таких проектах. В данном случае речь идет о синергетическом взаимодействии хозяйствующих субъектов НПК и обеспечении его саморазвития благодаря этому.

Источником развития любой материальной системы является совокупность внешних и внутренних противоречий, а не одно из них. Удельный вес каждого из противоречий в детерминации конкретных изменений устанавливается в каждом отдельном случае. Но в общей форме обнаруживается неразрывность внешних и внутренних противоречий.

Развитие сложноорганизованной системы — это прежде всего самодвижение. Основные его импульсы заключены во внутренних противоположных тенденциях, их взаимодействии. Источником развития служат внутренние и внешние противоречия. Ведущая роль в формировании качественной основы системы принадлежит внутренним противоречиям [8].

Проведенный анализ позволил разработать классификацию вариантов развития НПК в зависимости от того, какое из его противоречий играет ведущую роль. Сформулирован также принцип системно-синергетического подхода к управлению развитием НПК: *ориентация на экзо-эндогенное развитие*, в котором эндогенные противоречия играют роль основного источника неравновесных условий функционирования научно-производственного комплекса.

В случае эндогенных противоречий роль экзогенных заключается в первоначальном импульсе к развитию. Основная часть изменений происходит благодаря эндогенным факторам. Такое развитие является экзо-эндогенным. Вместе с тем совокупность оптимальных и достаточных в конкретном случае внешних факторов может существенно повлиять на доминирующие тенденции и определить направление изменений. Это обстоятельство позволяет обеспечить управление развитием

такой сложноорганизованной системы, как градообразующий НПК, путем создания системы оптимальных и достаточных внешних факторов, которые в будущем вызовут естественный процесс возникновения и разрешения внутренних противоречий и инициируют процесс интенсивного развития НПК.

Разрешение возникших противоречий осуществляется посредством постепенного накопления количественных результатов действия противоречивых тенденций в каждый момент времени. С позиции эволюционного процесса результаты и характеристики каждого акта эволюции системы НПК обусловлены доминированием тенденции к изменчивости над тенденцией к устойчивости.

Закон единства и борьбы противоположностей в развитии НПК обладает свойством гармоничности, поскольку, несмотря на взаимоотрицание, основные целевые ориентиры всех противоречивых тенденций направлены на обеспечение эффективного функционирования и развития научно-производственного комплекса. Таким образом происходит взаимоукрепление противоположностей, так как в данном процессе каждая из них позволяет наиболее полно раскрыться потенциалу другой. Достижение критического уровня накопленных результатов обеспечивает возникновение качественного скачка и окончательное разрешение противоречия достигнутого качественного уровня развития НПК.

В целях конкретизации теоретических положений и разработки методологии управления развитием НПК установлены виды функциональной зависимости между основными переменными, характеризующими процесс развития: валовой доход, скорость роста валового дохода, величина потенциала развития научно-производственного комплекса.

На основе моделирования функциональной зависимости валового дохода и скорости его роста установлена прямая зависимость этих параметров, особенность которой заключается в наличии порогового уровня скорости роста валового дохода, достигаемого в критической зоне бифуркации и обуславливающего переход НПК на новый качественный уровень с радикально большим уровнем валового дохода. Существенным является наличие интервала (критической зоны), а не конкретного значения скорости, вызывающего качественный скачок. Причина этому — сложность и открытость такой системы, как НПК, результатом чего служат инерционность и цикличность деятельности.

В этой зоне возникает множество траекторий качественного скачка. Простой гипотетический пример такого явления в экономике НПК — удвоение производственных мощностей всей совокупности заводов. При этом, как правило, происходит радикальное увеличение скорости роста валового дохода и, как следствие, его годового уровня. Радикальное увеличение, однако, не означает точного удвоения этих показателей вслед за производственными мощностями, так как на величину валового дохода влияют другие факторы (например, уровень спроса). Более того, будет существовать диапазон скоростей роста валового дохода, характерных как для прежнего уровня развития, так и для нового. Иными словами, присутствует переходный процесс, в рамках которого возможны различные траектории достижения нового качественного уровня развития. При этом этот переходный процесс характеризуется инерционностью, эффектом запаздывания в динамике основных параметров. Такое явление называется гистерезисом и отличается бистабильностью. Оно, по мнению специалистов [3—6], характерно для динамики сложных систем.

Особенностью динамики сложных систем является наличие критической зоны, при нахождении в которой повышается неравновесность эволюции. В результате этого при незначительной флуктуации бифуркация и качественный скачок неизбежны.

В упомянутом выше примере мероприятия по стимулированию спроса, подразумевающие достижение критического уровня скорости роста, с высокой степенью вероятности позволят качественно изменить уровень валового дохода. Стимулирование спроса создаст достаточный потенциал развития НПК и осуществит критическое воздействие (незначительная флуктуация), которое обусловит уход от одного равновесного состояния и достижение другого на более высоком качественном уровне. Таким образом, увеличение потенциала развития будет уводить НПК от равновесного состояния и стимулировать бифуркацию.

Очевидно, что скорость роста валового дохода имеет прямую зависимость от потенциала развития, ибо, чем больше издержки упущенных возможностей, тем выше деловая активность предприятий научно-производственного комплекса. Вместе с тем увеличение уровня валового дохода имеет более сложный вид зависимости от изменения потенциала развития.

Безусловно, увеличение положительно влияет на рост валового дохода, но при нахождении в зоне бифуркаций относительно небольшие изменения потенциала развития могут обусловить выбор одной из возможных траекторий дальнейшего роста валового дохода. Такая бифуркационная модель является типичным видом зависимости результирующего показателя от управляющего параметра в синергетике и теории бифуркаций [3—6].

Функциональная зависимость всех этих переменных выражена с помощью математического аппарата теории катастроф. Такая зависимость называется катастрофой сборки и представлена в виде плоскости, имеющей особенность.

Все перечисленные выше теоретические положения дополняют сформулированный ранее принцип адекватности потенциала развития НПК, предполагающий достаточность сформированного потенциала развития для обеспечения качественного скачка в развитии комплекса.

Существует определенный нижний лимит потенциала развития НПК, обуславливающий возникновение качественных скачков. Управление развитием НПК должно быть направлено на формирование потенциала, превышающего такое пороговое значение, стимулируя таким образом ускоренные качественные преобразования в НПК.

Итак, практически реализовать разработанный теоретический базис можно посредством формирования систематизированной совокупности управляющих воздействий, позволяющих создать особые организационно-экономические условия ведения хозяйственной деятельности в научно-производственном комплексе, направленные на создание потенциала его развития.

Литература

1. Бударов А. Ю. Теоретические положения системно-синергетического подхода к управлению развитием научно-производственных комплексов // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2014. № 3—4. С. 9—14.
2. Кондратьев Н. Д. Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения. Избранные труды / Международный фонд Н. Д. Кондратьева и др.; ред. колл.: Л. И. Абалкин (пред.) и др.; сост. Ю. В. Яковец. М.: Экономика, 2002. 767 с.: ил.
3. Хакен Г. Информация и самоорганизация: макроскопический подход к сложным системам / Пер. с англ. Ю. А. Данилова, А. В. Беркова; предисл. Ю. Л. Климонтовича. Изд. 2-е, доп. М.: URSS: КомКнига, 2005. 245 с. (Синергетика: от прошлого к будущему).
4. Капица С. П., Курдюмов С. П., Малинецкий Г. Г. Синергетика и прогнозы будущего. М.: Едиториал УРСС, 2003. 288 с. (Синергетика: от прошлого к будущему).

5. **Малинецкий Г. Г.** Математические основы синергетики: хаос, структуры, вычислительный эксперимент. 4-е изд., существ. перераб. и доп. М.: URSS: КомКнига, 2005. 308 с.: ил. (Синергетика: от прошлого к будущему).
6. **Николис Г., Пригожин И.** Познание сложного: введение / Пер. с англ. В. Ф. Пастушенко. 2-е изд., стер. М.: Едиториал УРСС, 2003. 342 с.: ил. (Синергетика: от прошлого к будущему).
7. **Философский энциклопедический словарь** / Гл. ред. Л. Ф. Ильичев [и др.]. М.: Сов. энциклопедия, 1983. 839 с.
8. **Алексеев П. В., Панин А. В.** Философия. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: Проспект, 1998. 567 с.

Бударов Андрей Юрьевич — доктор экономических наук, доцент, заведующий кафедрой экономики и менеджмента (ЭиМ) МИЭТ. **E-mail:** fmn@miee.ru

Матроиды в математическом моделировании экономических систем

А. Н. Исаченко¹, А. М. Ревякин²

¹ *Белорусский государственный университет*

² *Национальный исследовательский университет «МИЭТ»*

Матроиды широко применяются в дискретной математике и информатике и могут успешно использоваться в моделировании экономических систем. Авторы приводят сведения из теории матроидов и примеры экономико-математических моделей в виде матроидов. Даются описания алгоритмов, применяемых для поиска решения задач (о назначении, о расписании, коммивояжера и других, имеющих «матроидную» структуру и не имеющих ее), указаны сведения об их точности. Алгоритмы рассматриваются для систем независимости, матроидов и пересечения двух матроидов.

Ключевые слова: математическая модель; экономическая система; матроид; «жадный» алгоритм; пересечение матроидов.

Роль математических моделей в экономических исследованиях общеизвестна. При этом математический аппарат, используемый для построения и анализа математических моделей, изменяется в соответствии с тенденциями развития математических наук. Появляются новые интерпретации уже известных результатов, задачи анализируются на более высоком уровне обобщения, аппарат исследования обновляется в результате использования ранее не применявшихся понятий и методов, происходит понимание общности отдельных классов математических моделей.

Матроиды получили широкое распространение в современной математике и информатике как основа для изучения и анализа задач дискретной математики и алгоритмов их решения.

Система независимости определяется как пара $M = (S, F)$, где S — конечное множество, а $F \subseteq 2^S$ — семейство, для которого выполняются следующие условия (аксиомы независимости):

(i1) $\emptyset \in F$;

(i2) если $A \subseteq B$ и $B \in F$, то $A \in F$.

Подмножества из F называются независимыми, из $2^S \setminus F$ — зависимыми.

Если в дополнение к (i1) и (i2) выполняется условие (аксиома расширения)

(i3) если $A, B \in F$ и $|A| = |B| + 1$, то найдется $a \in A \setminus B$ такое, что $B \cup a \in F$,

то $M = (S, F)$ называют матроидом.

Матроиды возникают в моделировании экономических систем из выделения общих свойств различных математических понятий: матриц, графов и расписаний.

Так, матричные модели представляют собой наиболее распространенный тип экономико-математических моделей. Элементы матриц отражают взаимосвязи составляющих экономических систем и обладают определенным экономическим смыслом, указывая структуру затрат, распределение продукции и вновь созданной стоимости. Большинство балансовых соотношений в экономических задачах

определяются соответствующими матрицами. Используются они и на этапе построения математической модели экономической системы при определении коэффициентов предполагаемой зависимости.

Пример 1: пусть на этапе анализа структуры математической модели установлено, что она имеет вид линейной зависимости отклика $y(t)$, характеризующего состояние системы в момент времени t , от воздействующих на нее факторов

$$x_1(t), x_2(t), \dots, x_n(t),$$

$$\text{т. е. } y(t) = a_1 x_1(t) + a_2 x_2(t) + \dots + a_n x_n(t),$$

с неизвестными коэффициентами $a_i, i = 1, \dots, n$. Тогда для определения $a_i, i = 1, \dots, n$, нужно применять либо идентификацию (накапливать данные в режиме пассивного наблюдения системы), либо, если возможно, планирование эксперимента (составление плана входящих воздействий

$$x_1(t), x_2(t), \dots, x_n(t)$$

с целью наиболее достоверно определить искомые значения при минимальном объеме эксперимента). В обоих случаях для дискретных моментов времени

$$t_1, t_2, \dots, t_m, m \geq n,$$

получим $m \times n$ -матрицу

$$X = [x_i(t_j)]$$

и вектор-столбец

$$y = y(t_j),$$

определяющие систему алгебраических уравнений $Xa = y$ для поиска вектор-столбца неизвестных коэффициентов

$$a_i, i = 1, \dots, n.$$

Возьмем в качестве S множество всех строк матрицы X и отнесем к F все подмножества строк (столбцов), являющиеся линейно независимыми. Тогда пара (S, F) образует матроид [1], называемый матроидом матрицы X . Максимальные по включению независимые множества матроида называются его базами. Базы матричного матроида соответствуют подмножествам линейно независимых строк (столбцов), мощность которых равна рангу матрицы.

Часто строкам (столбцам) матрицы приписывают веса, характеризующие их значимость (например, достоверность или стоимость наблюдения). При этом возникает задача поиска подмножества линейно независимых строк (столбцов) матрицы с максимальным (минимальным) суммарным весом или (эквивалентно) задача поиска базы матричного матроида максимального (минимального) веса. Эту задачу можно решать «жадным» алгоритмом [1].

Шаг 1. $I_0 = \emptyset$ (I_j — текущее множество алгоритма), $j = 0$.

Шаг 2. Упорядочиваем элементы множества S по не убыванию (не возрастанию) их весов $w(s_i)$. Пусть $w(s_1) \geq w(s_2) \geq \dots \geq w(s_n)$ (или $w(s_1) \leq w(s_2) \leq \dots \leq w(s_n)$).

Шаг 3. Полагаем

$$I_{j+1} = \begin{cases} I_j \cup s_{j+1}, & \text{если } I_j \cup s_{j+1} \in F, \\ I_j, & \text{если } I_j \cup s_{j+1} \notin F. \end{cases}$$

Шаг 4. Если $j + 1 = n$, то стоп, в противном случае возвращаемся к шагу 3, приняв $j := j + 1$.

Связь «жадного» алгоритма с матроидами устанавливает теорема Радо — Эдмондса [1], согласно которой, для произвольной весовой функции «жадный» алгоритм всегда находит точное решение задачи, если система независимости является матроидом.

Математический аппарат сетевых моделей экономики базируется на теории графов, являющейся одним из источников для теории матроидов. Широко известна задача о минимальном остовном дереве. Она состоит в поиске для данного неориентированного связного графа $G = (V, E)$ и заданных весов ребер $w(e)$, $e \in E$, остовного дерева минимального веса. Можно привести несколько экономических интерпретаций указанной задачи в зависимости от смысла, придаваемого элементам графа и весовой функции.

Пример 2: заданные центры требуется соединить некоторой системой каналов связи так, чтобы любые два из них были связаны либо непосредственно соединяющим их каналом, либо через другие центры и каналы, и чтобы общая длина (стоимость) каналов связи была минимальной.

Возьмем в качестве S множество ребер E графа G , а в качестве F — все подмножества ребер, не содержащие циклов. Пара (S, F) образует матроид [1], называемый матроидом графа G . Любая база этого матроида будет соответствовать остовному дереву графа G . Решение задачи о минимальном остовном дереве можно провести «жадным» алгоритмом, упорядочивая элементы S на шаге 2 по не возрастанию их весов.

Рассмотрим экономическую задачу, связанную с понятием расписания, и сформулируем ее как задачу на матроиде. Предположим, что имеется множество работ

$$P = (p_1, p_2, \dots, p_n).$$

Каждая из работ p_i выполняется за одинаковое время Δt и характеризуется директивным сроком выполнения t_i , кратным Δt , и штрафом $w(p_i)$, взимаемым, если она не выполняется к моменту времени t_i . Для множества работ P необходимо найти расписание их выполнения, минимизирующее суммарный штраф, состоящий из налагаемых на все не выполненные к директивным срокам работы.

Множество работ $A \subseteq P$ назовем независимым, если для него существует расписание, в котором все работы из A выполняются к своим директивным срокам. Пара (S, F) , где $S = P$, а F состоит из всех независимых множеств работ, является матроидом [2]. Взяв в качестве весов работ штрафы $w(p_i)$, можно применить для решения «жадный» алгоритм.

Приведенные примеры показывают, что экономические задачи можно решать простым и эффективным «жадным» алгоритмом, если их математическая модель может быть представлена в виде матроида.

Если задача не имеет «матроидной» структуры, «жадный» алгоритм тем не менее может быть применен для нахождения приближенного начального или окончательного решения (если отклонение от точного можно оценить и оно приемлемо в практическом применении).

Пусть пара (S, F) является системой независимости. База множества $A \subseteq S$ определяется аналогично базе матроида, т. е. это максимальное по включению независимое подмножество A . Нижний (верхний) ранг $lr(A)$ ($ur(A)$) множества A — это минимальная (максимальная) мощность баз A . Кривизна системы независимости (S, F) задается как

$$k = k(S) = \frac{lr(A)}{\min_{A \subseteq S} ur(A)}.$$

Очевидно, $0 < k \leq 1$. В соответствии с теоремой Корте — Хаусманна [3], при неотрицательной и аддитивной весовой функции отношение решения, полученного для задачи максимизации «жадным» алгоритмом, к точному решению не меньше критичности системы независимости. Данная теорема дает возможность оценить точность полученного «жадным» алгоритмом решения для задач, определенных на системах независимости.

Предположим, что

$$M_1 = (S, F_1), M_2 = (S, F_2) —$$

матроиды, заданные на одном и том же множестве S . Как и ранее, считаем, что для каждого элемента s множества S известен вес $w(s)$. Задача на пересечении двух матроидов состоит в поиске максимального по включению подмножества $A \subseteq S$, независимого как в M_1 , так и в M_2 и имеющего минимальный (максимальный) вес.

Пример 3: рассмотрим некоторую матрицу A . Множество ее элементов назовем независимым по строкам (столбцам), если все элементы этого множества принадлежат различным строкам (столбцам) A . Множество элементов матрицы назовем независимым, если оно независимо по строкам и столбцам одновременно.

Семейство всех независимых по строкам (столбцам) элементов матрицы образует матроид. Обозначим его как пару

$$M_1 = (S, F_1) (M_2 = (S, F_2)).$$

Тогда семейством всех независимых подмножеств элементов матрицы A является пересечение $F_1 \cap F_2$. Если весом элемента матрицы считать его значение, то получим задачу поиска максимального по включению независимого множества элементов матрицы с минимальной (максимальной) суммой, в виде задачи на пересечении двух матроидов M_1, M_2 . Задача о назначениях вписывается в данную схему и является задачей на пересечении двух матроидов.

Прежде чем изложить алгоритм решения подобной задачи, приведем некоторые определения. Пусть $M = (S, F)$. Ранг $r(A)$ множества $A \subseteq S$ есть максимальная мощность независимого множества из A . Замыканием $\sigma(A)$ множества A называется максимальное по включению множество, содержащее A и имеющее тот же ранг $r(A)$. Цикл матроида — это минимальное по включению зависимое множество.

Приведем алгоритм решения задачи на пересечении двух матроидов для случая поиска множества минимального веса.

Шаг 1. $I_0 = \emptyset$ (I_j — текущее множество алгоритма), $j = 0$.

Шаг 2. Определяем замыкание $\sigma_1(I_j)$ множества I_j в матроиде M_1 и замыкание $\sigma_2(I_j)$ множества I_j в матроиде M_2 .

Шаг 3. Строим на элементах множества S ориентированный взвешенный по вершинам двудольный граф

$$G_j = (S \setminus I_j, I_j, E_j).$$

Вершинами первой доли являются элементы множества $S \setminus I_j$, вершинами второй — элементы множества I_j . Дуги E_j образуются по следующему правилу: вершина первой доли v , для которой выполняется включение

$$v \in \sigma_1(I_j),$$

соединяется прямой дугой с каждой вершиной u второй доли, принадлежащей единственному циклу C матроида M_1 , образуемому при добавлении к независимому множеству I_j элемента v . Аналогично вершина второй доли v , для которой выполняется

$$v \in \sigma_2(I_j),$$

соединяется обратной дугой с каждой вершиной u второй доли, принадлежащей единственному циклу C матроида M_2 , также образуемому при добавлении к независимому множеству I_j элемента v .

Вершины графа G_j , не имеющие входящих дуг, называем источниками, а не имеющие исходящих дуг — стоками. Изолированные вершины считаем одновременно источником и стоком и строим для них дуги в виде петель.

Всем вершинам первой доли графа G_j приписываем веса соответствующих элементов, а вершинам второй — их отрицательные веса.

Шаг 4. Ищем путь из источника в сток, имеющий минимальный суммарный вес входящих в него вершин. Если вершина является и источником, и стоком, петля считается также путем с весом, равным весу вершины.

При отсутствии пути из источника в сток алгоритм завершает работу с искомым множеством I_j .

Если найден минимальный по весу путь, строим множество I_{j+1} по множеству I_j , присоединив к нему все вершины первой доли найденного пути и исключив все вершины второй. Полагаем $j := j + 1$ и возвращаемся к шагу 2.

В случае поиска множества максимального веса в алгоритме на шаге 4 ищем путь из источника в сток, имеющий максимальный суммарный вес входящих в него вершин.

Помимо задачи о назначении алгоритм на пересечении двух матроидов можно применять для решения задачи о минимальном (максимальном) остовном дереве, важной при рассмотрении экономических систем с существующими односторонними связями между элементами. В этом случае оптимальное по затратам или эффективности решение дает соответствующую строгую иерархию между элементами системы.

Итак, пусть дан ориентированный связный граф $G = (V, E)$ с заданными весами дуг $w(e)$, $e \in E$. Для формулировки задачи в виде пересечения на матроидах возьмем в качестве S множество дуг E . Для определения независимых множеств F_1 первого матроида рассмотрим граф G без учета ориентации дуг и определим матроид

$$M_1 = (S, F_1)$$

полученного неориентированного графа, как и ранее, отнеся к F_1 все подмножества дуг, не содержащие циклов. Для второго матроида

$$M_2 = (S, F_2)$$

семейство F_2 включает все подмножества дуг, не содержащие пары дуг, входящих в одну и ту же вершину. В этих условиях задача о максимальном ориентированном дереве является задачей на пересечении матроидов M_1 и M_2 .

Задача коммивояжера, одна из известнейших в комбинаторике, может быть также представлена как проблема на пересечении трех матроидов. Здесь в добавление к матроидам из предыдущего примера определяется матроид

$$M_3 = (S, F_3),$$

с семейством F_3 , включающим все подмножества дуг, не содержащие пары дуг, выходящих из одной и той же вершины [4].

Таким образом, приведенные алгоритмы позволяют успешно использовать матроидный подход для решения широкого круга экономико-математических задач.

Литература

1. **Oxley J. G.** Matroid Theory. 2nd ed. Oxford; New York: Oxford Univ. Press, 2011. VIII, 684 p.: il. (Oxford graduate texts in mathematics; 21).
2. Алгоритмы: построение и анализ = Introduction to Algorithms / Т. Х. Кормен, Ч. И. Лейзерсон, Р. Л. Ривест, К. Штайн. М. [и др.]: Вильямс, 2013. 1323 с.: ил.
3. **Hausmann D., Korte B.** Lower Bounds on the Worst-case Complexity of Some Oracle Algorithms // Discrete Mathematics. 1978. Vol. 24. Issue 3. P. 261—276.
4. **Пападимитриу Х., Стейглиц К.** Комбинаторная оптимизация. Алгоритмы и сложность = Combinatorial Optimization / Пер. с англ. и предисл. В. Б. Алексеева. М.: Мир, 1985. 510 с.: ил.

Исаченко Александр Николаевич — доцент кафедры информационных систем управления Белорусского государственного университета. **E-mail: isachen@bsu.by**

Ревякин Александр Михайлович — доцент кафедры высшей математики № 2 (ВМ-2) МИЭТ. **E-mail: arevyakin@mail.ru**

Об организации инновационной деятельности и коммерциализации инноваций в Финляндии

Л. И. Лукичева

Национальный исследовательский университет «МИЭТ»

Рассматриваются основные направления инновационной деятельности крупнейших и наиболее успешных компаний Финляндии, анализируется их опыт создания и развития стартапов и коммерциализации результатов интеллектуальной деятельности. Приводятся примеры сотрудничества промышленных предприятий с научно-исследовательскими подразделениями университетов, а также организации малых инновационных фирм по инициативе студентов. Обращается внимание на тренинги и семинары, проводимые финскими компаниями в России.

Ключевые слова: инновационная деятельность; коммерциализация; инновации; создание стартапов.

Ориентация российской экономики на инновационный путь развития предполагает активное использование многостороннего опыта отечественных и зарубежных компаний, занимающихся созданием и освоением новой техники, технологии. Пристального внимания заслуживают все аспекты управления инновационным бизнесом: как научно-практические и инженерно-технические, так и финансово-экономические, маркетинговые, организационно-правовые и коммерческие. При этом анализ позитивного и негативного опыта компаний из разных стран может быть весьма полезным в условиях становления и развития отечественного бизнеса. Российские предприятия находятся на этапе создания и развития стартапов, их опыт подобной деятельности пока незначителен, и ознакомление с состоянием инновационного развития финских компаний может послужить накоплению необходимых знаний по управлению инновационной деятельностью и коммерциализации инноваций. В установлении и расширении деловых контактов взаимно заинтересованы и российская, и финская стороны.

Достоверным источником полезной информации нам представляются тренинги по коммерциализации инноваций, регулярно проводимые финской компанией Spinverse, занимающейся коммерциализацией новых технологий и созданием нового бизнеса за счет использования ноу-хау в области промышленного производства, финансов и науки [1]. Специализированное подразделение при Министерстве образования и науки РФ на протяжении нескольких лет содействует участию в них представителей московской науки.

Генеральный директор Spinverse г-н Пекка Копонен (Pekka Koronen) считает основой успеха коммерческих процессов (в частности, коммерциализации нанотехнологий) три вида капитала: знаний, социальный и финансовый.

Специфика подхода и инструментов государственного и частного финансирования инноваций в Финляндии, по мнению старшего консультанта Spinverse г-на Матти Куусисто (Matti Kuusisto), состоит в разнообразии источников и практики финансирования. Фонд финских изобретений на протяжении более чем 30 лет

© Лукичева Л. И.

финансирует разработки частных лиц и малого бизнеса, а компания Finland Investment — средних и крупных организаций и университетов. Венчурный капитал, направляемый на инвестирование в инновационную сферу, составляет сотни миллионов евро, а по объему инвестиций в инновационное развитие на душу населения Финляндия лидирует среди стран Европы.

Отличительная черта организации бизнес-инкубаторов для технологических стартапов в Финляндии — то, что они (в частности, Spinno Enterprise Center [2]) предназначены не для начинающих бизнесменов или студентов, а для деловых людей из крупных фирм и университетов, добивающихся международного успеха, ориентированы на востребованные, реализуемые идеи, развитие бизнеса клиентов. Целевая направленность финских бизнес-инкубаторов — уменьшить продолжительность предварительного инкубационного периода стартапов, при этом 80 % затрат возмещает государство. Кроме финансовой поддержки оказывается консалтинговая (по маркетингу, патентованию), организуются деловые контакты, круглые столы по обмену опытом.

Сотрудничество с малыми инновационными предприятиями позволяет ведущим транснациональным компаниям, таким как Nokia, получать государственную финансовую поддержку.

Тенденции развития подразделения технических исследований Nokia Research Center [3] в новом веке изменились в связи с ужесточением конкуренции на рынке мобильных телефонов. После продажи мобильного бизнеса другой компании разработчики сосредоточились на технологиях будущего (порой весьма далекого), а также получили возможность открытого активного сотрудничества с другими компаниями. Современные тенденции организации работы в Nokia в основном сводятся:

- к созданию мультидисциплинарных задач;
- к поиску и анализу технологических решений и технологий, разработанных другими организациями (не ограничиваясь разработкой одной технологии, единственным решением);
- к подписанию соглашений на приобретение уже разработанных новых технологий (технических решений); детализации представлений разработчиков о конкретном применении новых технологий (в том числе с целью расширить сферу их использования);
- к расширению и активизации сотрудничества с передовыми университетами Европы и США.

Работа исследовательского центра Nokia жестко ориентирована на патентование результатов: как правило, руководство сопровождает задание на разработку задачей подготовить патент.

Одна из крупнейших патентных фирм Финляндии, Rapula-Nevinpat, с 1990 г. занимается защитой промышленной собственности в России. Она организует учебные мероприятия по запросу клиентов и партнеров [4], раскрывает патентно-правовые аспекты деятельности компаний, алгоритмы патентования в Европе (и Финляндии в частности), секреты управления портфелем патентов. Эта информация представляется весьма полезной ввиду того, что российские изобретатели, обладая высоким потенциалом, часто уступают конкурентам в области патентования по ряду причин организационного, правового и финансово-экономического характера.

Передача технологий (результатов НИОКР) в коммерческий сектор влечет за собой несомненную выгоду для обеих сторон, состоящую не только в получении дохода от коммерциализации научных разработок, но и в возможности привлечь

изобретателей к решению насущных проблем промышленности. Механизм трансфера технологий в Финляндии часто работает на основе лицензирования.

Ведущими учебными заведениями страны накоплен опыт трансфера технологий. Так, входящий в состав университета Хельсинки Сенсор Центр выступает как бизнес-ускоритель. Сфера его деятельности — исследование рынка, построение и развитие сетей взаимодействия с партнерами и покупателями, оказание услуг по бизнес-планированию, предоставление инфраструктуры и площадей. Весьма востребованными рынком оказались результаты исследования по атомно-слоевому осаждению, проведенному специалистами Хельсинкского университета при поддержке Сенсор Центра [5]. Не менее успешно сотрудничество Университета Аалто и Центра развития инновационного предпринимательства научной молодежи на основе эффективной организации структурных единиц поддержки инноваций. Их активное взаимодействие проявляется в конкурентоспособных инновационных решениях: создании общедоступной обучающей и исследовательской среды Aalto Design Factory [6] и организации успешных стартапов в экспериментальном промышленном цехе Aalto Venture Garage [7].

Технический исследовательский центр Финляндии (VTT), совместно с Университетом Аалто, основал центр микро- и нанотехнологий Micronova [8]. Перспективные направления исследований и коммерциализации инноваций в электронике и микроэлектронике объединены в программу эффективных микросистем, и VTT развивает сотрудничество в данной области с иностранными компаниями. В частности, создан российско-финский стартап на базе подразделения Micronova, специализирующегося на нанотехнологиях [9].

Несколько примеров успешной коммерциализации технологий и совместного сотрудничества демонстрирует научно-исследовательский центр оптоэлектроники Технологического университета г. Тампере: среди его партнеров — компании Corelase, EpiCrystala, Nanofoot и др. Лазерный центр Технологического университета Тампере (Laser Application Laboratory, LAL) сотрудничает с аспирантами и учеными из России и других стран по следующим основным направлениям научных исследований [10]:

- полупроводниковые дисковые лазеры;
- видимый свет (до 100 Вт) — red-green-blue;
- лазеры на квантовых точках;
- волоконные лазеры с высокой мощностью (для обработки материалов) и мн. др.

Созданный в 2002 г. в университете г. Ювяскюля Наноцентр [11] объединил научных сотрудников, профессоров и аспирантов физического, химического и биологического факультетов. В рамках сотрудничества научно-исследовательских подразделений и кафедр университетов он проводит широкий спектр исследований в области физики плазмы, клеточной молекулярной биологии и др. Так, в 2012 г. команда ученых под руководством профессора Юсси Тимонена (Jussi Timonen) сообщила о новой разработке — нанотомографическом устройстве для ранней диагностики остеопороза, позволяющем получать широкий спектр характеристик материалов (волокон) и анализировать их минеральную плотность послойно (например, «убирая» цифровым способом слой покрытия) [12].

Крупнейший в мире производитель ветровых турбин, финская фирма Moventas — образец организации работы в цехах и подразделениях крупной компании. Деятельность Moventas являет собой пример эффективного управления и организации

разработки новых технических решений и производства, коммерциализации и послепродажного обслуживания. Самым перспективным направлением Moventas считает парки турбин в море [13].

Таким образом, ознакомление с организацией инновационной деятельности финских компаний и коммерциализацией инноваций рекомендуется в целях обогащения национальной инновационной системы России знаниями и опытом, в частности, в создании стартапов, организации и развитии бизнес-инкубаторов и технополисов.

Литература

1. Spinverse talks Russia in Helsinki // Spinverse: Nordic leader in technology consulting [Web source]. 2014. February 11. URL: <http://www.spinverse.com/spinverse-talks-russia-in-helsinki/> (accessed: 27.03.2015).
2. Spinno in Short // Spinno Enterprise Center [Web source]. URL: <http://spinno.fi/in-english/> (accessed: 27.03.2015).
3. Nokia Research Center [Web source]. Cop. 2014. URL: <http://research.nokia.com/> (accessed: 27.03.2015).
4. Образовательные мероприятия // Papula-Nevinpat в России [Электронный ресурс]. Cop. 2012. URL: <http://www.papula-nevinpat.ru/ru/uslugi/obrazovatel-nye-meropriyatiya> (дата обращения: 27.03.2015).
5. **Leskelä M., Tamminen T.** Atoms as building blocks // Helsingin Yliopisto = University of Helsinki [Web source]. Cop. 2013. URL: http://www.helsinki.fi/research/researchers/centres_of_excellence/2012-2017/markku_leskela.html (accessed: 27.03.2015).
6. Foreword, Mission, Students, Business, Research // Aalto University Design Factory [Web source]. URL: <http://www.aaltodesignfactory.fi/about/> (accessed: 27.03.2015).
7. Aalto Venture Garage [Web source]. URL: <http://aaltovg.com/> (accessed: 27.03.2015).
8. Micronova in Brief // Micronova: Centre for Micro and Nanotechnology [Web source]. Last updated: 15.05.2014. URL: http://www.micronova.fi/micronova_in_brief/ (accessed: 27.03.2015).
9. Nanofabrication Centre // Micronova: Centre for Micro and Nanotechnology [Web source]. Last updated: 14.05.2014. URL: http://www.micronova.fi/nanofabrication_centre-002/ (accessed: 27.03.2015).
10. Laser Application Laboratory (LAL) / Updated by: K. Valtonen // Tampere University of Technology [Web source]. 2011. August 25. URL: <http://www.tut.fi/en/about-tut/departments/materials-science/research/laser-application-laboratory-lal/index.htm> (accessed: 27.03.2015).
11. Nanoscience Center // Jyväskylän Yliopisto = University of Jyväskylä [Web source]. Uutisia: 4.3.2015. URL: https://www.jyu.fi/science/muut_ysikot/nsc (accessed: 27.03.2015).
12. Лазер позволяет точнее оценивать минеральную плотность костной ткани // Здоровье позвоночника: познавательный сайт. 2012. 29 марта. URL: <http://spinet.ru/news/?id=1327> (дата обращения: 27.03.2015).
13. Offshore Wind // Moventas: Geared for New Energy [Web source]. URL: <http://www.moventas.com/products/offshore/> (accessed: 27.03.2015).

Лукичева Любовь Ивановна — доктор экономических наук, профессор, Почетный работник высшего профессионального образования РФ, действительный член Международной академии науки и практики организации производства, профессор кафедры экономики и менеджмента (ЭиМ) МИЭТ. E-mail: fmn@miee.ru

КОРПОРАТИВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ ФИНАНСОВО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ

УДК 338.124.4 + 519.866

Разработка и использование рейтингов антикризисной устойчивости хозяйствующих субъектов

О. Ф. Быстров¹, К. Н. Бугай²

¹ *Национальный исследовательский университет «МИЭТ»*

² *Московский государственный университет путей сообщения (МИИТ)*

Предложена эффективная методика сравнительного анализа антикризисной устойчивости хозяйствующих субъектов. Реализация и оценка антикризисной устойчивости рассмотрена на примере восьми предприятий, при этом используются коэффициенты: абсолютной ликвидности, быстрой ликвидности, текущей ликвидности, автономии, обеспеченности собственными оборотными средствами и обеспеченности запасами. Данная методика также позволяет составить рейтинг антикризисной устойчивости фирм по критерию наибольшего результата.

Ключевые слова: антикризисное управление; антикризисная устойчивость; риск банкротства; рейтинг антикризисной устойчивости.

В целях определения устойчивости хозяйствующих субъектов в условиях кризиса отечественные и зарубежные экономисты сегодня рекомендуют интегральную оценку на основе скорингового анализа. Сущность данного подхода заключается в классификации предприятий по степени риска наступления банкротства (Z). Для ее оценки используются факторные методики [1]. Большинство из них имеет вид:

$$Z = \sum b_i X_i, \quad (1)$$

где b_i — параметры (постоянные коэффициенты модели); X_i — финансовые показатели.

Наиболее популярна на Западе пятифакторная модель Альтмана [2]:

$$Z = 1,2X_1 + 1,4X_2 + 3,3X_3 + 0,6X_4 + 0,999X_5,$$

где X_1 = (оборотный капитал) / (сумма активов); X_2 = (нераспределенный капитал) / (сумма активов); X_3 = (операционная прибыль) / (сумма активов); X_4 = (рыночная сумма акции) / (заемные пассивы); X_5 = (выручка от реализации) / (сумма активов).

В зависимости от значения Z определяется вероятность банкротства предприятия: до 1,8 — очень высокая; от 1,8 до 2,7 — высокая; от 2,7 до 2,9 — средняя; больше 2,9 — низкая.

Оценка значений параметров уравнения Альтмана (b_i) требует получения соответствующих статистических данных по организациям-банкротам, однако в современной России они отсутствуют. В связи с этим предлагается альтернативный метод, позволяющий сравнивать различные фирмы по критерию их антикризисной устойчивости.

Рассмотрим процедуру реализации метода с использованием следующего примера: пусть требуется оценить уровень антикризисной устойчивости восьми предприятий и выделить из них лучшее.

Нормативные и реальные значения показателей антикризисной устойчивости (АКУ) приведены в таблице 1.

Таблица 1

Показатели АКУ предприятий

Коэффициенты	Нормативные значения	Предприятия							
		П1	П2	П3	П4	П5	П6	П7	П8
Абсолютной ликвидности (W_1)	0,25	0,225	0,275	0,275	0,225	0,275	0,275	0,225	0,275
Быстрой ликвидности (W_2)	1	0,9	1,1	0,9	1,1	0,9	0,9	1,1	0,9
Текущей ликвидности (W_3)	2	2,2	1,8	2,2	1,8	2,2	1,8	2,2	2,2
Автономии (W_4)	0,6	0,66	0,54	0,66	0,54	0,54	0,54	0,66	0,66
Обеспеченности собственными оборотными средствами (W_5)	0,1—0,5	0,55	0,45	0,45	0,45	0,55	0,45	0,55	0,55
Обеспеченности запасами (W_6)	1	0,9	0,9	1,1	0,9	0,9	1,1	1,1	1,1

Примечания:

- 1) число используемых показателей может быть увеличено без ограничений;
- 2) при отсутствии нормативных значений показателей в качестве таковых могут быть взяты лучшее или среднее из фактических.

Для решения задачи воспользуемся следующим показателем АКУ:

$$W_{\text{аку}} = \frac{1}{m} \sum \frac{W_i}{W_{i(\text{норм})}}, \quad (2)$$

где W_i — реальное значение показателя с номером i ; $W_{i(\text{норм})}$ — нормативное значение показателя с номером i ; m — число показателей.

Предприятия, имеющие значения $W_{\text{аку}} \geq 1$, могут быть признаны относительно благополучными. Результаты решения примера приведены в таблице 2. Данная методика позволяет также составить рейтинги АКУ фирм по критерию наибольшего результата (табл. 2).

Таблица 2

Рейтинг антикризисной устойчивости предприятий

Предприятие	П1	П2	П3	П4	П5	П6	П7	П8
$W_{\text{аку}}$	1	0,933	1,033	0,933	1	0,966	1,066	1,066
Рейтинговая оценка (место)	4—5	7—8	3	7—8	4—5	6	1—2	1—2

Расчеты показывают, что наиболее устойчивы к воздействию кризиса предприятия П7 и П8.

Таким образом, предложена простая, удобная и результативная методика сравнительного анализа АКУ хозяйствующих субъектов. Рейтинги АКУ фирм являются важным показателем их инвестиционной привлекательности: в частности, могут использоваться при проведении конкурсов и тендеров.

Литература

1. Антикризисное управление финансами предприятия / К. В. Балдин, О. Ф. Быстров, Н. П. Гапоненко, В. С. Зверев. М.: Моск. психолого-соц. ин-т; Воронеж: МОДЭК, 2009. 336 с.
2. *Altman E. I.* Bankruptcy, Credit Risk, and High Yield Junk Bonds. Hoboken, NJ: Wiley-Blackwell, 2002. 576 p.

Быстров Олег Филаретович — доктор экономических наук, профессор, Почетный работник высшего профессионального образования РФ, профессор кафедры экономической теории и финансов (ЭТиФ) МИЭТ. **E-mail:** bof_de@inbox.ru

Бугай Кристина Николаевна — аспирантка кафедры «Логистика и управление транспортными системами» Московского государственного университета путей сообщения (МИИТ).
E-mail: kristinabruansk@pochta.ru

Моделирование доверия страховщика к внешней среде

К. Ф. Ковальчук¹, В. А. Никитенко¹, А. М. Ревякин²

¹ *Национальная металлургическая академия Украины (г. Днепропетровск)*

² *Национальный исследовательский университет «МИЭТ»*

Рассматривается специфика отношений доверия между страховой компанией и внешней средой. Исследован уровень доверия специалистов-страховщиков к политической, экономической, социальной и технологической макросреде страховой компании. В целях оценки доверия в иерархической системе нечеткого логического вывода сформированы интервалы доверия на основе ежегодного сравнительного социологического межгосударственного исследования «Барометр Эдельмана». Приведены результаты модельного исследования.

Ключевые слова: отношения доверия; страховщик; нечеткий логический вывод; внешняя среда.

В современной рыночной экономике роль страхования существенно возрастает. Однако политическая и экономическая нестабильность, несовершенство страхового законодательства, недобросовестность конкуренции, неразвитость страхования жизни и инвестиционной деятельности негативно влияют на динамику страхового рынка. Специфика деятельности страховых компаний требует высокого уровня доверия клиентов (как к самой страховой организации, так и к ее услугам) и адаптации компании к меняющимся условиям внешней среды. Решение вопроса комплексной оценки доверия позволит повысить статусность и рейтинг страховой компании.

Нами исследованы отношения доверия между страховой компанией (СК) и внешней средой (ВС), оцененные на основе модели количественного измерения доверия в отношениях между потребителями и продавцами [1]. В ней используется иерархическое дерево системы нечеткого логического вывода (СНЛВ), позволяющее исследовать причинно-следственные связи между факторами-показателями. Особенностью такой системы является отсутствие процедуры дефаззификации и фаззификации для промежуточных переменных ($Y_1, Y_2, Y_3, \dots, Y_m$). Для получения интегрального показателя отношения доверия достаточно задать терм-множества его промежуточных коэффициентов.

Рассмотрим основные этапы моделирования оценки отношения доверия.

1. Определение входящих и исходящих факторов модели. В общем виде модель оценки отношений доверия между СК и ВС можно представить функциональным отображением:

$$X = \{x_1, x_2, x_3, \dots, x_n\} \rightarrow Y,$$

где X — вектор параметров, учитываемых для оценки отношений доверия в страховом бизнесе; n — количество параметров.

2. Идентификация структуры СНЛВ. Система нечеткого логического вывода состоит из следующих частей: фаззификация, нечеткая база знаний, нечеткий вывод и дефаззификация. Нами использован механизм нечеткого вывода Мамдани,

действующий по принципу «черного ящика»: на входе системы четкие значения переменных — на промежуточных этапах нечеткие операции — на выходе четкие значения исходящих переменных. В отличие от классического «черного ящика», модель Мамдани имеет прозрачную структуру и легко интерпретируется содержательно в терминах, необходимых специалистам экономической отрасли, что демонстрирует, к примеру, Й. Вийфхюйзе (J. Vijfhuize) в своей магистерской диссертации «Измерение доверия в отношениях покупателя и продавца: Расчет опытной нечеткой модели» (Measuring trust in buyer-seller relationships: Design of a prototype fuzzy model, 2012).

3. Определение множества лингвистических термов. Нечеткая природа отношений доверия связана с неопределенностью при классификации его уровня: трудно четко разграничить значения низкого, среднего или высокого доверия. В связи с этим уровень доверия определяется с помощью лингвистических термов, на базе которых определяется общий уровень доверия. Для лингвистических переменных

$$x_i (i = \overline{1, n}) \text{ и } Y_j (j = \overline{1, m})$$

определяются универсальные множества и применяется единая шкала нечетких термов: Н — низкий, С — средний и В — высокий.

4. Определение формы функций принадлежности. В данной модели используются трапециевидные функции принадлежности, поскольку информация предоставляется в рамках четко определенных интервалов.

5. Определение нечетких правил. Зависимости аппроксимируются с помощью нечеткой базы знаний. Нечеткие правила качественно описывают влияние входящего фактора оценки на исходящий показатель доверия. Для построения нечетких правил вида «если — то» мы использовали, опираясь на опыт Й. Вийфхюйзе, весовые коэффициенты, отражающие значимость определенных участников внешней среды.

6. Анализ на чувствительность нечеткой модели. На этом этапе предлагается учесть неопределенность информации путем проведения анализа на чувствительность нечеткой модели. Интервалы доверия могут содержать ошибки вследствие неспособности их сформулировать, неполноты знаний по изучаемому вопросу, несогласованности данных и др. Для исследования полученного значения обобщенного показателя доверия по отношению к промежуточным его показателям предлагается использовать локальный анализ на чувствительность [2]. Он позволяет выполнить различные сценарии, оценить, как повлияет на значение обобщенного показателя доверия изменение одного из параметров воздействия при неизменности других, и увеличить эффективность принятия управленческих решений.

7. Оценка нечеткой модели экспертами. Этот этап проводится по желанию специалистов и позволяет проанализировать каждый из предыдущих, его элементы, значимость и необходимость показателей доверия, весовых коэффициентов и нечетких правил.

Внешняя среда исследовалась с применением финансового стратегического анализа макросреды (метода PEST-анализа). При выяснении того, насколько страховая компания доверяет основным участникам страхового рынка, основной интерес представляет экономическая среда, тогда как политические, социальные и технологические факторы рассматриваются в общем виде.

Анализ политической среды включает оценку доверия компании к органам государственной власти и местного самоуправления. Так, следует учесть политическую стабильность в стране, нормативную среду, органы государственного регулирования финансового рынка, налоговой политики и т. п. Предлагается также отнестись

к политическим факторам внешней среды страховщика рейтинги, представляемые аналитическими компаниями или исследовательскими институтами, и определение общественного мнения [3—6].

Анализ экономической среды предполагает изучение отношений доверия к основным игрокам *страхового рынка* (клиенты; продавцы страховых услуг) и *остальных сегментов рынка* (банковские и финансовые учреждения; другие участники рынка, влияющие на деятельность компании (неосновные участники страхового рынка, органы статистики и т. д.)).

Социальный компонент PEST-анализа складывается из оценки отношений доверия к социальной среде в целом через определение: уровня культуры и традиций страхования, квалификации персонала в страховой отрасли (наличие специалистов по страхованию, условия и оплата труда), природной среды и предпочтений потребителей.

Исследование технологической среды сводится к оценке доверия страховщика к основным компаниям, предлагающим обновления действующих и новые корпоративные информационные системы, программное обеспечение, интернет-технологии и др.

Базу знаний иерархической СНЛВ в модели предлагается формировать путем построения интервалов доверия на основе данных ежегодного опроса «Барометр Эдельмана» [7], в котором участвуют представители 26 стран из разных частей мира. Предельные значения интервалов доверия каждого уровня рассчитаны с помощью разбиения на кластеры (по критерию максимума расстояния между ними) значений доверия к различным институтам экономики по данным исследований с 2002 по 2014 г. [7]. Так же определены ранги участников и групп. Экономической среде СК как имеющей наибольшее влияние на ее деятельность присвоен ранг 1, далее по уменьшению степени влияния следуют политическая среда (ранг 2), социальная (ранг 3) и технологическая (ранг 4). Значения интервалов доверия для участников ВС приведены в табл. 1.

Таблица 1

Соответствие значений интервалов доверия для участников внешней среды

Тип среды	Участники	Уровень доверия			Ранг	Ранг по группе
		Н	С	В		
Политическая	Органы государственной власти и местного самоуправления	0—29	30—46	47—100	1	2
	Аналитические компании / исследовательские институты	0—47	48—58	59—100	2	
Экономическая	Клиенты	0—36	37—61	62—100	3	1
	Продавцы страховых услуг	0—36	37—54	55—100	1	
	Банковские и финансовые учреждения	0—29	30—56	57—100	2	
	Другие участники	0—29	30—56	57—100	4	
Социальная		0—36	37—61	62—100	3	
Технологическая		0—36	37—68	69—100	4	

В ходе реализации модели построены СНЛВ для оценки отношений доверия экспертов к политической среде, экономической и ВС в целом. Отдельные СНЛВ для социальной и технологической среды не строились, так как доверие в них оценивалось обобщенно, а не по отношению к их участникам.

В политической среде высший ранг доверия (1) был присвоен органам государственной власти и местного самоуправления, низший (2) — аналитическим компаниям / исследовательским институтам. При формировании базы правил для СНЛВ «политическая среда» (табл. 2) отмечено: если доверие к органам государственной власти и местного самоуправления низкое, то степень доверия к аналитическим компаниям / исследовательским институтам не имеет значения.

Таблица 2

База нечетких правил (политическая среда)

Комбинация	x_1	x_2	y
(1,1)	Н	—	Н
(2,1)	С	Н	С
(2,2)	С	С	
(2,3)	С	В	
(2,4)	В	Н	
(3,1)	В	С	В
(3,2)	В	В	

В табл. 2 x_1 и x_2 — уровни доверия соответственно к государственным органам власти и местного самоуправления и к аналитическим компаниям / исследовательским институтам; y — к политической среде СК.

В экономической среде страховой компании предлагается выделить значимость отношений доверия к продавцам страховых услуг (ранг 1), поскольку от деятельности страховых брокеров и агентов зависят результаты работы СК. Следовательно, если уровень доверия к этому участнику низкий, то автоматически снижается доверие к экономической среде в целом. Ранг 2 был присвоен банковским и финансовым учреждениям. При среднем уровне доверия к продавцам страховых услуг и низком — к банковским и финансовым учреждениям не имеет значения отношение к клиентам и другим участникам данной среды. Клиенты получили ранг 3, так как уровень доверия к ним предлагается исследовать отдельно, остальные участники — 4. База правил для оценки отношений доверия к экономической среде СК приведена в табл. 3.

Таблица 3

База нечетких правил (экономическая среда)

Комбинация	x_1	x_2	x_3	x_4	y
(1,1)	—	Н	—	—	Н
(1,2)	—	С	Н	—	
(1,3)	Н	С	С	Н	

Комбинация	x_1	x_2	x_3	x_4	у
(2,1)	С	С	С	Н	С
(2,2)	С	С	С	С	
(2,3)	Н	В	Н	Н	
(2,4)	Н	В	С	Н	
(2,5)	Н	В	С	С	
(2,6)	С	В	С	Н	
(2,7)	С	В	С	С	
(2,8)	Н	В	В	Н	
(2,9)	С	В	В	Н	
(2,10)	Н	В	В	С	
(3,1)	С	В	В	С	В
(3,2)	В	В	В	С	
(3,3)	В	В	В	В	

В табл. 3 x_1 , x_2 , x_3 и x_4 — уровни доверия соответственно к клиентам, продавцам страховых услуг, банковским и финансовым учреждениям и другим участникам; у — к экономической среде.

При формировании нечеткой базы правил для расчета оценки доверия СК к ВС (табл. 4) наивысший ранг (1) был присвоен экономической среде, следующий — политической (2) и далее по убыванию — социальной (3) и технологической (4). Определено, что при низком уровне доверия к экономической среде не имеет значения, каким он будет для других составляющих ВС; если уровень доверия к политической среде низкий или средний, а к экономической — высокий, то доверие к политической и социальной среде может быть любым.

Таблица 4

База нечетких правил (обобщенный показатель доверия)

Комбинация	x_1	x_2	x_3	x_4	у
(1,1)	—	Н	—	—	Н
(1,2)	Н	С	Н	Н	
(1,3)	Н	С	С	Н	
(2,1)	С	С	Н	Н	С
(2,2)	Н	С	С	Н	
(2,3)	Н	С	Н	С	
(2,4)	С	С	С	Н	
(2,5)	С	С	Н	С	
(2,6)	С	С	С	С	
(2,7)	Н	В	—	—	
(2,8)	С	В	—	—	
(2,9)	В	В	С	Н	
(2,10)	В	В	Н	С	
(3,1)	В	В	С	С	В
(3,2)	В	В	С	В	
(3,3)	В	В	В	В	

В табл. 4 x_1 , x_2 , x_3 и x_4 — уровни доверия соответственно к политической, экономической, социальной и технологической среде; y — обобщенный показатель доверия.

В целях оценки отношений доверия СК к ВС опрошены 24 специалиста в области страхования (название СК не указывается, так как оценки экспертов и специалистов являются конфиденциальной информацией). Данные опроса приведены в табл. 5.

Оценки доверия специалистов страховой компании введены в СНЛВ по каждой группе факторов внешней среды и найдены степени принадлежности промежуточных показателей доверия к определенному терму: отношение доверия к политической среде — средний уровень (принадлежность: 0,78); к экономической — средний (1,00), к социальной — низкий (0,6) и к технологической — низкий уровень (принадлежность: 1,00). Общий уровень отношения доверия СК в ВС является средним (принадлежность: 0,6).

Таблица 5

Усредненные значения опроса специалистов

Тип среды	Участники	Оценка доверия
Политическая	Органы государственной власти и местного самоуправления	46,22
	Аналитические компании / исследовательские институты	56,14
Экономическая	Клиенты	54,30
	Продавцы страховых услуг	46,10
	Банковские и финансовые учреждения	54,00
	Другие участники	57,70
Социальная		36,40
Технологическая		35,20

Эксперты-страховщики отметили, что в связи с политическим кризисом на Украине результаты проведенного анализа на чувствительность и оценка модели (этапы 6—7) утратили адекватность. Однако в штатных ситуациях предложенная модель оценки отношений доверия страховщика к внешней среде позволяет количественно оценить доверие экспертов, работающих в страховой компании, к политической, экономической, социальной и технологической среде, а также рассчитать интегральный показатель доверия, включающий все эти составляющие, что позволит руководству компании усовершенствовать процессы управления ею и своевременно адаптироваться к постоянно меняющимся условиям внешней среды. Дальнейшие исследования могут развиваться в направлении моделирования входящих параметров, значимости определенных участников внешней среды и формирования базы нечетких правил.

Литература

1. *Wang Pei-Zhuang*. Fuzzy Sets: Theory and Applications / Guang Zhou University. Shanghai: Shanghai Science and Technology Publishing Co., 1983. 188 p.
2. *Штовба С. Д.* Обеспечение точности и прозрачности нечеткой модели Мамдани при обучении по экспериментальным данным // Проблемы управления и информатики. 2007. № 4. С. 102—114.

3. **Sasici D. G.** Sensitivity and Uncertainty Analysis. Vol. 1: Theory. Boca Raton; London; New York: Chapman & Hall/CRC, 2003. 285 p.
4. **Мельник Я.** Рейтинг надежности страховых компаний // Рейтинговое агентство «Кредит-Рейтинг» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.credit-rating.ua/ru/about-rating/purpose/12448/> (дата обращения: 15.02.2014). Назв. с экрана.
5. Рейтинг страховых компаний Украины // Фориншурер: журнал про страхование и перестрахование [Электронный ресурс]. URL: <http://forinsurer.com/ratings/nonlife/> (дата обращения: 27.02.2015). Назв. с экрана.
6. Страховой рейтинг «Insurance TOP»: Рейтинг страховых компаний Украины [Электронный ресурс] / УНИИ «Права и экономических исследований». Сор. 2003—2013. URL: <http://insurancetop.com/> (дата обращения: 15.02.2014). Назв. с экрана.
7. Edelman Trust Barometer Archive // Edelman: World's largest public relations firm [Web source]. URL: <http://www.edelman.com/insights/intellectual-property/edelman-trust-barometer-archive/> (accessed: 10.05.2014). Title from the screen.

Ковальчук Константин Федорович — доктор экономических наук, профессор, декан факультета экономики и менеджмента Национальной металлургической академии Украины, г. Днепропетровск. **E-mail: const1955@mail.ru**

Никитенко Виктория Алексеевна — аспирантка кафедры экономической информатики Национальной металлургической академии Украины, г. Днепропетровск. **E-mail: panivika@ua.fm**

Ревякин Александр Михайлович — кандидат физико-математических наук, доцент кафедры высшей математики № 2 (ВМ-2) МИЭТ. **E-mail: arevyakin@mail.ru**

Факторы и этапы инвестиционной политики компании

Н. И. Лазаренко, С. В. Голованов

Национальный исследовательский университет «МИЭТ»

Рассмотрены этапы и факторы, необходимые при разработке инвестиционной политики. Проанализированы взгляды зарубежных и отечественных экономистов — теоретиков и практиков инвестиционной деятельности. Выделены принципы разработки инвестиционной политики предприятия. Последняя представлена как сложная, взаимообусловленная и взаимосвязанная совокупность видов деятельности предприятия, обращенная на перспективное развитие, извлечение прибыли и другие благоприятные эффекты в результате инвестиционных вложений.

Ключевые слова: инвестиции; инвестиционная политика предприятия; факторы и этапы инвестиционной деятельности.

Инвестиции (от лат. *investio* — вкладывать) занимают центральное место в экономическом процессе в качестве ведущего инструмента реализации инвестиционной политики и определяют общий экономический рост предприятия.

Эффективность инвестиционной деятельности напрямую зависит от инвестиционной политики, являющейся частью общей финансовой стратегии предприятия [1]. Финансовые ресурсы предприятия направляются на покрытие текущих расходов и на инвестиционную деятельность, которая представляет собой использование финансовых ресурсов в форме долгосрочных вложений капитала в целях увеличения активов и получения будущей прибыли.

Инвестиции — совокупность долговременных затрат финансовых, трудовых и материальных ресурсов в целях увеличения активов и прибыли. Это понятие охватывает и капитальные вложения, и портфельные.

Расширение собственной предпринимательской деятельности свидетельствует о прочных позициях предприятия на рынке и наличии спроса на выпускаемую продукцию, производимые работы или оказываемые услуги.

В качестве инвестиций могут выступать [1]:

- 1) денежные средства, целевые банковские вклады, паи, акции, облигации и другие ценные бумаги;
- 2) движимое и недвижимое имущество (здания, сооружения, машины, оборудование и др.);
- 3) объекты авторского права, лицензии, патенты, ноу-хау, программные продукты, технологии и другие интеллектуальные ценности;
- 4) права пользования землей, природными ресурсами, а также любым другим имуществом.

Инвестиционная деятельность предприятия представляет собой процесс обоснования и реализации наиболее эффективных форм вложений капитала, направленных на расширение экономического потенциала предприятия. С целью придать этой деятельности эффективность предприятию необходимо вырабатывать

инвестиционную политику, заключающуюся в выборе и реализации наиболее эффективных форм вложения капитала в целях расширения объема операционной деятельности и формирования инвестиционной прибыли.

Инвестиционная политика предприятия — часть базовой стратегии его развития, а также его финансовой (общей политики управления прибылью), производственно-коммерческой (сбытовой) и социальной стратегий. Это постоянный процесс управления инвестиционной деятельностью, направленный не только на выбор и реализацию наиболее эффективных форм различных инвестиций, но и на обеспечение возможности воспроизводства самого инвестиционного процесса. Основные задачи инвестиционной политики — четкое распределение инвестиционных ресурсов (финансовых и нематериальных) между программами фирмы и отдельными проектами, формирование портфеля инвестиций, достижение конкретных результатов при их реализации и эффективности каждого инвестиционного проекта.

Многие предприятия разрабатывают собственные системы управления корпоративными инвестициями, поэтому сбалансированная система стратегического планирования представляет собой один из важнейших факторов инвестиционной привлекательности предприятий. Однако ожидания предпринимателей должны базироваться на разработанных прогнозах будущих условий предпринимательства, а они порой трудно предсказуемы. Такие факторы, как изменения в политическом климате, осложнения в международной обстановке, ситуация на фондовой бирже и т. д., следует принимать во внимание на субъективной и интуитивной основе [2]. Целевое использование финансовых инвестиций может стать как дополнительным источником капитальных вложений, так и предметом биржевой игры на рынке ценных бумаг. Реальные инвестиции (затраты на создание новых, реконструкцию и расширение действующих основных фондов) и «инвестиции в модернизацию» (средства, направляемые на возмещение износа капитала), а также часть портфельных, т. е. вложения в акции предприятий различных отраслей материального производства, по своей природе ничем не отличающиеся от прямых инвестиций в производство, служат действенными инструментами управления инвестиционной деятельностью предприятия.

Петербургский исследователь О. М. Мальшукова [3] рекомендует при исследовании и разработке инвестиционной политики предприятия соблюдать следующие правила:

- проработать инвестиционную политику в соответствии с законодательными и нормативными актами Российской Федерации, регулирующими инвестиционную деятельность;
- исследовать взаимодействие инвестиционных проектов и их влияние на все составляющие системы;
- предоставить возможность выбора при рассмотрении и принятии управленческих решений;
- выбирать проекты, при прочих равных условиях гарантирующие максимальную эффективность инвестиций;
- корректировать планируемые результаты деятельности предприятия в процессе реализации инвестиционной политики;
- обеспечивать ликвидность инвестиций;
- минимизировать инвестиционные риски;

- прогнозировать допустимую нестабильность инвестиционной политики в зависимости от изменения внешней среды, что позволит при понижении рентабельности вовремя принять решение о реинвестировании высвобождаемого капитала и выходе из неэффективного проекта.

По мнению Ю. В. Тулупниковой [4], при разработке инвестиционной политики предприятия необходимо также учитывать следующие факторы, влияющие на нее:

- финансово-экономическое положение предприятия;
- состояние рынка выпускаемой им продукции, ее объем, качество и цена;
- технический уровень производства, наличие незавершенного строительства и не установленного оборудования;
- лизинговые условия (возможность получения оборудования по лизингу);
- наличие собственных средств и возможности привлекать заемные (в форме кредитов и займов), соотношение собственных и заемных средств;
- условия финансирования инвестиций на рынке капитала;
- государственные льготы инвесторам;
- коммерческая и бюджетная эффективность намечаемых к реализации проектов;
- условия страхования и получения соответствующих гарантий инвестиций от некоммерческих рисков.

К ключевым понятиям инвестиционной политики относится инвестиционная стоимость, т. е. расчетная оценка выгод от вложения капитала в компанию [2]. Она учитывает и собственно выгоды, приносимые активом, и возможные дополнительные выгоды от комбинации «старых» и нового актива у инвестора (например, различные эффекты синергии: экономия на операционных издержках, налогах, стоимости источников финансирования и т. п.).

Один из традиционных методов изучения рынка инвестиций — технический анализ. Его основателями являются такие известные инвесторы и создатели фондовых индикаторов, как Ч. Доу, Р. Эллиотт, У. Ганн, Дж. Лейн, У. Уайлдер и Л. Уильямс (последний установил мировой рекорд по увеличению стоимости портфеля за год — с 10 тыс. до 1,1 млн долл.). Часто сторонники применения технического анализа ссылаются на успехи в 1980-х гг. инвесторов, реализовывавших его принципы: Дж. Мэрфи, Р. Прехтер, С. Нисон и др. [2].

Среди сторонников другого метода, ориентирующего инвесторов на долгосрочные вложения, — фундаментального анализа — выделяется американский инвестор Ф. Каррет, основатель Pioneer Investments — одного из самых первых (1928 г.) и наиболее успешных паевых инвестиционных фондов.

Самый известный инвестиционный управляющий XX в. У. Баффет [5] констатировал, что инвестировать можно только в понятный бизнес (соответственно, поддающийся анализу). Стратегия инвестирования Баффета и успех инвестиционной компании Berkshire Hathaway, возглавляемой им почти полвека, являются собой лучшее доказательство важности учета (наряду с фундаментальными факторами) мотивации владельцев и менеджеров продаваемых компаний, а также доступности информации, необходимой для понимания факторов стоимости этих фирм. По мнению Баффета, анализу фундаментальных факторов создания стоимости должен предшествовать анализ качества управления, команды менеджеров, истории развития компании и ее собственников, наличия в бизнес-модели точек инновационного роста [6].

Российский экономист К. Т. Бясов определяет инвестиционную стратегию как «систему долгосрочных целей инвестиционной деятельности организации, определяемых общими задачами ее развития и инвестиционной идеологией, а также выбор наиболее эффективных путей их достижения» [7].

Многие проблемы формирования инвестиционного процесса в современных условиях обусловлены отсутствием четко разработанной системы принципов инвестиционной политики, призванной обеспечивать эффективное взаимодействие всех уровней управления, начиная от предприятий и охватывая органы власти всех уровней.

По мнению О. М. Мальшуковой [3], при формировании инвестиционной политики целесообразно руководствоваться пятью основополагающими принципами.

1. *Системность* — один из определяющих принципов, его соблюдение позволяет проводить инвестиционную политику с учетом стратегических целей финансовой, научно-технической, амортизационной, производственной и других видов политики.

2. *Приоритетность* инвестиционной политики — выделение из всего комплекса разрабатываемых и анализируемых направлений, вариантов, проектов инвестирования основных, т. е. позволяющих обеспечить высокий уровень эффективности.

3. *Эффективность* инвестирования — предполагает необходимость доказывать, что именно предлагаемый проект обеспечит положительные результаты инвестирования.

4. *Согласованность*. При соблюдении этого принципа на микроуровне основные положения инвестиционной политики прямо зависят от содержания инвестиционной стратегии и состояния факторов, воздействующих на экономическую систему, и при этом не противоречат концептуальным положениям прочих функциональных стратегий. Согласование с инновационной, налоговой, учетной, амортизационной и кадровой политикой является главным условием успеха инвестиционной политики предприятия.

На макроуровне государственная инвестиционная политика как составная часть экономической и социальной политики государства является определяющей, поскольку инвестиционная политика как деятельность, отражающая создание системы предпосылок, возможностей и условий для инвестиционной активности, в равной степени касается органов государственной власти, государственного управления всех уровней и предпринимателей. Формируя инвестиционную политику системы мезо- и микроуровня, следует исходить из общегосударственных приоритетов, однако по ожидаемым результатам она может быть преимущественно ориентирована на реализацию локальных интересов.

5. *Контроллинг* — предполагает наличие системы оценки степени исполнения инвестиционной политики, возможность корректировки направлений и управления ситуацией на всех этапах инвестиционного процесса. Этот принцип — один из главных в инвестиционной политике, так как позволяет принимать своевременные управленческие решения, избегать кризисных ситуаций и достигать целей инвестирования.

Процесс составления инвестиционной политики предприятия проходит ряд этапов. Соблюдение этапности разработки и принятия должных решений инвестиционной политики повышает вероятность успеха предполагаемых капиталовложений. Исследователь Ю. Г. Макарова с соавторами [8] относят к этапам инвестиционной политики предприятия:

- четкую постановку целей и задач инвестиционной политики (цели должны быть измеримыми, достижимыми, конкретными и совместимыми);

- исследование и учет конъюнктуры рынка и факторов внешней среды, влияющих на выбор инвестиционной политики;
- формирование инвестиционной политики предприятия по основным направлениям инвестирования;
- составление инвестиционной программы предприятия;
- контроллинг инвестиционной программы предприятия.

Итак, инвестиционная политика предприятия представляет собой сложную, взаимообусловленную и взаимосвязанную совокупность видов его деятельности, направленную на перспективное развитие, извлечение прибыли и других выгод из инвестиционных вложений. Эффективная инвестиционная политика предприятия должна быть сбалансированной по всем направлениям и адекватной изменяющимся условиям хозяйствования.

Литература

1. Живолуп Д. И., Федотова Г. В., Харламова Е. Е. Инвестиционная политика как основная категория формирования инвестиционной деятельности промышленного предприятия // Вестник магистратуры. 2014. № 6 (33). Т. 3. С. 42—44.
2. Теплова Т. В. Инвестиции. М.: Юрайт, 2011. 724 с.: ил.
3. Мальщук О. М. Проблемы разработки инвестиционной политики предприятия // Вопросы инновационной экономики. 2011. № 4 (4). С. 29—38.
4. Тулупникова Ю. В. Инвестиционная политика предприятия // Персональный сайт Тулупниковой Ю. В. URL: http://www.tulupnikova.com/lek/Invest_strategy_lecture3.doc (дата обращения: 05.03.2015).
5. Баффет У. Эссе об инвестициях, корпоративных финансах и управлении компаниями = The Essays Lessons for Corporate America / Пер. с англ.; сост. и авт. введ. Л. А. Каннингем. М.: Альпина Бизнес Букс, 2005. 266 с.
6. Чиркова Е. В. Философия инвестирования Уоррена Баффетта, или О чем умалчивают биографы финансового гуру. М.: Альпина Бизнес Букс, 2008. 265 с.
7. Бясов К. Т. Основные аспекты разработки инвестиционной стратегии организации // Банкротство. Теория и практика. 2006. № 3. С. 49—53.
8. Макарова Ю. Г., Павлова Е. А., Ковалева А. М. Инвестиционная политика предприятия: сущность и этапы // Молодой ученый. 2012. № 12. С. 232—233.

Лазаренко Нина Ивановна — старший преподаватель кафедры экономической теории и финансов (ЭТиФ) МИЭТ. E-mail: etf@miee.ru

Голованов Сергей Владимирович — студент факультета (института) экономики, управления и права (ИнЭУП) МИЭТ. E-mail: magos11@yandex.ru

Актuarный анализ на основе схемы гибели и размножения

В. В. Лесин, Ю. П. Лисовец, А. М. Ревякин

Национальный исследовательский университет «МИЭТ»

Актuarные расчеты являются обязательной частью любого вида страховой деятельности. Методика расчета страховых тарифов на основе модели гибели и размножения рассматривается применительно к страховым продуктам, связанным с утратой объекта страхования (страхование жизни, автомобилей от угонов, грузоперевозок и т. д.). Описание методики иллюстрируется примерами. В частности, получена формула расчета страхового тарифа для указанных видов страхования, обеспечивающего заданный доход страховой компании с выбранной вероятностью.

Ключевые слова: страхование; страховой тариф; модель гибели и размножения.

Страхование входит как составная часть в большинство видов экономической деятельности, чем обусловлена важность разработки математических моделей различных страховых схем, применяемых в страховании. Большие возможности для этого предоставляет модель гибели и размножения [1; 2], описывающая случайные процессы определенного типа.

1. Марковские случайные процессы с непрерывным временем и дискретными состояниями. Будем рассматривать случайный процесс $\xi(t)$, $t \in [0; \infty)$, все сечения которого являются дискретными случайными величинами, т. е. процесс с непрерывным временем и дискретными состояниями.

Предположим, что $\xi(t)$ является марковским случайным процессом, т. е. для всех целых $n > 2$ и любых $0 \leq t_1 < t_2 < \dots < t_n$ его условные законы распределения

$$F_{\xi}(x_n | x_{n-1}, \dots, x_1) = P\{\xi(t_n) < x_n | \xi(t_{n-1}) = x_{n-1}, \dots, \xi(t_1) = x_1\}$$

удовлетворяют требованию

$$F_{\xi}(x_n | x_{n-1}, \dots, x_1) = F_{\xi}(x_n | x_{n-1}).$$

Одно из значимых приложений марковских процессов с дискретными состояниями, в том числе в вопросах страхования, относится к объекту S с конечным или счетным множеством возможных состояний $\{s_k\}$. Если этот объект в случайные моменты времени $t > 0$ совершает случайные переходы между состояниями $s_l \rightarrow s_k$ (причем вероятности p_{lk} этих переходов не зависят от пути, по которому он пришел в состояние s_l), то адекватной математической моделью объекта S будет марковский процесс с непрерывным временем и дискретными состояниями.

Для вероятностного описания случайных моментов переходов $s_l \rightarrow s_k$ используется понятие *потока событий* — последовательности однородных событий, появляющихся в случайные моменты времени (примеры в исследуемой нами области: поток заключаемых договоров страхования, страховых случаев, завершающихся по срокам договоров страхования). Важнейшей для приложений его моделью является *простейший поток*, обладающий свойствами стационарности, ординарности и отсутствия последствия [1; 2].

Оказывается [1], что число v_t событий, появляющихся на промежутке длины t в простейшем потоке с интенсивностью (т. е. средним числом событий в единицу времени) λ , есть случайная величина, распределенная по закону Пуассона:

$$v_t \sim Pu(\lambda t).$$

При этом длительность τ промежутка времени между двумя последовательными событиями в таком потоке имеет показательное распределение с параметром λ : $\tau \sim Ex(\lambda)$, поэтому среднее значение этой длительности $\bar{\tau} = 1/\lambda$.

Во многих приложениях используется обобщение простейшего потока — *пуассоновский поток событий*, отличающийся от простейшего тем, что не является, вообще говоря, стационарным: его интенсивность — это не постоянная величина, а функция времени $\lambda(t) \geq 0$.

Два потока событий называют *независимыми*, если для любых промежутков времени число событий первого потока, появившихся на одном из промежутков, и число событий второго на другом промежутке являются независимыми случайными величинами.

Суммой потоков событий называется поток, состоящий из событий, образующих все складываемые потоки. Можно показать, что сумма конечного числа независимых пуассоновских потоков с интенсивностями $\lambda_k(t)$ есть пуассоновский поток событий с интенсивностью

$$\lambda(t) = \sum_k \lambda_k(t).$$

Предположим, что рассмотренный выше объект S в случайные моменты времени совершает между состояниями $\{s_k\}_{k=1}^n$ случайные переходы $s_l \rightarrow s_k$, образующие независимые пуассоновские потоки событий с интенсивностями $\lambda_{lk}(t)$. Тогда случайный процесс $S(t)$, описывающий такой объект, будет марковским из-за отсутствия последствия в пуассоновских потоках переходов $s_l \rightarrow s_k$. Итак, $S(t)$ есть марковский процесс с дискретными состояниями и непрерывным временем.

Одной из основных задач, возникающих при исследовании таких процессов, является вычисление *вероятностей состояний*

$$p_k(t) = P\{S(t) = s_k\}, t \in (0; \infty), k = 1, 2, \dots, n.$$

Эти вероятности удовлетворяют системе дифференциальных уравнений Колмогорова (см. [1]):

$$p'_k(t) = \sum_{\substack{l=1 \\ l \neq k}}^n \lambda_{lk}(t) p_l(t) - \left(\sum_{\substack{l=1 \\ l \neq k}}^n \lambda_{kl}(t) \right) p_k(t), \quad (1)$$

$$k = 1, 2, \dots, n.$$

Систему уравнений (1) следует дополнить начальными условиями

$$p_k(0) = p_{k0} \geq 0, k = 1, 2, \dots, n,$$

$$\sum_{k=1}^n p_{k0} = 1.$$

2. Марковские процессы гибели и размножения. Во многих приложениях используется частный случай марковского процесса $S(t)$ с дискретными состояниями и непрерывным временем, у которого допустимыми являются только переходы $s_l \rightarrow s_k$, удовлетворяющие условию $|k - l| = 1$; он называется *процессом гибели и размножения*.

В дальнейшем интенсивности переходов $\lambda_{lk}(t)$ будем обозначать $\lambda_{lk}(t) = \lambda_l(t)$ при $k = l + 1$ и $\lambda_{lk}(t) = \mu_l(t)$ при $k = l - 1$. Тогда уравнения Колмогорова (1) для процесса гибели и размножения с числом n возможных состояний примут вид:

$$\begin{aligned} p'_0(t) &= \mu_1(t)p_1(t) - \lambda_0(t)p_0(t), \\ p'_k(t) &= \lambda_{k-1}(t)p_{k-1}(t) + \mu_{k+1}(t)p_{k+1}(t) - (\lambda_k(t) + \mu_k(t))p_k(t), \quad k = 1, 2, \dots, n-1, \\ p'_n(t) &= \lambda_{n-1}(t)p_{n-1}(t) + \mu_n(t)p_n(t). \end{aligned} \quad (2)$$

Пример 1. Рассмотрим использование модели гибели и размножения для расчета характеристик процесса страхования в следующих условиях: пусть в начальный момент времени у страховой компании имеется n однотипных бессрочных договоров страхования. Новые договоры не заключаются. Из статистических данных известно среднее время $\bar{\tau} = 1/\mu$ от момента заключения договора до наступления страхового случая, после чего действие договора завершается. Оценим вероятности $p_k(t)$ того, что к моменту t в компании осталось ровно k действующих договоров (состояние s_k), и среднее время, в течение которого в компании остаются действующие договоры данного типа.

Предположим, что поток страховых событий является простейшим с интенсивностью μ . В состоянии s_k система S содержит k действующих договоров, поэтому интенсивность перехода $s_k \rightarrow s_{k-1}$ равна $\mu_k = k\mu$.

Решение уравнений Колмогорова (2) с начальными условиями $p_n(0) = 1; p_k(0) = 0, k = n-1, n-2, \dots, 0$ имеет вид

$$p_k(t) = C_n^k e^{-k\mu t} (1 - e^{-\mu t})^{n-k}, \quad k = 0, 1, \dots, n.$$

Вычислим среднее время, в течение которого в компании остаются действующие договоры. Пусть $t_1 < t_2 < \dots < t_n$ — моменты страховых событий, а $\tau_1 = t_1, \tau_2 = t_2 - t_1, \tau_3 = t_3 - t_2, \dots, \tau_n = t_n - t_{n-1}$ — длительности промежутков между ними. На первом промежутке действуют все n договоров, следовательно, интенсивность потока страховых случаев равна $n\mu$, поэтому $\tau_1 \sim \text{Ex}(n\mu)$ и средняя длительность этого промежутка $\bar{\tau}_1 = M[\tau_1] = 1/n\mu$. На втором промежутке действуют $n-1$ договоров, поэтому

$$\bar{\tau}_2 = 1/(n-1)\mu$$

и т. д. Таким образом, среднее время действия договоров данного вида страхования в компании равно

$$\sum_{k=1}^n \bar{\tau}_k = (1 + 1/2 + \dots + 1/n)/\mu.$$

Пример 2. Пусть $S(t)$ — число однотипных договоров страхования, действующих в страховой компании на условиях примера 1 к моменту t .

Считая потоки заключения договоров и страховых случаев по ним простейшими с интенсивностями λ и μ соответственно и полагая, что в начальный момент действующих договоров не было, найдем основные характеристики процесса $S(t)$: математическое ожидание $m_s(t)$ и дисперсию $D_s(t)$.

1. Математическое ожидание $m_s(t)$ в данном случае удовлетворяет уравнению $m'_s(t) = \lambda - \mu m_s(t)$ (см. [1]). Поскольку $S(0) = 0$, то и $m_s(0) = 0$. Решив задачу Коши для этого уравнения с начальным условием $m_s(0) = 0$, найдем среднее число действующих договоров:

$$m_s(t) = \lambda(1 - e^{-\mu t})/\mu. \quad (3)$$

2. Дисперсию $D_s(t)$ можно найти решением задачи Коши

$$\frac{dD_s(t)}{dt} = 2\lambda - \lambda e^{-\mu t} - 2\mu D_s(t), \quad D_s(0) = 0.$$

Можно показать, что

$$D_s(t) = \lambda(1 - e^{-\mu t})/\mu.$$

3. Расчет страховых тарифов на основе схемы гибели и размножения. Одной из главных характеристик любого вида страхования является *страховой тариф* B , связывающий страховую премию q со страховой суммой Q по формуле $q = BQ$. Рассмотрим методику расчета страховых тарифов на основе модели гибели и размножения применительно к страховым продуктам, связанным с утратой объекта страхования (страхование жизни, автомобилей от угонов, грузоперевозок и т. д.) (см. также [3–5]).

Предположим, что с начального момента введения данного вида страхования ($t = 0$, единица измерения t — 1 год) заключаемые договоры образуют простейший поток событий с интенсивностью λ . Такое предположение обычно удовлетворительно описывает потоки заявок на договоры страхования. Величина λ есть среднее число договоров, заключаемых в единицу времени, ее можно оценить из статистических данных.

Предположим также, что поток страховых событий для любого числа k объектов страхования также является простейшим с интенсивностью $k\mu$. Параметр μ есть интенсивность потока страховых случаев, приходящаяся на один объект страхования; в качестве его оценки можно использовать среднее число страховых случаев в единицу времени, происходящих для N застрахованных объектов, деленное на N . Например, если речь идет о страховании жизни, то оценка μ совпадает с вероятностью смертного случая для человека данной возрастной группы в течение периода страхования.

Рассмотрим обычные условия страхования на период T (как правило, равный 1 году). Страховая сумма Q выплачивается при наступлении страхового события в течение времени T с момента заключения договора, а при отсутствии страхового случая за этот период страховой взнос $q = BQ$ идет в доход компании.

Обозначим через $p_i(t)$ вероятность того, что в момент времени t по данному виду страхования в компании будет ровно i действующих договоров (т. е. таких, срок действия которых не истек и по которым не наступили страховые события). Предполагается, что $p_0(0) = 1$; $p_k(0) = 0$, $k = 1, 2, \dots$, так как в момент введения данного вида страхования ($t = 0$) число заключенных договоров равно нулю.

Среднее число $m_{act}(t)$ действующих к моменту t договоров найдем так же, как в примере 2:

$$m_{act}(t) = \lambda(1 - e^{-\mu t})/\mu, \quad t \leq T. \quad (4)$$

При $t > T$ математическая модель рассматриваемого процесса изменяется, так как помимо случайных потоков заключаемых договоров и страховых случаев появляется поток договоров, срок действия которых истек. Можно показать (см. [1]), что

$$m_{act}(t) = \lambda(1 - e^{-\mu T})/\mu, \quad t > T. \quad (5)$$

Введем следующие обозначения:

- $m(t)$ — среднее число договоров, заключенных к моменту t , включая и те, по которым выплачена страховая сумма или срок действия истек;

- $m_c(t)$ — среднее число договоров, по которым произошли страховые события;
- $m_0(t)$ — среднее число договоров с истекшим сроком действия.

Тогда, согласно свойствам простейшего потока событий,

$$m(t) = \lambda \cdot t, \quad (6)$$

$$m_0(t) = \begin{cases} 0 & \text{при } t \leq T, \\ \tilde{\lambda}t = \lambda e^{-\mu t} & \text{при } t > T, \end{cases} \quad (7)$$

$$m(t) = m_{act}(t) + m_0(t) + m_c(t). \quad (8)$$

Из равенства (8) с учетом соотношений (5)—(7) получаем:

$$m_c(t) = \begin{cases} \lambda[t - (1 - e^{-\mu t})/\mu] & \text{при } t \leq T, \\ \lambda[(1 - e^{-\mu T})t + e^{-\mu T}(1/\mu + T) - 1/\mu] & \text{при } t > T. \end{cases} \quad (9)$$

Теперь можно найти

$$\bar{q}(t) = \lambda q t = \lambda B Q t, \quad (10)$$

где $\bar{q}(t)$ — средняя сумма страховых премий по данному виду страхования, поступивших в компанию к моменту t ;

$$\bar{Q}(t) = Q m_c(t), \quad (11)$$

где $\bar{Q}(t)$ — средняя сумма страховых вознаграждений, выплаченных компанией по данному виду страхования к моменту t .

С помощью равенств (9)—(11) найдем выражение для средней общей суммы доходов $\bar{C}(t)$, полученных компанией по данному виду страхования за время t :

$$\bar{C}(t) = \lambda B Q t - Q m_c(t) = \begin{cases} \lambda Q[t(B - 1) + (1 - e^{-\mu t})/\mu], & 0 \leq t \leq T, \\ \lambda Q[(B + e^{-\mu T} - 1)t - e^{-\mu T}(1/\mu + T) + 1/\mu], & t > T. \end{cases} \quad (12)$$

Используя соотношение (12), можно найти страховой тариф B , обеспечивающий требуемый средний доход компании из условия

$$S_d(t) \geq R(t), \quad (13)$$

где $R(t)$ — минимальный планируемый средний доход компании по данному виду страхования за время t . Пусть, например,

$$R(t) = \beta S(t) = \beta \lambda q t, \quad (14)$$

т. е. предполагаемый средний доход в единицу времени — постоянная величина, а $\beta < 1$ — доля собранных страховых взносов, идущая в доход компании.

Анализ соотношений (13), (14) с учетом (12) показывает, что требуемый средний доход достигается при

$$B \geq (1 - e^{-\mu T}) / (1 - \beta). \quad (15)$$

Пусть, например, $\mu = 0,02$ 1/год (это приблизительно соответствует среднему показателю смертности населения), $T = 1$ год, $\beta = 0,3$ (т. е. предполагается, что 30 % собранных страховых взносов идет в доход компании). Тогда, согласно (15), страховой тариф $B \geq 0,0283$.

Формула (15) не включает рисковой надбавки, гарантирующей требуемый доход с доверительной вероятностью $1 - \alpha$.

Можно показать, что с учетом этой надбавки формула для оценки страхового тарифа принимает вид

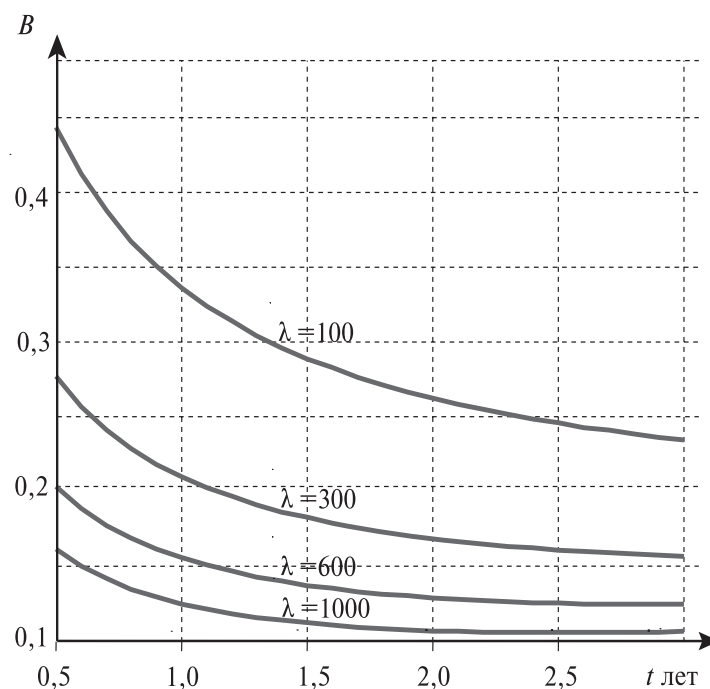
$$B \geq \frac{1}{1-\beta} \left[1 - \frac{\lambda(1-e^{-\mu t})/\mu - u_{1-\alpha} \sqrt{\lambda(1-e^{-\mu t})/\mu}}{\lambda t + u_{1-\alpha} \sqrt{\lambda t}} \right], \quad (16)$$

где $u_{1-\alpha}$ — квантиль порядка $1 - \alpha$ стандартного распределения Гаусса; t — время работы компании, для которого рассчитывается страховой тариф B .

Рассмотрим пример расчета брутто-ставки по формуле (16). Пусть

$$\mu = 0,02 \text{ 1/год}; \alpha = 0,1,$$

т. е. доверительная вероятность $1 - \alpha = 0,9$; $\beta = 0,3$, т. е. доходы компании составляют 30 % от собранных сумм. Зависимость страхового тарифа B от времени работы компании t для различных значений интенсивности заключения договоров λ показана на рисунке.

Результаты расчетов страхового тарифа

Описанный нами подход к анализу работы страховой компании, основанный на схеме гибели и размножения, позволяет исследовать и другие формы страхования, например, с отложенной страховой выплатой, когда она производится только по страховым случаям, наступившим через определенный период после заключения договора.

Литература

1. **Вентцель Е. С., Овчаров Л. А.** Теория случайных процессов и ее инженерные приложения. М.: Наука. Гл. ред. физ.-мат. лит., 1991. 383 с.: ил. (Физ.-мат. б-ка инженера).
2. **Волков И. К., Зуев С. М., Цветкова Г. М.** Случайные процессы / Под ред. В. С. Зарубина, А. П. Крищенко. М.: Изд-во МГТУ им. Баумана, 2000. 448 с.: ил. (Математика в техническом университете. Вып. XVIII).
3. **Лесин В. В., Лисовец Ю. П., Ревякин А. М.** Расчет страховых тарифов на основе модели гибели и размножения // Вестник МГАДА. Серия: Экономика. 2012. № 2 (14). С. 174—178.

4. Расчет брутто-ставки на основе модели гибели-размножения / В. В. Лесин, Ю. П. Лисовец, А. М. Ревякин, Р. А. Митюшкин // Математические методы и приложения: Труды XIX математических чтений РГСУ. М.: РГСУ, 2010. С. 143—147.

5. Методика расчета характеристик одной схемы накопительного страхования жизни / В. В. Лесин, Ю. П. Лисовец, Р. А. Митюшкин, А. М. Ревякин // Вестник МГАДА. Серия: Экономика. 2010. № 4 (4). С. 114—117.

Лесин Виктор Васильевич — кандидат физико-математических наук, доцент кафедры высшей математики № 1 (ВМ-1) МИЭТ. E-mail: victor.lesin@gmail.com

Лисовец Юрий Павлович — кандидат физико-математических наук, доцент кафедры ВМ-1 МИЭТ. E-mail: lisovec@gmail.com

Ревякин Александр Михайлович — кандидат физико-математических наук, доцент кафедры высшей математики № 2 (ВМ-2) МИЭТ. E-mail: arevyakin@mail.ru

Инновация: изобретение или новшество — неоднозначность терминологии

Н. А. Андрианова, Р. О. Андрианов

Национальный исследовательский университет «МИЭТ»

Отмечается роль инноваций в рыночной экономике как эффективного средства конкурентной борьбы. Подчеркивается необходимость инноваций для создания конкурентоспособной продукции с высокой степенью наукоемкости и новизны. Утверждается важность терминологической ясности для правильного понимания этого процесса. Рассматриваются определения терминов «изобретение», «новшество» и «инновация» в контексте рыночной экономики, представлена сводная классификация инноваций по ряду признаков, дается механизм разработки маркетинговой программы инновационного продукта.

Ключевые слова: продукт; рынок; инновация; коммерциализация; классификация; маркетинговая программа.

В последнее десятилетие в мировой экономике происходит ряд существенных изменений: глобализация рынков, усиление жесткой конкуренции, резкое увеличение темпов морального старения и обновления продукции, сокращение жизненного цикла товара. Как следствие, изменяются формы и методы ведения бизнеса, связанные с высоким риском, возрастает значение гибкости, мобильности и инновационности предприятий.

Без применения инноваций практически невозможно создать конкурентоспособную продукцию, имеющую высокую степень наукоемкости и новизны. Следовательно, в рыночной экономике инновации представляют собой эффективное средство конкурентной борьбы: они ведут к созданию новых потребностей, снижению себестоимости продукции, притоку инвестиций, улучшению имиджа (повышению рейтинга) производителя новых продуктов, открытию и захвату новых рынков, в том числе внешних.

Основное условие правильного понимания любого процесса — четкое осознание того, что подразумевается под обозначающим его термином. Со словом «инновация» часто ассоциируют такие понятия, как новшество, нововведение, новаторство или новинка. В английской терминологии это синонимы, но в них заключены разные оттенки смысла, и отождествлять их можно не всегда.

Прежде всего следует отличать инновацию от *изобретения*. Оно представляет собой только идею или прототип нового продукта (технологического процесса) и не превращается в инновацию, пока не достигнет рынка.

Далее, *новшество* — это, согласно базовому определению, оформленный результат фундаментальных и прикладных исследований или разработок в какой-либо сфере деятельности. Его разработка включает в себя этапы маркетинговых

исследований, выполнения НИОКР, подготовки производства, запуска в производство и оформления результатов. Конечным итогом внедрения новшества с целью получить желаемый результат будет инновация.

Наконец, *нововведение* — внедренное и применяемое новшество, доведенное до уровня промышленного образца, действующей модели или стандартизированного метода [1]. При широкомасштабном использовании оно становится инновацией.

Европейские ученые XX в. (Н. Мончев, И. Перлаки, В.-Д. Хартман, Б. Твисс и др.) трактовали это понятие в зависимости от объекта и предмета своего исследования. Например, Б. Твисс определял инновацию как процесс, в котором изобретение или идея приобретает экономическое содержание; Ф. Никсон считал ее совокупностью технических, производственных и коммерческих мероприятий, приводящих к появлению на рынке новых и улучшенных промышленных процессов и оборудования; по мнению Б. Санто, она представляет собой общественно-техничко-экономический процесс, который через практическое использование идей и изобретений приводит к созданию лучших по своим свойствам изделий и технологий, а если она ориентирована на экономическую выгоду, ее появление на рынке может принести добавочный доход [2].

Классик американской теории управления П. Друкер понимал под инновацией действие, наделяющее ресурсы новой способностью производить материальные ценности. Социолог и экономист Й. Шумпетер трактовал инновацию как новую научно-организационную комбинацию производственных факторов, мотивированную предпринимательским духом. Именно он в 1930-е гг. ввел понятие инновации в экономическую науку, показав в работе «Теория экономического развития» [3] разницу между экономическим ростом (увеличением производства и потреблением одних и тех же товаров) и экономическим развитием (появлением чего-то нового, неизвестного ранее). Однако само слово «инновация» в этой книге не встречается, его смысл передан словосочетанием «новая комбинация».

В исследованиях отечественных экономистов термин «инновация» стал широко применяться с переходом экономики к рыночным отношениям. В советской экономической литературе проблематика нововведений широко освещалась в рамках исследований научно-технического прогресса, развития науки и техники.

На рубеже веков авторы статей, монографий и справочных пособий (А. И. Пригожин, Н. И. Лапин, А. В. Проскуряков, И. Т. Балабанов, Д. И. Кокурин, В. Н. Гунин, Э. А. Уткин, Г. Д. Ковалев, П. Н. Завлин, В. Г. Медынский, Н. М. Авсянников, Р. А. Фатхутдинов и др.) разграничивали понятия инновации и новшества (нововведения), не отождествляя их.

Исследователи Н. П. Фигурнова, Е. В. Красникова и А. М. Бабашкина в 2002 г. отмечали, что объектом, стержнем инновации является новшество, а его ядром, в свою очередь, выступает новация, т. е. новое техническое решение: с целью реализовать новацию и превратить ее в инновацию необходимо осуществить денежное вливание (инвестировать), после чего внедрить новшество, получить положительные результаты и завершить инновационную деятельность [4, с. 350].

В 2006 г. В. М. Аньшин предлагал рассматривать новшество как потенциальную инновацию, новое решение до его коммерциализации, а инновацию — как первое практическое применение нового научно-технического (технологического), организационно-экономического, производственного или иного решения [5, с. 19].

Академик М. В. Алфимов и профессор И. М. Бортник в статье 2007 г. определяли инновацию как внедрение новых продуктов или технологий, опирающихся на научные исследования и разработки [6].

В соответствии с международным стандартом по науке и инновациям «Руководство Фраскати: Стандартная практика для обследований научных исследований и разработок» (принят ОЭСР в 1993 г., ред. 2003 г.), инновация определяется как конечный результат инновационной деятельности, получивший воплощение в виде нового или усовершенствованного продукта, внедряемого на рынке, нового или усовершенствованного технологического процесса, используемого в практической деятельности, либо в новом подходе к социальным услугам (приводится по: [7]).

Официальным российским определением термина признано используемое в «Концепции инновационной политики Российской Федерации на 1998—2000 годы»: «Инновация (нововведение) — конечный результат инновационной деятельности, получивший реализацию в виде нового или усовершенствованного продукта, реализуемого на рынке, нового или усовершенствованного технологического процесса, используемого в практической деятельности» [8].

Исследователь В. А. Иванов в 2007 г. проанализировал и обобщил большинство приведенных выше формулировок понятия «инновация» и предложил следующее определение: «Инновация — коммерциализация научных знаний, получивших воплощение в виде новой или усовершенствованной продукции (услуги), техники, технологии, организации производства, управления и приносящих различные виды эффекта» [9]. Следовательно, инновация должна обладать новизной, удовлетворять спрос потребителей и приносить прибыль производителю.

Каждое нововведение (инновация) характеризуется степенью новизны — непременным свойством и самостоятельной ценностью любого новшества, отличающим его от уже известного класса подобных изделий. Новизна — это совокупность свойств, характеризующих радикальность применений объекта и дающих ему право называться новым. К основным факторам, определяющим новизну продукции, Н. К. Моисеева и Ю. П. Анискин относят:

- оригинальность идеи;
- величину ассигнований на НИОКР;
- коэффициент обновления основных фондов;
- расходы по маркетингу;
- норму прибыли;
- объем продаж [10].

Тем не менее большинство изобретений никогда не становятся инновациями. По мнению А. А. Демченко, это происходит в том случае, если новый товар отвечает следующим критериям:

- важность (потребители должны воспринимать новый продукт или услугу как привлекательную и важную);
- уникальность (выгоды от приобретения нового товара или услуги должны восприниматься как единственные в своем роде);
- ликвидность (компания должна иметь возможность продать новый товар, т. е. разработать эффективную систему распределения) [11].

Можно добавить еще ряд существенных критериев:

- ценность (потребитель сравнивает преимущества, получаемые при покупке и использовании товара, и затраты на его приобретение и эксплуатацию);

- не копируемость (новый продукт не должен легко воспроизводиться конкурентами);
- устойчивость (постоянная востребованность товара на рынке в дальнейшем).

В целях систематизации инноваций отечественные экономисты (П. Н. Завлин, А. В. Васильев, А. И. Пригожин, Э. А. Уткин, Н. И. Морозова, Г. И. Морозова, Д. М. Степаненко, В. В. Горшков, Е. А. Кретьева, Г. В. Овчаренко, В. М. Анышин и др.) разработали различные классификации по ряду признаков [12—14]. Разнообразие классификаторов обусловлено комплексным характером нововведений, их многосторонностью, множественностью способов и областей применения. В целом классификации схожи, но у отдельных авторов встречаются оригинальные идеи. Общими классификационными основаниями являются сфера приложения (сфера разработки и распространения / структурный признак), предмет приложения (характер изменения / внешний признак) и степень радикальности инновации.

По результатам объединения проанализированных классификаций и более детального определения классификационных признаков и параметров отношения инновации к конкретному признаку была составлена сводная классификация инноваций.

Классификационный признак 1: *значимость*. Виды инноваций:

- 1.1. Базисные (реализуют крупные изобретения, становятся основой формирования новых поколений и направлений техники).
- 1.2. Улучшающие (реализуют мелкие и средние изобретения, улучшают качественные характеристики известных продуктов и методов производства).
- 1.3. Комбинаторные (обеспечивают новое сочетание элементов известных продуктов и технологий, обуславливают рыночную новизну товара).
- 1.4. Имитирующие (распространяют новшества и их применение в новых сферах и организациях).
- 1.5. Псевдоинновации (обеспечивают незначительные технические модификации продукта, изменение внешнего вида — упаковки, дизайна и т. д.).

Классификационный признак 2: *форма выражения степени новизны*. Виды инноваций:

- 2.1. Открытия, изобретения, патенты.
- 2.2. Рационализаторские предложения.
- 2.3. Ноу-хау.
- 2.4. Товарные знаки, торговые марки, эмблемы.
- 2.5. Новые документы, описывающие технологические, производственные и управленческие процессы, конструкции, структуры и методы.

Классификационный признак 3: *масштаб новизны*. Виды инноваций:

- 3.1. В мировом масштабе.
- 3.2. В стране.
- 3.3. Для отрасли.
- 3.4. Для предприятия.

Классификационный признак 4: *предмет*. Виды инноваций:

- 4.1. Продуктовые.
- 4.2. Процессные.
- 4.3. Организационно-управленческие.
- 4.4. Экономические.

- 4.5. Социальные.
- 4.6. Торговые.
- 4.7. Информационные.

Классификационный признак 5: *преемственность (отношение к прототипу)*.

Виды инноваций:

- 5.1. Заменяющие.
- 5.2. Отменяющие.
- 5.3. Возвратные.
- 5.4. Открывающие.
- 5.5. Ретровведения.

Классификационный признак 6: *глубина изменений*. Виды инноваций:

- 6.1. Регенерирующие первоначальные свойства системы, сохраняющие и обновляющие ее прежние функции.
- 6.2. Изменяющие количественные свойства системы.
- 6.3. Перегруппировывающие составные части системы с целью улучшить ее функционирование.
- 6.4. Осуществляющие адаптивные изменения элементов производственной системы с целью приспособить их друг к другу.
- 6.5. Новый вариант — простое качественное изменение, выходящее за рамки простых адаптивных.
- 6.6. Новое поколение — изменение всех или большинства свойств системы при сохранении базовой концепции.
- 6.7. Новый вид — качественное изменение прежних свойств системы, первоначальной концепции без изменения функционального принципа.
- 6.8. Новый род — высшее изменение в функциональных свойствах системы, затрагивающее и ее функциональный принцип.

Классификационный признак 7: *разработчик*. Виды инноваций:

- 7.1. Произведенные силами предприятия.
- 7.2. Созданные внешними силами.

Классификационный признак 8: *место реализации*. Виды инноваций:

- 8.1. Для внутреннего применения на предприятии.
- 8.2. Для накопления на предприятии.
- 8.3. Для продажи.

Классификационный признак 9: *частота применения*. Виды инноваций:

- 9.1. Разовые.
- 9.2. Повторяющиеся.

Классификационный признак 10: *степень интенсивности*. Виды инноваций:

- 10.1. Резкий скачок.
- 10.2. Равномерная.
- 10.3. Слабая.
- 10.4. Массовая.

Классификационный признак 11: *темпы осуществления*. Виды инноваций:

- 11.1. Быстрые.
- 11.2. Замедленные.
- 11.3. Затухающие.
- 11.4. Нарастающие.

11.5. Равномерные.

11.6. Скачкообразные.

Классификационный признак 12: *результативность*. Виды инноваций:

12.1. Высокореzультативные.

12.2. Среднереzультативные.

12.3. Низкореzультативные.

Классификационный признак 13: *причины возникновения*. Виды инноваций:

13.1. Реактивные (обеспечивающие выживание фирмы — реакция на нововведения конкурента).

13.2. Стратегические (имеющие упреждающий характер; цель — получить конкурентные преимущества в перспективе).

Классификационный признак 14: *механизм осуществления (распространенность)*. Виды инноваций:

14.1. Единичные (на одном объекте).

14.2. Диффузные (распространенные по многим объектам).

Классификационный признак 15: *время выхода на рынок*. Виды инноваций:

15.1. Лидеры.

15.2. Последователи.

Классификационный признак 16: *характер удовлетворяемых потребностей*.

Виды инноваций:

16.1. Ориентированные на известные потребности.

16.2. Создающие новые потребности.

Классификационный признак 17: *вид эффекта, получаемого после внедрения*.

Виды инноваций:

17.1. Экономические.

17.2. Экологические.

17.3. Научно-технические.

17.4. Социальные.

17.5. С интегральным эффектом.

Классификационный признак 18: *эффективность*. Виды инноваций:

18.1. Успешные.

18.2. Неудачные.

Классификационный признак 19: *влияние на поведение социальной группы*. Виды инноваций:

19.1. Непрерывные.

19.2. Динамически непрерывные.

19.3. Прерывные.

Характеризовать инновацию всеми признаками классификации нецелесообразно, это приведет к избытку информации. В каждом случае необходимо выбирать из них наиболее определяющие для разработки маркетинговой программы.

Относя инновацию к тому или иному виду по определенным признакам, маркетологи могут разработать маркетинговую стратегию вывода нового продукта на рынок, используя наличные ресурсы предприятия.

Следуя принципам морфологического анализа, можно разработать несколько маркетинговых программ, делая упор на более значимый инструмент из комплекса маркетинга. Все полученные варианты программ следует оценить, сравнить

издержки на их реализацию и затем, в соответствии с возможностями предприятия и рыночной ситуацией, выбрать наиболее оптимальный.

Морфологическая классификация маркетинговых программ

Признак (индекс)	Вид инновации (индекс)	Маркетинговые программы			
		Инструменты маркетинга (индексы)			
		Продукт, Product (P1)	Цена, Price (P2)	Место, Place (P3)	Продвижение, Promotion (P4)
Значимость (А)	Базисные (А1)	+			
	Улучшающие (А2)				
	Комбинаторные (А3)				
	Имитирующие (А4)				
	Псевдоинновации (А5)				
Степень новизны (В)	Открытия (В1)				
	Рацпредложения (В2)	+	+		
	Ноу-хау (В3)				
	Товарные знаки (В4)				
	Новые документы (В5)				
Масштаб новизны (С)	Новые в мире (С1)				
	Новые в стране (С2)				
	Новые для отрасли (С3)	+			+
	Новые для предприятия (С4)				
Предмет инновации (D)	Продуктовые (D1)	+			
	Процессные (D2)				
	Организационно-управленческие (D3)				
	Экономические (D4)				
	Социальные (D5)				
	Торговые (D6)				
	Информационные (D7)				

В таблице приведен пример составления маркетинговой программы в зависимости от выбора вида инновации: для продвижения инновации А1В2С3D1 формируется программа Р1Р2Р4Р3.

Степень приоритетности инструмента в маркетинговом комплексе определяется порядком индексов в цепочке.

Таким образом, проведенное обзорное исследование подтвердило существенную терминологическую неопределенность при толковании понятий «изобретение», «новшество» и «инновация». Предложенный механизм разработки маркетинговой программы по продвижению инновационного товара на рынок, основанный на сводной классификации и результатах морфологического анализа, призван помочь руководителям предприятий и фирм совместно с аналитиками вырабатывать оптимальные управленческие решения для эффективной производственной деятельности.

1. Толковый словарь «Инновационная деятельность»: термины инновационного менеджмента и смежных областей / Отв. ред. В. И. Суслов. 2-е изд., доп. Новосибирск: Сиб. науч. изд-во, 2008. 223 с.
2. **Петров В. В.** Инновационный менеджмент [Электронный ресурс]. М.: Равновесие, 2006. 1 эл. опт. диск (CD-ROM).
3. **Шумпетер Й. А.** Теория экономического развития / Пер. с нем.; под ред. А. Г. Милейковского. М.: Прогресс, 1982. 455 с. (Экономическая мысль Запада).
4. Ресурсный потенциал экономического роста / Н. П. Фигурнова, А. М. Бабашкина и др. М.: Путь России: Экономическая литература, 2002. 567 с. (Энциклопедия рыночного хозяйства).
5. Инновационный менеджмент: многоуровневые концепции, стратегии и механизмы инновационного развития / Под ред. В. М. Аньшина, А. А. Дагаева. М.: Дело, 2006. 583 с.: ил.
6. **Алфимов М. В., Бортник И. М.** Фонды соединяют усилия // Российский фонд фундаментальных исследований (РФФИ) [Электронный ресурс]. Сор. 1997—2007. URL: http://w3.rfbr.ru/default.asp?doc_id=4326 (дата обращения: 06.03.2015).
7. **Григорьев Ю. В.** Терминология в инновационном законодательстве // Инновационный Вестник Регион [Электронный ресурс] / Воронежский инновационно-технологический центр. 2009. № 2. С. 2—6. URL: <http://www.v-its.ru/investregion/2009/02/pdf/2009-02-01.pdf> (дата обращения: 06.03.2015).
8. Концепция инновационной политики Российской Федерации на 1998—2000 годы: одобр. постановлением Правительства РФ от 24.07.1998 № 832 // Российская газета. 1998. № 158 (19 августа). С. 5.
9. **Иванов В. А.** Сущность, классификация инноваций и их специфика в аграрном секторе // Корпоративное управление и инновационное развитие экономики Севера: вестн. Научно-исследовательского центра корпоративного права, управления и венчурного инвестирования СыктГУ [Электронный ресурс]. 2007. Вып. 1. URL: <http://koet.syktu.ru/vestnik/2007/2007-1/3.htm> (дата обращения: 06.03.2015).
10. **Моисеева Н. К., Анискин Ю. П.** Современное предприятие: конкурентоспособность, маркетинг, обновление. Т. 1. М.: Внешторгиздат, 1993. 220 с.
11. **Демченко А. А.** Маркетинговые инновации в условиях кризиса // Маркетинг. 2009. № 1. С. 44—50.
12. **Завлин П. Н., Васильев А. В.** Оценка эффективности инноваций. СПб.: Бизнес-пресса, 1998. 216 с.
13. **Уткин Э. А., Морозова Г. И., Морозова Н. И.** Инновационный менеджмент. М.: Акалис, 1996. 208 с.
14. **Глухов В. В., Коробко С. Б., Маринина Т. В.** Экономика знаний. СПб.: Питер, 2003. 530 с.

Андрианова Нина Альбертовна — старший преподаватель кафедры маркетинга и управления проектами (МиУП) МИЭТ. E-mail: andrianova_nina@inbox.ru

Андрианов Роман Олегович — магистрант кафедры МиУП МИЭТ.
E-mail: andrianov_roman@inbox.ru

Концепции маркетинга в российской экономике

Т. Л. Короткова

Национальный исследовательский университет «МИЭТ»

Анализируются современные макро- и микроэкономические факторы, влияющие на формирование маркетинговой теории, и практика реализации маркетинговых концепций в России. Основное внимание уделено исследованию различий в развитии маркетинговых концепций в разные периоды прошлого века и сегодня, связанных с эволюцией рыночных отношений в условиях глобализации и постиндустриального развития мировой и российской экономики. Показан неравномерный характер развития теории рыночных отношений и товарообменных процессов в России вследствие войн, революций и специфики политических идеологий. Отмечен весомый вклад российских ученых и практиков в развитие мировой экономической науки и маркетинга как одного из ее разделов.

Ключевые слова: современные концепции маркетинга; факторы формирования теории маркетинга; российская экономика.

Традиционно считается, что маркетинговая теория в мировом масштабе развивалась в течение XX столетия поэтапно и последовательно, в полном соответствии с эволюцией рыночных отношений и товарообменных процессов. Бытует также мнение, что маркетинг в России получил признание и развитие только после рыночных реформ конца XX в. В действительности становление теории и практики маркетинга в России имеет свою историю и национальную специфику, отразившуюся не только в подходах к коммерческой деятельности и принципах ее ведения, но и в соответствующих терминах и понятиях. Сравним основные периоды формирования маркетинговых концепций в условиях западной и российской экономик конца XIX в. и в течение XX в. (см. таблицу).

Сравнительная характеристика периодов развития маркетинговых концепций на Западе и в России

Страны Запада		Россия	
Традиционные периоды развития маркетинга	Характерные черты теорий маркетинга	Этапы развития маркетинга	Характеристики этапов
Производственный (конец XIX и начало XX в.): бурный процесс концентрации и слияния промышленного и финансового капитала	Акцент на массовом производстве и решении проблем, связанных с его наращиванием	Промышленный (конец XIX и начало XX в.): концентрация промышленного производства. Формирование единого всероссийского рынка. Основное внимание уделялось переходу многих	Распространение в России экономической теории маржинализма, в основе которой — субъект с его потребностями. Выделение посреднического предпринимательства. Маркетинговые инструменты: реклама и меценатство

Страны Запада		Россия	
Традиционные периоды развития маркетинга	Характерные черты теорий маркетинга	Этапы развития маркетинга	Характеристики этапов
		традиционных сфер промышленного труда на индустриальную основу	как средства формирования общественного мнения
Сбытовой (до 1930-х гг.): рост продукции товарной промышленности, развитие автостроения, электротехники, киноиндустрии. Развитие рынка и конкуренции	Интенсификация сбытовой и коммуникационной политики бизнеса. В основе концепции — движение «изнутри наружу», т. е. от интересов производства	Нэп (1920-е гг.): в 1922 г. введена новая экономическая политика (нэп), ключевой элемент которой — развитие торговли, использование рынка и различных форм собственности, привлечение иностранного капитала в форме концессий	Увязывание рыночного формирования цены с изменением потребности в оцениваемом продукте. Появление новых видов российской торговой рекламы. Использование плановых и рыночных механизмов: легализация свободы торговли; право граждан на организацию промышленных и торговых предприятий. Интенсификация товарообменных процессов и рекламной деятельности
Период перехода к маркетинговой (рыночной) концепции (вторая половина XX в.): интеграционные процессы (создание общих рынков в регионах мира, свободное движение товаров, лиц, капиталов и услуг). Возрастание мирового объема ВВП на душу населения в 2,5 раза	Использование подхода «снаружи вовнутрь» (отталкиваясь от рынка и ориентируясь на нужды потребителей), а также комплексные усилия маркетинга в целях увеличения прибыли благодаря удовлетворению потребителей	Пореформенный период (с 1945 по 1998 гг.): реформирование экономических отношений. Попытки создания модели рыночного социализма. Радикальные рыночные реформы 90-х гг.: либерализация розничных цен и внешней торговли, реорганизация налоговой системы и др.	Внедрение различных классических концепций маркетинга в бизнес, в зависимости от уровня развития рыночных отношений. Налаживание эффективных связей между производителями и потребителями. Обращение к покупательским запросам и формирование на их основе производственных программ. Выявление сильных и слабых сторон предприятий с целью развить одни и исключить другие

Страны Запада		Россия	
Традиционные периоды развития маркетинга	Характерные черты теорий маркетинга	Этапы развития маркетинга	Характеристики этапов
Современный период глобализации мировой экономики (начало XXI в.): увеличение экономической взаимозависимости различных стран, рост международных обменов товарами, услугами, финансами, технологиями и появление проблем, общих для различных регионов мира (экологической, продовольственной, демографической, миграционной и т. д.)	Возникновение ряда новых концепций, в том числе маркетинга инноваций; взаимодействий на основе информационных технологий; социально-этичного; латерального и холистического направлений в маркетинге	Период становления и развития рыночных отношений (2000—2010-е гг.): становление и развитие рыночных институтов и инфраструктуры, рыночных финансовых механизмов и инструментов. Формирование модели смешанной регулируемой экономики. Обеспечение баланса между рыночной эффективностью и социальной справедливостью	Реализация в бизнесе смешанной концепции маркетинга с элементами производственной, сбытовой, рыночной и социально-этичной моделей. Привязка новых концепций к специфическим условиям российской экономики. Широкое использование активного (активная реклама, прямая почтовая рассылка и др.) и пассивного маркетинга (публикации в прессе о предприятии и преимуществах оказываемых им услуг)

Поясним основные периоды развития маркетинга в России и факторы, способствующие становлению его теории и внедрению его методов в практику.

Промышленный этап (конец XIX и начало XX в.) отмечен бурным развитием российской промышленной индустрии, двигателем которой стало железнодорожное строительство. В 1890-е гг. Россия совершила гигантский скачок в экономическом развитии: объем промышленного производства увеличился в 2 раза; железных дорог было построено больше, чем за предшествующие 20 лет; сложились основные индустриальные районы страны [1]. Особенностью российской экономики был высокий уровень концентрации промышленного производства: по его объему Россия в 1913 г. занимала 5-е место в мире, уступая США, Германии, Великобритании и Франции.

Одним из важнейших процессов, характеризующих социально-экономическое развитие нашей страны, было формирование единого всероссийского рынка. На этом этапе товарообменные отношения в ней складывались под влиянием крупных монополий (трестов, картелей, концернов и синдикатов), занимавших господствующее положение в промышленности дореволюционной России. Основными равнозначными направлениями их деятельности на данном этапе были производственная, снабженческая и сбытовая. Монополии развивали технологию упаковки различных потребительских товаров, она эволюционировала от выполнения предохранительной функции к эстетической. Впервые стали упаковывать медикаменты, появилась коробочная и бутылочная тара.

В начале XX в. в России началось массовое распространение маржинализма — науки о закономерностях экономических процессов на основе использования предельных величин. Центром исследований стали субъект с его потребностями

и анализ зависимостей между спросом, предложением и ценами, а акцент переместился с издержек на конечные результаты. Российская наука перестала быть «догоняющей» и вышла на мировой уровень. Отечественные экономисты, наряду с коллегами из ряда других стран, стали выдвигать оригинальные теории, пополнявшие мировую экономическую науку. Примерами могут служить монография В. К. Дмитриева (1868—1913) «Экономические очерки. Опыт органического синтеза трудовой теории ценности и теории предельной полезности» и фундаментальная монография в области маржиналистской теории профессора Саратовского университета Л. Н. Юровского (1884—1938) «Очерки по теории цены» (1919), близкая по проблематике к теории А. Маршалла. В это же время вводятся в практику бизнеса новые малые изобразительные формы рекламы, такие как этикетка.

Интересно, что когда на территории Российской империи появились первые автомобили, никто из русских предпринимателей не мог предположить, что торговать ими можно точно так же, как и любым другим товаром зарубежного производства. Первой фирмой, начавшей централизованно реализовывать автомобили в нашей стране, была французская, «Клеман-Гладиатор-Фебус», открывшая в первой половине 1898 г. в Петербурге свое представительство, а при нем магазин. Когда была распродана первая партия автомашин, за «Клеман-Гладиатор-Фебус» последовали другие компании [2].

Таким образом, если провести параллель с соответствующим этапом развития маркетинга в США и Европе, который принято называть производственным, можно констатировать, что в России он также характеризовался повышенным вниманием к производственным проблемам: продавали то, что сумели произвести. Маркетинговые инструменты, специфичные для данного этапа: установление высоких таможенных пошлин на ввоз в страну готовой продукции; стимулирование ввоза капитала; использование таких коммуникаций, как реклама и меценатство, для формирования общественного мнения и имиджа предприятий. Своеобразие российского менталитета, скептицизм и недоверие к торговцам содействовали обособлению индустриальных функций от сбытовых, а также выделению посреднического предпринимательства в самостоятельную отрасль экономики. Все, кто способствует обмену, были признаны такими же производителями, как земледельцы и фабриканты, ибо цель всякого хозяйства не в физическом увеличении количества благ, а в возможно более полном удовлетворении человеческих потребностей.

Новая экономическая политика (нэп) (1910—1920-е гг.). Бурный рост торговли на потребительском рынке России конца XIX в. обусловил развитие деятельности по продвижению товаров и услуг, в частности, рекламного дела. К началу XX в. появился новый вид российской торговой рекламы — брошюры, буклеты и каталоги с использованием фотоснимков. Публиковали рекламные объявления такие журналы, как «Торговля», «Торговля и жизнь», «Деловой будильник», «Искусство рекламирования». В 1878 г. в России организовано первое рекламное агентство — контора Людвика Метцеля, именно ему принадлежит фраза «Объявление есть двигатель торговли» [3]. К 1910-м гг. относят открытие еще четырех рекламных агентств.

Торговая реклама дореволюционной России — явление многоплановое, она была адресована широким слоям населения с разным художественным вкусом. На фоне других ее видов особо выделялся рекламный плакат. Его отличали доходчивость, лаконизм и яркость. Рекламные плакаты печатались в лучших отечественных (Москвы, Петербурга) и зарубежных (Германии) типографиях. Многообразие шрифтов и рисунков букв и шрифтовую компоновку плакат воспринял от торговой

вывески. В ноябре 1917 г. одним из первых законодательных актов новой власти стал подписанный В. И. Лениным декрет «О введении государственной монополии на объявления». После Гражданской войны торговая реклама в России получила дальнейшее развитие. Появились рекламные агентства «Реклам-транс», «Связь», «Промреклама», «Мосторгреклама» и др. «Мосторгреклама» широко использовала в рекламных целях московские трамваи, размещала свои объявления в фойе офисов, гостиниц и театров.

В 1922 г. была введена новая экономическая политика (нэп), основными элементами которой стали замена продразверстки продналогом; передача малых предприятий в аренду частному капиталу; создание предприятий со смешанной формой собственности. Период нэпа характеризуется возрождением торговой рекламы: с 1921 г., в результате нового поворота в идеологии, торговля и реклама были объявлены связующим звеном между городом и деревней. Много энергии и таланта отдали рекламе, в том числе торговой, поэт В. В. Маяковский и художник А. М. Родченко. В Москве открыт Конъюнктурный институт, в котором обучали приемам, напоминавшим маркетинговые инструменты; Н. Д. Кондратьев [4] разработал теорию «деловых циклов», а на рынке применялись современные маркетинговые и рекламные стратегии. Однако с 1929 г., после введения распределительной системы и утверждения плановой экономической модели, маркетинг как научная дисциплина и рыночный инструмент подвергся полному отрицанию.

В годы Великой Отечественной войны и в послевоенный период наружная реклама, в частности плакат, носили характер, присущий рекламным текстам того времени: «Ты записался добровольцем?» или «Пятилетку — в три года!».

Пореформенный период (с 1945 по 1991 г.). Экономическая система централизованного планирования в СССР претерпевала значительные изменения. На различных этапах ее развития делались попытки внедрения элементов рыночного хозяйствования. В 1960-е, 1970-е и 1980-е гг. маркетинговые функции стали реализовываться в управлении предприятиями для решения задач автоматизации учета, финансов, снабжения и сбыта. Реклама, в частности наружная, применялась главным образом для информирования и продвижения социально важных услуг, в том числе государственных. Ярчайшими ее примерами могут служить известные призывы: «Летайте самолетами Аэрофлота» и «Храните деньги в сберегательной кассе». Когда в 70-е гг. СССР начал выходить на мировые рынки, необходимо было пересмотреть отношение к маркетингу, и в ряде вузов было введено преподавание данной дисциплины.

Последняя попытка реформирования плановой системы предпринята в 1987—1991 гг. Эти реформы были призваны создать модель рыночного социализма и механизма его регулирования, для чего принимались законы об индивидуальной (частной) деятельности; о государственном предприятии (ассоциации); о кооперативах. Недостаточное внимание к соблюдению законов рыночного хозяйства, в том числе к маркетинговым механизмам, необходимым для обеспечения взаимосвязей рыночных субъектов, привело к краху этих попыток.

В 1992—1998 гг. в России проведены радикальные рыночные реформы: либерализация цен, разгосударствление, структурная перестройка экономики, — главным результатом осуществления которых стало формирование системы рыночных отношений. В стране начали функционировать все виды рынков: товаров, услуг, труда, капиталов, кредитов и собственности. В этих условиях появилась объективная необходимость разработки, развития и внедрения эффективных концепций маркетинга и его механизма.

Особенность этого периода состояла в одновременном использовании всего разнообразия маркетинговых концепций: производственной, товарной, сбытовой, рыночной, — в зависимости от степени адаптации коммерческих и производственных структур к конъюнктурным условиям рынка. Спад экономического развития в странах, формирующих рыночную экономику, непосредственно связан с так называемой институциональной неполнотой [5]. По мнению венгерского экономиста Я. Корнай, это обусловлено неразвитостью отдельных рынков, неравномерным развитием частной собственности, недостаточностью экономической свободы и конкуренции, отсутствием рыночной селекции предприятий и т. д.

За последние годы в России многое сделано для преодоления институциональной неполноты. Формируются рыночная инфраструктура, рыночные финансовые механизмы и инструменты. Однако этот процесс пока находится в начальной стадии и, по всей видимости, займет длительный промежуток времени.

В начале **современного переходного периода** преобладала точка зрения, согласно которой, в России будет постепенно складываться модель экономики либерального типа. Через двадцать лет реформ многие ученые и практики приходят к выводу, что наиболее предпочтительной для нашей страны моделью может стать смешанная регулируемая экономика.

Учитывая, что к сегодняшнему дню в России не удалось до конца сформировать рыночный механизм хозяйствования, ряд ученых считает, что итогом реформирования отечественной экономики должна стать модель, которой свойственно ярко выраженное взаимодействие рыночного и государственного регулирования экономики. По словам известного российского маркетинголога А. П. Панкрухина, маркетинг «стал пониматься мировым сообществом как общая функция каждой организации, осуществляемая постоянно и направленная на формирование, развитие и удержание целевых групп потребителей путем создания долгосрочных, наиболее трудно копируемых конкурентных преимуществ, быстроты изменений и гибкости рыночного поведения. Стоимость бизнеса стала определяться прежде всего реальной ценностью маркетинга, и успешные топ-менеджеры, как правило, стали считать маркетинг не столько делом профессионалов-маркетингологов, сколько своей ведущей функцией» [6].

Россия пока не догнала многие развитые страны по уровню и эффективности маркетинговой деятельности, но в этой области она прогрессирует намного быстрее. Одной из особенностей российского маркетинга начала XXI в. является его развитие не последовательно от концепции к концепции, как это было в западной истории, а параллельно, с внедрением всех бизнес-моделей одновременно. При этом разные компании используют концепции, адекватные уровню развития соответствующего рынка. К примеру, сырьевые, действующие на монопольном рынке, применяют концепцию маркетинга, использующую политику интенсификации производственных и сбытовых усилий, и наращивают объемы реализации своей продукции без особых усилий со стороны маркетинговых служб — тогда как компании, конкурирующие с импортерами, вынуждены прибегать к современным инструментам маркетинга или идти в русле их бизнес-политики. Еще более развитыми в плане маркетинга должны быть работающие в конкурентной среде: организации сферы платных услуг, в том числе образования, здравоохранения, бытовых и транспортных услуг и др. Эти структуры должны следовать современным принципам и использовать инструменты, присущие новейшим концепциям маркетинга: социально-этической; маркетинга взаимоотношений; электронной коммерции [6; 7].

И самой продуктивной должна быть бизнес-политика и логика фирм, действующих на инновационном рынке высокотехнологичной продукции [8; 9]. Сделать новую продукцию конкурентоспособной можно только при внедрении маркетинга инноваций, использующего холистический и латеральный подходы, интрамаркетинг и когнитивные воздействия на покупателей, а также генерируя конкурентные преимущества и владея ключевыми факторами успеха.

Таким образом, маркетинг в России, как и на Западе, развивался в течение XX в. Однако этот процесс шел неравномерно, прерывался войнами, революциями и политическими идеологиями. В течение последних 25 лет в России изучались, продвигались и внедрялись параллельно все концепции маркетинга. Российские ученые и практики внесли заметный вклад в развитие мировой экономической науки, в том числе маркетинга.

Литература

1. Промышленность России в начале 20 века // Биофайл: Научно-информационный журнал [Электронный ресурс]. URL: <http://biofile.ru/his/12091.html> (дата обращения: 27.01.2015).
2. **Шляхтинский К.** Организация торговли автомобилями в России в начале 20 века // История государства [Электронный ресурс]. 2011. 05 августа. URL: <http://statehistory.ru/1938/Organizatsiya-torgovli-avtomobilyami-v-Rossii-v-nachale-20-veka/> (дата обращения: 27.01.2015).
3. Реклама в старые добрые времена (конец XIX — начало XX века) / Сост. И. Д. Архангельская. М.: Октопус, 2009. 208 с.: ил.
4. **Кондратьев Н. Д.** Большие циклы экономической конъюнктуры: Доклад // Мировая экономическая мысль: Сквозь призму веков. В 5 т. Т. 4. М.: Мысль, 2004. С. 619—638.
5. **Корнаи Я.** Размышления о капитализме / Пер. с венгр. О. Якименко; науч. ред. Д. Расков. М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2012. 348 с.: граф., табл.
6. **Панкрухин А. П.** Маркетинг и вызовы XXI века в России // Гильдия маркетологов: социальная сеть профессиональных контактов [Электронный ресурс]. URL: <http://www.marketologi.ru/publikatsii/stati/marketing-i-vyzovy-khkhhi-veka-v-rossii/> (дата обращения: 27.01.2015).
7. **Короткова Т. Л.** Условия и принципы внедрения маркетинга инноваций в российский бизнес // Проблемы инновационного развития экономики: Коллективная монография. Новосибирск: Центр развития научного сотрудничества, 2014. С. 87—115.
8. **Короткова Т. Л.** Социально-этичный маркетинг как способ балансирования интересов государства, корпорации и личности в России // Isolation and Unification Vectors in the Social Development Coordinate System = Векторы обособленности и единения в системе координат: Peer-reviewed materials... of the LXXIX International Research and Practice Conference (London, March 21 — March 26, 2014). London: IASHE, 2014. P. 73—74. URL: <http://files.gisap.eu/sites/files/digest/79.indd%20internet.pdf> (дата обращения: 27.01.2015).
9. Логика бизнеса / Под ред. Н. К. Моисеевой. М.: Финансы и статистика, 2011. 296 с.: ил., табл.

Короткова Татьяна Леонидовна — доктор экономических наук, профессор, Почетный работник высшего профессионального образования РФ, член Международной академии науки и практики организации производства (МАОП), международный научный эксперт в области маркетинга, ведущий профессор кафедры маркетинга и управления проектами (МиУП) МИЭТ. E-mail: fmr@miee.ru

Оценки личностных особенностей педагогами и учащимися колледжа как предикторы успешного обучения

А. А. Здорова¹, О. В. Румянцева²

¹ *Российская международная академия туризма (г. Химки)*

² *Московский городской педагогический университет (МГПУ)*

Подчеркивается необходимость преодолевать стереотипы во взаимодействии обучающего и обучаемого и развивать личностно ориентированное обучение. Поднимается проблема восприятия личности преподавателя его подопечными. Экспериментально выявлена высокая информативность ответов учащихся 1—2 курсов колледжа при решении задач прогноза успешного обучения каждой конкретной личностью, а также определения специфики взаимодействия педагогов и учащихся по самооценкам личностных особенностей. Представлены результаты сравнительно-психологического исследования личностных качеств участников образовательного процесса с применением тестовой методики А. Н. Лебедева «Семерка».

Ключевые слова: успешность обучения; информативность; рейтинг; учащиеся; самооценка; педагогическая деятельность; эффективность обучения; мотивация в обучении.

Успешность обучения в колледже напрямую зависит от взаимоотношений учащегося с педагогами и сокурсниками. Характер этих отношений определяется тем, насколько правильно организована учебно-воспитательная работа (преподаватели и родители часто не уделяют должного внимания психологии поведения учащихся и их мотивированности к учебной деятельности), а также условиями педагогического процесса. Личностные и ролевые установки обучающего задают направленность его влияния на обучаемого. Функционально-ролевая сторона педагогического взаимодействия часто преобладает, так как большинству преподавателей свойственно объектное понимание учащегося. Последний сравнивается с эталонами, общение строится на стереотипах (ученик должен, ученик обязан и т. п.). На первый план при этом выходят учебные успехи учащегося. Педагог стремится уравнивать обучаемых, усилить их сходство друг с другом, добиться одинаковой реакции на свои требования. Он формирует психологический портрет учащегося путем создания позитивного или негативного образа Я. Академические достижения и неудачи учащегося постоянно регистрируются в журнале обучения в виде отметок и предаются огласке (в присутствии группы, на родительских собраниях). Позитивную оценку личностных качеств получают обучаемые с высоким уровнем учебных успехов; при восприятии учащегося с низкой успеваемостью у педагога преобладает негативная оценка его личностных характеристик.

При таком подходе педагоги склонны руководствоваться главным образом своими впечатлениями от наиболее очевидных проявлений поведения и характера учащегося, недооценивая его неявные особенности и личностные качества — тогда как

последние могут преобладать в самооценках обучаемого. Так формируется одностронний, не соответствующий реальной индивидуальности образ учащегося. Обобщенные субъективные оценки преподавателем поведения учащихся в различных педагогических ситуациях легли в основу классификации типов обучаемых. Выделяются четыре таких типа:

- 1) активно взаимодействующие с педагогом;
- 2) нарушающие дисциплину и вместе с тем способные к обучению;
- 3) усидчивые;
- 4) гиперактивные.

В соответствии с типом обучающегося педагог вырабатывает стратегию своего поведения. Так, в представителях первого он видит результат своей педагогической деятельности, с ними связывает чувство удовлетворенности от хорошо выполненной работы; с относящимися ко второму действует по обстоятельствам; от принадлежащих к третьему не ждет больших успехов, тем не менее проявляет к ним определенную симпатию; учащиеся четвертого типа нуждаются в повышенном индивидуальном внимании, с ними преподаватели часто конфликтуют. Это отношение, в свою очередь, сказывается на поведении, успеваемости и личностном развитии учащихся. Например, во взаимодействии с гиперактивными учащимися наиболее ярко проявляется предвзятость педагога: наказания, выговоры и угрозы, демонстративное проявление недоверия, отсутствие помощи. Тем самым он способствует повторному неуспеху учащегося и делает почти невозможными позитивные перемены в успешности обучения последнего. У способных, активных, но нарушающих дисциплину учащихся также велика вероятность оказаться в группе неблагополучных по успеваемости.

На наш взгляд, деление на подобные поведенческие типы не всегда целесообразно. Складывающийся в результате образ личности учащегося отличается стереотипностью эмоциональной окрашенности. Образуются пары противоположных клише: хороший — плохой ученик, гиперактивный — усидчивый, слабый — сильный, ленивый — способный. Из них главным образом состоят характеристики учащихся, даваемые педагогами. Более дифференцированные эмоционально-динамические особенности личности упоминаются крайне редко. Стереотипизация психологических особенностей обучающихся объясняется нацеленностью педагогов в первую очередь на умственное развитие подопечных, недооценкой учета более полного спектра индивидуальных особенностей.

Не все преподаватели классифицируют учащихся только так, однако более дифференцированная оценка практикуется нечасто, поскольку требует от педагога сознательного и внимательного изучения каждого обучаемого, постоянного критического анализа своих суждений и впечатлений.

Шаблонность в общении педагога с учащимися не свидетельствует о его направленности на доверительные отношения с каждым из них в отдельности, но, напротив, демонстрирует, что ему важны только правила, предписанные ролевым взаимодействием. Помочь педагогу выйти за их рамки — наша первая исследовательская задача. Более детальное знание индивидуальных особенностей обучающихся позволит преподавателям не только организовать открытое неповторимое общение, но и получить при этом положительную обратную связь, в том числе в форме оценок учащимися личностных особенностей обучающего. Понимание того, как образ педагога преломляется в сознании обучающихся, способствует профессиональному

росту и развитию собственной индивидуальности всех участников образовательного процесса. Исследовать восприятие учащимися личности педагога — вторая наша задача.

В качестве диагностического приема, позволяющего выявить и проанализировать образы педагога и учащихся, выбрано определение их индивидуальных особенностей по самооценкам. Самооценки каждого обучаемого отражают и эмоциональное отношение к нему педагога, и социально-психологическую атмосферу группы в целом; то же можно сказать и о самооценке обучающего. С этой целью нами использован простой, не травмирующий личность испытуемых и вместе с тем валидный тест — методика «Семерка», разработанная в Институте педагогики и психологии МГПУ А. Н. Лебедевым с соавторами. Она показала свою эффективность при прогнозировании успешности обучения студентов 1—2 курсов Российской международной академии туризма (РМАТ) [1].

Ранее И. В. Егоров [2] доказал высокую информативность небольшого числа самооценок (менее 40) для расчета психологических особенностей личности, определенных по тесту СМИЛ (более 500 закрытых вопросов). Эти идеи получили дальнейшее развитие в его совместной работе с А. Н. Лебедевым [3] и в 2013 г. послужили базой для создания новой высокоинформативной тестовой методики.

С целью выяснить, можно ли по самооценкам личностных особенностей рассчитывать успешность обучения студентов, были протестированы преподаватели и учащиеся 1—2 курсов колледжа РМАТ (всего 60 человек).

У каждого учащегося помимо самооценок учитывали реальную успеваемость по выбранным предметам, а также особенности поведения и деятельности (на основе наших наблюдений и со слов педагогов). Кроме того, статус каждого учащегося в своей группе оценивался с помощью известной социометрической методики Дж. Морено [4].

Перед началом тестирования с учащимися проведена разъяснительная работа в форме беседы, рассказа и описательных заданий.

Тест «Семерка» состоит из набора самооценок, примененных в нашем случае для диагностики и прогноза академической успеваемости по некоторым учебным дисциплинам. Испытуемый, отвечая на вопрос: «Какой я?», должен, опираясь на собственное мнение, выбрать из семи оценочных прилагательных (любопытный, добрый, аккуратный и т. п.) прежде всего то, что описывает наиболее ярко выраженное у него качество личности; затем из оставшихся шести — следующее качество, присущее ему больше остальных, и т. д., в последнюю очередь указав качества, проявляющиеся у него реже всего или не свойственные ему. Все качества в предъявляемом списке пронумерованы, и ответ тестируемого имеет форму семизначного телефонного номера (например, «1362547»). На предъявляемом испытуемому бланке опроса все семь качеств с их порядковыми номерами указаны в крайнем левом столбце. Затем по той же схеме учащемуся предлагалось оценить каждого близкого ему человека (отца, мать, брата, сестру, друга) и педагога.

В таблице 1 приведен пример заполнения бланка учащимся 1 курса колледжа РМАТ. В семи столбцах справа проставлены номера самооценок (левее — самые яркие качества, выбранные испытуемым в первую очередь, правее — наименее, на его взгляд, свойственные ему качества). После проведения теста в нижнюю часть бланка нами вписаны средние оценки его успеваемости в баллах, выставленные преподавателем выбранных учебных предметов.

Таблица 1

Пример исходных данных для прогноза успешности обучения

Качества		Ученик	Объект	Самооценки (номера признаков)						
1 — Активный			себя	3	4	6	5	1	7	2
2 — Упрямый			папа	1	6	4	3	5	7	2
3 — Самостоят			мама	4	1	3	6	5	7	2
4 — Аккурат			брат	6	3	5	4	1	2	7
5 — Любопыт			сестра	3	4	6	5	1	7	2
6 — Добрый			учитель	1	3	5	6	4	7	2
7 — Ленивый			друг	5	4	3	1	6	7	2
Оценки успеваемости в баллах по учебным предметам										
Рус-ский язык	Мате-матика	Лите-ратура	Англ. язык	Инфор-матика	Физ-куль-тура					
4	4	4	5	5	5					

В таблице 2 даны примеры оценок педагогом самой себя и (по той же схеме) шести из своих учащихся. Слева приведен список всех возможных самооценок, далее — номер учебной группы, кодовые обозначения педагога и двух ее учащихся (наиболее симпатичного и антипатичного ей) и номера четырех других учащихся. Следующие семь столбцов заполнены номерами самооценок. Так, в первом испытуемая указала самую яркую черту (лень, № 7) антипатичного ей учащегося. Самой яркой своей чертой она сочла активность (№ 1). В крайнем правом столбце приведены наименее свойственные каждому признаки личности.

Таблица 2

Результаты прохождения теста «Семерка» педагогом

Качества	Группа	Объект	Самооценки (номера признаков)						
1 — Активный	2-Б	Учитель (сама)	1	6	3	4	5	2	7
2 — Упрямый		Симпатия	1	6	3	4	5	2	7
3 — Самост		Антипатия	7	2	5	4	3	6	1
4 — Аккурат		Ученик 01	1	3	5	6	4	2	7
5 — Любопыт		Ученик 02	2	3	7	6	1	4	5
6 — Добрый		Ученик 03	1	3	5	6	2	4	7
7 — Ленивый		Ученик 04	3	2	5	6	1	4	7

Дополнительная информация о личностных качествах учащихся получена путем наблюдения за тем, как они заполняли бланки. Особенно информативны оригинальные высказывания и непривычные действия. Оценивая близкого человека, обучающиеся сначала выбирали качества, важные для них самих. Так выстраивалась цепочка прилагательных, помогавшая выразить отношение к значимому человеку.

Затруднения при оценке педагога проявлялись в медленном, скупом графическом изображении цифр, стремлении выразить свое отношение вербально (например: «Наш преподаватель никогда не бывает ленивым или упрямым, я эти качества вносить в бланк не буду»). Отказ оценить педагога свидетельствует о полном отсутствии эмоционального контакта с ним.

Методы обработки данных включали в себя построение уравнений множественной линейной регрессии при помощи компьютерных программ, написанных А. Н. Лебедевым [1]. В нашем исследовании новая программа Лебедева применялась для расчета самооценок одного испытуемого по множеству самооценок других.

Накопив массив данных, мы исследовали возможность по самооценкам множества учащихся определить самооценки каждого обучаемого и педагога (табл. 3а—г).

Таблица 3а

**Психологический портрет педагога, рассчитанный по множеству
всех самооценок учащихся**

RUU_ALL	REA	PRB, %
AR7лень	7	99
AR2упрям	6	85
AR5любоп	5	70
AR4аккур	4	56
AR3самос	3	42
AR6добро	2	28
AR1актив	1	13

Здесь и далее в таблицах использованы следующие обозначения: RUU_ALL — коды и сокращенные названия признаков; REA — их рейтинг (от 1 до 7), определенный фактически по множеству самооценок испытуемых; PRB — их прогнозируемые ранги (оценка в процентах); Код — условное обозначение испытуемого. При этом наивысшее значение PRB соответствует низшему рангу (реже всего встречающийся признак), а самое низкое — высшему, первому (наиболее ярко выраженный признак). Округленно $PRB / 14 = REA$ (например, $56 / 14 = 4$ или $13 / 14 = 1$).

Преподавателю тестируемой группы (обозначенному кодом UCH), по мнению учащихся и собственным оценкам, свойственны активность, доброжелательность и самостоятельность (качества, позволяющие судить об ответственном отношении к своим обязанностям) и не свойственны лень (7-я позиция в рейтинге, примерно равна 99 %) и упрямство (6-я позиция в рейтинге, соответствует 85 %), тогда как его аккуратность соответствует норме, т. е. средней выраженности признака в ряду других (4-я позиция в рейтинге, или 56 %).

Таблица 3б

**Психологический портрет отличника (код Y05), рассчитанный по множеству
самооценок педагога и обучающихся**

RUU_ALL	REA	PRB, %	Успеваемость, баллы
AR7лень	7	99	Математика 4
AR5любоп	6	85	Рус. яз. 5

RUU_ALL	REA	PRB, %	Успеваемость, баллы
AR4аккур	5	70	Литература 5
AR2упрям	4	56	Англ. яз. 5
AR3самос	3	42	Информатика 5
AR6добро	2	28	Физкультура 5
AR1актив	1	13	Математика 4

Учащемуся с отличной успеваемостью более всего присущи активность (1-е место в рейтинге) и доброжелательность (2-е место), менее всего — лень (7-е место) и любопытство (6-е место). Аккуратность (4-е место, 56 %) и самостоятельность (3-е место, 42 %) выражены умеренно. Значения самооценки данного испытуемого (1632457) схожи с таковыми его педагога (1634527).

Таблица 3в

**Психологический портрет хорошо успевающего учащегося (код Y04),
рассчитанный по множеству самооценок педагога и обучающихся**

RUU_ALL	REA	PRB, %	Успеваемость, баллы
AR7лень	7	99	Рус. яз. 4
AR4аккур	6	85	Математика 4
AR3самос	5	70	Литература 4
AR6добро	4	56	Англ. яз. 4
AR1актив	3	13	Информатика 4
AR2упрям	2	42	Физкультура 4
AR5любоп	1	28	

Для обучающегося на хорошие оценки характерны любопытство, упрямство и активность (качества, занявшие первые три места по рейтингу). По расчетным значениям PRB (код 15263457) и самооценкам (5216347) он резко отличается и от своего товарища-отличника, и от педагога.

Таблица 3г

**Психологический портрет средне успевающего учащегося (код Y20),
рассчитанный по множеству самооценок педагога и обучающихся**

RUU_ALL	REA	PRB	Успеваемость, баллы
AR2упрям	7	99	Рус. яз. 3
AR3самос	6	70	Математика 3
AR4аккур	5	56	Литература 4
AR7лень	4	85	Англ. яз. 3
AR5любоп	3	28	Информатика 4
AR1актив	2	13	Физкультура 4
AR6добро	1	42	

Этому обучающемуся свойственны активность, любопытство и доброжелательность и не свойственны самостоятельность и упрямство (его самооценки по тесту «Семерка» — 6157432, вычисленное значение показателя PRB соответствует коду 1564372).

Далее (табл. 4) проведено сравнение всех испытуемых по одному признаку (любопытство, код AR5). Предикторами для каждого конкретного учащегося служили рейтинги остальных 28 обучаемых (всего испытуемых, включая педагога, — 29). Как видно из таблицы, расчеты демонстрируют идентичность показателей самооценки испытуемых, выявленных при помощи теста и определенных программным путем. Кроме того, тестирование выявило четырех учащихся, у которых любопытство развито сильнее, чем у педагога. Возможно, это будущие ученые.

Таблица 4

Самооценка и расчет уровня любопытства по множеству предикторов самооценок других испытуемых, включая преподавателя

PRB, %	REA	Код	Предикторы
99	6	Y21	ученик Y21
85	6	Y16	ученик Y16
85	6	Y07	ученик Y07
85	6	Y05	ученик Y05
70	5	UCH	учитель UCH
56	5	Y18	ученик Y18
56	4	Y19	ученик Y19
56	4	Y17	ученик Y17
56	4	Y13	ученик Y13
56	4	Y11	ученик Y11
56	4	Y01	ученик Y01
56	3	Y28	ученик Y28
42	3	Y25	ученик Y25
42	3	Y23	ученик Y23
42	3	Y22	ученик Y22
28	4	Y14	ученик Y14
28	3	Y20	ученик Y20
28	2	Y12	ученик Y12
28	2	Y10	ученик Y10
28	2	Y03	ученик Y03
28	1	Y09	ученик Y09
28	1	Y04	ученик Y04
13	1	Y27	ученик Y27
13	1	Y26	ученик Y26
13	1	Y24	ученик Y24

PRB, %	REA	Код	Предикторы
13	1	Y15	ученик Y15
13	1	Y08	ученик Y08
13	1	Y06	ученик Y06
13	1	Y02	ученик Y02

Таким образом, доказана высокая точность расчетов успеваемости по самооценкам с использованием алгоритмов К. А. Варахила и соавторов [1]. Выводы, сделанные в этой работе, подтверждены в более широком диапазоне условий и на большей по объему выборке. Следовательно, тест «Семерка» может применяться для расчета успешности обучения студентов по самооценкам.

В личностно ориентированном подходе к учебному процессу педагогу отводится новая роль — субъекта взаимодействия с учащимися, дидактического воздействия, организатора познавательной деятельности (путем выявления внутренних мотивов и поощрения желания обучаемых самостоятельно получать информацию). При этом он должен всемерно стимулировать интеллектуальную активность, побуждать учащихся решать проблемные задачи, раскрывать их интеллектуальный потенциал и потребность в творчестве.

Решению педагогических задач препятствуют трудности в обучении. Одна из их причин — конфликты, неизбежно возникающие в жизни учащихся. Наиболее типичные причины конфликтов между обучающим и обучаемым — отсутствие индивидуального подхода к учащемуся и педагогического такта. Тестовая методика «Семерка» представляет собой надежный инструмент для решения по самооценкам задач более тонкой диагностики личностных особенностей самого педагога и его учащихся с целью взаимно полезной коррекции взаимоотношений в процессе обучения. Она позволяет преподавателю правильно понять причину неуспеваемости или плохого поведения обучаемого, наметить пути к исправлению положения и дать рекомендации родителям.

Литература

1. **Варахил К. А., Егоров И. В., Лебедев А. Н.** Диагностика учебной успешности ребенка по его оценкам самого себя и своего семейного окружения // Ежегодник научно-методологического семинара «Проблемы психолого-педагогической антропологии»: Сб. науч. ст. / Отв. ред. И. В. Егоров, Л. Б. Филонов. Вып. 3. М.: Экон-Информ, 2013. С. 52—61.
2. **Егоров И. В.** Основания и принципы создания техники «таблица перевода фаз ММРП (миннесотского многофазового личностного перечня) в социально-психологические качества личности» // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2006. № 5. Спецвыпуск. С. 128—135.
3. **Егоров И. В., Лебедев А. Н.** Новая информационная технология избирательных процедур // Когнитивное моделирование = The cognitive modeling: труды: Первый Международный форум по когнитивному моделированию (14—21 сентября 2013 г., Италия, Милано-Мариттима). В 2 ч. / Отв. ред. С. И. Масалова, В. Д. Соловьев. Ростов н/Д: Изд-во СКНЦ ВШ ЮФУ, 2013. С. 287—290.
4. **Морено Дж.** Социометрия. Экспериментальный метод и наука об обществе: подход к новой политической ориентации. М.: Иностранная литература, 1958. 289 с.
5. **Коломинский Я. Л.** Психология детского коллектива: система личных взаимоотношений. 2-е изд., доп. и перераб. Минск: Народная асвета, 1984. 239 с.

6. **Румянцева О. В.** Прогноз по самооценкам успешности обучения младших школьников // Ежегодник научно-методологического семинара «Проблемы психолого-педагогической антропологии»: Сб. науч. ст. / Отв. ред. И. В. Егоров, Л. Б. Филонов. Вып. 4. СПб.: НИЦ АРТ, 2014. С. 67—77.

Здорова Анна Александровна — кандидат педагогических наук, доцент кафедры общегуманитарных дисциплин Российской международной академии туризма (г. Химки).

E-mail: zdorovaanna@mail.ru

Румянцева Ольга Владимировна — магистрант кафедры психологии образования Института педагогики и психологии образования МГПУ. **E-mail:** rumyanczewaolga@yandex.ru

Исследование учебно-профессиональной мотивации студентов образовательных организаций

Е. В. Нехорошева

Московский городской педагогический университет (МГПУ)

Проблема развития учебно-профессиональной мотивации учащихся среднего профессионального образования остается практически не освещенной в теоретической и методической литературе. Автор предпринимает попытку комплексного исследования ведущих мотивов обучения студентов. Основное содержание исследования составляет качественный анализ мотивационных предпочтений учащихся. Полученные данные могут быть использованы при планировании и организации учебного процесса, а также индивидуального психолого-педагогического сопровождения.

Ключевые слова: мотивационная сфера личности; учебная мотивация; профессиональная мотивация.

Современная сфера производственных отношений диктует высокие требования работодателей к профессионализму и личностным характеристикам выпускников профессиональных образовательных организаций (ПОО), способных приступить к самостоятельной трудовой деятельности. Образовательные организации выражают готовность удовлетворить потребность работодателей в высокопрофессиональных кадрах средней квалификации, однако их деятельности препятствуют объективные и субъективные факторы. В частности, многие рассматривают обучение в ПОО как неперспективное и не дающее карьерного старта. Выбор образовательной траектории, связанной со средним профессиональным образованием, нередко случаен и не мотивирован.

Вместе с тем положительная мотивация позволяет компенсировать недостаточное развитие тех или иных сторон личности, создает предпосылки для их доведения до необходимого уровня в процессе профессиональной адаптации и обучения и, в конечном счете, воплощения в деятельности. Мотивационная сфера обеспечивает так называемый личностный уровень регуляции [1] профессиональной деятельности.

Среднее профессиональное образование как один из ранних этапов профессионализации актуализирует развитие прежде всего познавательной мотивации. Данная группа мотивов (стремление к творческой исследовательской деятельности, процесс решения познавательных задач, самообразование и ориентация на новые знания) является единственно адекватной учебным задачам, поэтому ее развитию уделяется основное внимание в процессе обучения.

Однако система профессионального образования, в отличие от общеобразовательной, ориентирована не только и не столько на развитие деятельности учения, сколько на подготовку специалиста в конкретной сфере трудовых отношений. И здесь возникает противоречие между целью обучения и результатами профессионального образования: психологическая структура учебной и профессиональной деятельности сходна, но содержание различно. Главное противоречие

профессионального образования, по мнению А. А. Вербицкого, состоит в том, что «овладение профессиональной деятельностью должно быть обеспечено в рамках и средствами качественно иной — учебной деятельности» [2, с. 41].

Учебная мотивация учащихся ПОО в сравнении с таковой учеников школ характеризуется ростом значимости социальных мотивов учения, связанных с требованиями профессии (профессиональная идентификация, ролевая спецификация, построение адекватного профессионального Я-образа), и ответственности за профессиональные выборы (профессионального направления, специальности, учебного заведения, места работы, определение дальнейшей образовательной и карьерной траектории). Социальная и профессиональная среда обязывает учащегося использовать результаты учения на практике (система учебных практик, стажировок, проектная деятельность), а также стимулирует к самостоятельному проектированию собственного профессионального пути. Эта группа опосредованных мотивов связана с целями и ценностями, лежащими вне самой учебной деятельности, но частично удовлетворяющимися в ней. В структуре опосредованных мотивов различают: социальные (осознание нужности профессионального образования, востребованность; желание стать полноценным членом общества, долг и ответственность; социальная идентификация; положение в группе; одобрение преподавателей) и мотивы достижения (стремление лучше подготовиться к профессиональной деятельности, получить высокооплачиваемую работу).

Таким образом, структура мотивации учащегося ПОО к завершению обучения становится многозначной по содержанию и различной по формам. Он может учиться лучше (или хуже), потому что хочет (или нет) приобрести новые знания и получить удовлетворение от самого процесса познания (познавательные мотивы); иметь высокий заработок (прагматические мотивы); принести пользу обществу (широкие социальные мотивы); утвердить себя и занять в будущем определенное положение в обществе в целом и в своем ближайшем социальном окружении (мотивы социального и личного престижа).

Исходя из временного континуума *прошлое — настоящее — будущее*, мы выделяем три группы мотивов, детерминирующих деятельность учения:

- а) доминирующие мотивы поступления в учреждение СПО;
- б) реально действующие мотивы учебной деятельности;
- в) дальнейшие профессиональные и карьерные траектории, обусловленные профессиональными мотивами и ценностными ориентациями.

Первый раздел разработанного нами опросника позволяет охарактеризовать мотивационные предпочтения учащихся с позиций *прошлое — будущее* (мотивы выбора образовательного учреждения, особенности профессиональной ориентации и профессионального самоопределения, перспективная оценка образовательных и профессиональных траекторий). Второй раздел представляет собой модификацию методики «Мотивация обучения в вузе» Т. И. Ильиной [3, с. 433] с учетом специфики обучения в организациях среднего профессионального образования и направлен на самооценку «настоящего». Содержащиеся в нем вопросы позволяют не только выявить ведущий мотив учения, но и оценить степень адекватности выбора места обучения и удовлетворенности выбранной (будущей) профессией. Методика дает возможность выделить ведущий мотив обучения в соответствии с тремя шкалами:

- 1) приобретение знаний — стремление к приобретению знаний, любознательность — познавательная мотивация;

- 2) овладение профессией — стремление овладеть профессионально важными качествами и компетенциями — профессиональная мотивация;
- 3) получение диплома — стремление приобрести диплом при формальном усвоении знаний, искать обходные пути при сдаче экзаменов и зачетов — формальная внешняя мотивация.

Преобладание мотивов по первым двум шкалам свидетельствует об адекватном выборе профессии и удовлетворенности ею.

В исследовании приняли участие учащиеся организаций среднего профессионального образования города Москвы (всего 424 человека). Возраст опрошенных — 15—20 лет (юношеский). Психологи свидетельствуют: «Юность выступает как период принятия ответственных решений, определяющих всю дальнейшую жизнь человека: выбор профессии и своего места в жизни, поиски смысла жизни, формирование своего мировоззрения и самосознания» [4, с. 70].

По гендерному критерию опрошенные распределились так: юноши — 65 %, девушки — 35 %. По желанию они указали получаемые специальности: автомеханик (11,5 %); компьютерные сети (18,5); наладчик (11); повар-кондитер (22); радиооборудование (9); системный администратор (2); техник-технолог (4); электрооборудование (3,6) и бухгалтерский учет (по отраслям) (34 %).

Большинство респондентов (95 %) поступили в организацию СПО после окончания 9 класса школы и только 5 % — после 11 класса. Успеваемость по самооценкам учащихся до поступления: «удовлетворительно» и «удовлетворительно — хорошо» — 49 %; «хорошо» и «хорошо — отлично» — 44 %. Преимущественно высокие оценки имели обучающиеся по гуманитарным специальностям.

Из максимального количества баллов (100 %) по шкале «Получение знаний» учащиеся набрали 58 %; профессиональная мотивация несколько ниже (56 %); формальная внешняя — 45 %. В общей мотивационной характеристике нет выраженной тенденции, поэтому был проведен качественный анализ позиций по основным шкалам.

Детализированный анализ позиций по шкале «Мотивация к обучению» показал неоднозначность оценок учащимися своих возможностей и способностей к самоорганизации учебной деятельности: 85 % отметили у себя способность к самостоятельному обучению без каких-либо напоминаний, а 15 % честно согласились с тем, что не могут заставить себя учиться. Однако 51 % этих же респондентов ответил, что лучше всего они занимаются, если их стимулируют и подстегивают. Выявленное противоречие наглядно демонстрирует низкий уровень рефлексивности собственных умений и потребностей.

Самостоятельно изучают предметы, необходимые для будущей профессии, 64 % опрошенных. Довольно многие (72 %) объясняют для себя необходимость изучения практического материала профессиональными целями. Посильная трудность решаемых на занятии задач служит мотивирующим фактором для 56 % учащихся.

Большое значение в мотивации учения имеет осознание важности и понимание необходимости изучения ряда предметов, напрямую не связанных в представлении обучающихся с будущей профессиональной деятельностью. «Бессмысленность» многих занятий видят 57 %, поэтому 48 % из них трудно учиться. По мнению 1/3 учащихся, к экзаменам нужно готовиться, затрачивая минимум усилий. Существенных различий в показателях познавательной мотивации учащихся технических и гуманитарных специальностей не выявлено.

При сниженной мотивации к учению компенсаторную функцию выполняют мотивы освоения профессии, обеспечивающие реализацию учебно-профессиональной деятельности. Анализ позиций по шкале «Мотивация к профессиональной деятельности» выявил прямую связь мотивации освоения профессии с особенностями профессионального выбора. Так, учащиеся отметили достаточность информации о профессии для уверенного выбора (70 %), но при этом 55 % было трудно при выборе профессии остановиться на одной из них. Интересовались профессией до поступления 50 % опрошенных, а 51 % не любит рассказывать о своей будущей профессии.

Особенности профессионального выбора (осознанность, целенаправленность) учащихся СПО проявились в распределении ответов на вопрос: «Верно ли, что Вы выбирали не саму профессию, а место обучения или работы?» — 63 % респондентов однозначно выбрали прежде всего учебное заведение и 39 % — будущее место работы. При этом 1/3 опрошенных приняли решение исключительно под внешним воздействием (влияние выбора друзей) и по стечению обстоятельств (26 %), что свидетельствует о внешней мотивации профессионального выбора и трудностях профессионального самоопределения. Осознанный выбор профессии, а не учебного заведения или места работы продемонстрировали 35 и 18 % респондентов соответственно.

Мотивация к овладению профессией на первоначальном этапе ее освоения максимально зависит от положительного отношения к ней. Ответы обучающихся продемонстрировали их уверенность в правильности профессионального выбора (66 %), в перспективности получаемой профессии (83), ее удобстве и легкости (56), прогнозируемое моральное удовлетворение от профессии и материальный достаток (70 %).

Определяя для себя место постоянной занятости, учащиеся актуализировали некий образ, представление об «идеальной работе». Среди длинного перечня предлагаемых идеального образа будущей работы самым важным (с большим отрывом значений) было признано материальное вознаграждение за труд. Значимыми также названы ценности саморазвития (повышение квалификации и условия для реализации способностей).

В целом мы можем констатировать преобладание мотивов по шкалам «Познавательная мотивация» и «Мотивация к овладению профессией», что свидетельствует об адекватном выборе профессии и удовлетворенности ею.

Максимальный уровень познавательной мотивации отмечен у учащихся 17 лет, с возрастом намечается тенденция к его снижению. То же происходит с направленностью на освоение профессии: профессиональные мотивы достигают пика в возрасте 16—18 лет, затем интерес к получаемой специальности снижается, возникает убежденность в ошибочности профессионального выбора. При этом удовлетворенность социально-профессиональным статусом остается на уровне ниже 50 % мотивационной шкалы в любом возрасте (динамики нет).

Гендерное распределение по мотивационным шкалам укладывается в традиционную картину ответственного отношения к учебе у девушек (рассматривающих учебные успехи как путь к достижению статуса) и несколько пониженной мотивации к учению у юношей. Мотивация к статусу сохраняется на уровне 42—48 % независимо от гендерно-возрастных характеристик. Выборы по группе показателей, отражающих потребность в статусе, не превышают первые предпочтительные шкалы, но сохраняются на уровне, близком к ним.

Детализация данных по шкале «Потребность в статусе» выявила основные мотивационные противоречия учащихся: в частности, обнаружилось несоответствие между выраженной ранее уверенностью в окончательном выборе образовательного учреждения (69 %) и большим количеством (60 %) допускающих, что при других возможностях было бы выбрано иное образовательное учреждение. Это противоречие подвергается рационализации самими же респондентами: «По некоторым практическим соображениям заведение, в котором я учусь, — самое удобное для меня», — сообщили 78 % из них. Оценка высокого интереса к учению в конкретном учебном заведении не однозначна: 55 % учащихся ответили, что есть много учреждений среднего профессионального образования, где они могли бы учиться с не меньшим интересом.

Максимальную мотивационную значимость для всех респондентов имеет получение диплома о среднем профессиональном образовании (85 %). При этом только 37 % полагают, что в наше время иметь высшее образование не обязательно, тогда как 45 % считают высшее профессиональное образование необходимым для профессиональной самореализации. Можно констатировать небольшое расхождение между намерением повышать уровень образования (59 %) и убежденностью в необходимости это делать (45 % по совокупности всех видов высшего образования). Вероятно, для 14 % опрошенных повышение образования не обусловлено внутренней потребностью и убежденностью в его необходимости, а связано с сохраняющейся в обществе тенденцией к «сверхобразованности».

У опрошенных, планирующих дальнейшее обучение, помимо намерения поступить в интересующее учебное заведение есть представления о нем, о требованиях, предъявляемых в нем к поступающему, о своих способностях, уровне подготовленности, материальных возможностях и т. п. Они оценивают свои шансы на поступление в интересующий вуз на уровне 3,7 баллов из 5 возможных.

Дальнейшие образовательные и карьерные траектории респондентов распределены следующим образом: более половины (52 %) намерены реализовать уже ставший традиционным сценарий совмещения обучения в вузе с трудоустройством. Выявлены незначительные расхождения диаграмм по гендерному признаку: выборке юношей свойственна общегрупповая тенденция распределения ответов, тогда как девушки планируют прежде всего повышение образования (13,64 %). Вариант «ничего не буду делать» преобладал у девушек, а юноши отметили в комментариях необходимость исполнить гражданский долг (служить в армии).

Уровень профессиональных притязаний отражает краткосрочную цель, которую учащиеся формулируют для себя, исходя из алгоритма жизненного сценария. Профессиональные притязания находятся в прямой зависимости от активности самого обучающегося, от полученных знаний, профессиональных умений и приобретенного на производстве практического опыта. Взвешенный уровень профессиональных притязаний позволяет будущему специалисту выработать более точный план действий по достижению долгосрочных целей.

При оценке респондентами факторов карьерного успеха ценностное отношение к себе, своему образованию и собственным профессиональным возможностям конкурировало с внешними условиями. Подавляющее большинство опрошенных возложило ответственность за профессиональный успех исключительно на себя. Конкретизация параметров оценки выявила значимость настойчивости, упорства и интеллекта, подкрепленных хорошим образованием.

Интересно, что из учащихся, выбравших *хорошее образование* в качестве фактора карьерного успеха, на вопрос о том, какой уровень образования достаточен для успешной карьеры, только 20 % дали ответ «среднее профессиональное образование» и примерно 70 % — «различные уровни высшего образования» и «два высших образования».

Незначительные расхождения в оценке факторов успешной карьеры обнаружены в выборке по критерию «получаемая специальность». Объединение всех предложенных к оценке факторов в группы по признаку субъективного контроля выявило, что максимальную степень ответственности за свой карьерный успех возложили на себя обучающиеся по ИТ-специальностям и экономике. К факторам, определяющим этот успех, учащиеся отнесли хорошее образование, личные качества и упорный труд. Вместе с тем 79 % респондентов испытывают трудности в ощущении самости. Установка «Я весьма средний студент, никогда не буду вполне хорошим, а поэтому нет смысла прилагать усилия, чтобы стать лучше» нуждается в коррекции, и последние данные больше отражают заботу о социальной желательности ответов, нежели внутреннюю потребность и уверенность в правильности личного вклада в собственное успешное будущее.

Итак, исследование мотивации к обучению учащихся ПОО города Москвы подтвердило адекватность профессионального выбора учащихся: все группы респондентов продемонстрировали высокие значения показателей адекватности выбора образовательного учреждения, специальности (профиля обучения) и будущей профессии. Однако дифференцированный анализ выявил ряд областей, заслуживающих пристального внимания административного, преподавательского и психолого-педагогического состава учреждений.

Следует учитывать гендерно-возрастную специфику мотивационных предпочтений учащихся ПОО: максимальную заинтересованность в обучении и приобретении профессии они проявляют в возрастном диапазоне 16—17 лет, а с 18 лет интерес к учению, и в частности к профессиональному образованию, начинает снижаться.

Мотивационные предпочтения учащихся СПО обусловлены профилем обучения: максимальная направленность на обучение и высокий социально-профессиональный статус характерна для учащихся гуманитарного профиля, а ориентация на овладение профессией — для обучающихся по группе специальностей «Радиоэлектроника и компьютерные технологии».

Ослабевание интереса к обучению частично обусловлено непониманием целей и структуры организации учебного процесса и содержания образования (дисциплины, прямо не связанные с будущей профессией, вызывают недоумение). Несбалансированность в реализации принципа посильной трудности (какие-то предметы слишком сложные, другие слишком простые) выступает мощнейшим фактором снижения мотивации учения.

Реализация «самости» и проявления субъектности учащихся затруднены. Общеучебные умения у них не развиты, навыки саморегуляции не сформированы, освоению учебной деятельности препятствует формальный подход к усвоению знаний и контролю. В сфере освоения будущей профессии преобладают внешняя мотивация профессионального и учебного выбора, подверженность влияниям социального окружения, ориентация в выборе профессии на собственные способности и возможности незначительна, что провоцирует постепенную утрату интереса к специальности, разочарование в ней и учебном заведении. В ценностно-смысловой сфере учащиеся настроены на достижение прагматических целей (материальное вознаграждение, престижность).

Декларация общепринятых ценностей успешного делового человека не подкреплена внутренними установками и отношением к себе как субъекту деятельности, общения и жизнеосуществления: большая часть учащихся негативно относится к собственным способностям и не уверена в них.

Трудности субъектного овладения профессией обусловлены противоречивым характером сложившейся практики профориентационной работы и сопровождения профессионального самоопределения как при завершении школьного обучения, так и в ходе профессионального, в организации ПОО. В частности, усиление профессионального блока на ранних этапах обучения без учета индивидуально-возрастных особенностей снижает профессиональный интерес в будущем. Кроме того, планируемая образовательная траектория большинства учащихся ПОО связана с получением высшего образования.

Литература

1. **Деркач А. А.** Акмеологические основы развития профессионала. М.: Изд-во Моск. психолого-соц. ин-та; Воронеж: МОДЭК, 2004. 752 с. (Психологи Отечества: избр. психол. тр.: В 70 т. / Гл. ред. Д. И. Фельдштейн).
2. **Вербицкий А. А.** Контекстное обучение в компетентностном подходе // Высшее образование в России. 2006. № 11. С. 39—46.
3. **Ильин Е. П.** Мотивация и мотивы. СПб.: Питер, 2000. 512 с.: ил. (Мастера психологии).
4. **Столяренко Л. Д.** Психология. М.; СПб. [и др.]: Питер, 2010. 591 с.: ил.

Нехорошева Елена Владимировна — кандидат педагогических наук, заведующая Лабораторией развития личности и здоровьесбережения МГПУ. E-mail: sjelene@yandex.ru

Интернационализация образования в контексте формирования единого общеевропейского образовательного пространства

А. И. Пирогов, Т. В. Растимешина

Национальный исследовательский университет «МИЭТ»

Рассматриваются проблемы интернационализации образования как условия и генерального направления формирования единого общеевропейского образовательного пространства. Обсуждаются подходы к анализу глобализации и универсализации образования и предлагаются дефиниции ключевых понятий. Анализируются генезис, эволюция и причины основных тенденций, сложившихся в европейском образовании и обуславливающих необходимость интегрировать национальные образовательные системы в общеевропейское образовательное пространство.

Ключевые слова: образование; интернационализация; глобализация; транснациональное образование; мобильность; общеевропейское образовательное пространство.

Интернационализация образования как исторический процесс имеет глубокие и разветвленные корни, поэтому образовательная политика каждого отдельного государства в области интернационализации, с одной стороны, является важнейшим фактором интеграции, с другой — характеризуется чертами, отличающими ее от интернационализации в другой образовательной системе. Начался этот процесс в Средние века в Европе, с появлением первых университетов. Широта охвата в университетском познании явлений объективной и научной реальности позволяет говорить о том, что с этого времени изменился подход к образовательному процессу и самой категории знания. С основанием первого университета Европа вновь открыла для себя пайдею — категорию древнегреческой философии, характеризующуюся ценностным, качественным подходом к образовательному процессу.

Следующим этапом развития интернационализации стала организация университетов в колониях империй (экспорт учреждений). Первые африканские университеты — колледж Фура-Бей (Сьерра-Леоне), Дакарский университет Шейха Анта Диоп (Сенегал) и национальный университет Макерере (Уганда) — были основаны в колониальный период [1]. С начала 1960-х гг. в создании национальных систем образования государств третьего мира и подготовке профессиональных кадров для стран Азии, Африки и Латинской Америки, добившихся независимости в результате национально-освободительного движения и антиколониальных революций, активно участвовал Советский Союз. Так, в 1961—1963 гг. в советских вузах обучались студенты из 29 стран Африки, 21 государства Азии и 19 стран Латинской Америки [2]. Большую часть студентов из развивающихся стран принимал учрежденный в 1960 г. в Москве Университет дружбы народов.

Исторической вехой на пути интернационализации образования стал 1953 г., когда в рамках Совета Европы была заключена Европейская конвенция об эквивалентности дипломов в целях обеспечения свободного доступа граждан Европы в университеты. Можно считать, что подписание этого документа положило начало формированию единого общеевропейского образовательного пространства.

Концепция интернационализации оформилась на институциональном уровне только в середине 1990-х гг., когда были сформулированы ее желаемые или ожидаемые результаты. Этому предшествовали исследования и дискуссии на национальном и международном уровне (подробнее см.: [3]), вызванные, с одной стороны, сложностью и многогранностью понятия «интернационализация», с другой — некоторой полисемией и синонимией в терминологии (в частности, обсуждалось определение отношений между понятиями «интернационализация» и «мобильность», поскольку последнюю длительное время считали основным признаком первой). Кроме того, нелинейность процесса интернационализации образования связана с его многоаспектностью, породившей такие понятия, как международное образование, мультикультурное образование, экспорт образовательных услуг, интеграция образовательных систем, европеизация образования и образовательные услуги. Они являются базовыми, и их разграничение по уровням социотехнической деятельности — одна из важнейших методологических проблем.

Выработан ряд «общепринятых» определений интернационализации. В частности, классической признана формулировка Джейн Найт: интернационализация — это «процесс внедрения международного измерения в такие функции учебного заведения, как преподавание, исследование и оказание услуг» [4]. В начале XX в. эта дефиниция была доработана автором [5]: в новой редакции интернационализация определена как процесс внедрения международного аспекта в исследовательскую, образовательную и обслуживающую функции высшего образования.

Особенность трактовок, данных Дж. Найт, в том, что отмечены неразрывная взаимосвязь всех функций высшего образования в процессе интернационализации и его комплексное влияние на них. При этом, однако, рассматривается только внешняя сторона интернационализации, ее педагогическая составляющая. На наш взгляд, большей глубиной проникновения в суть данного процесса, соотносением его с сущностью знания и познания отличается определение, предложенное Б. Дж. Эллингбоу (B. J. Ellingboe) в магистерской диссертации «Ведомственные стратегии интернационализации программы обучения: сравнительно-ситуационное исследование пяти колледжей Миннесотского университета» (Divisional Strategies on Internationalizing the Curriculum: a Comparative Five-College Case Study of Deans and Faculty Perspectives at the University of Minnesota, 1996). Здесь процесс интернационализации образования предстает как стремление организовать мышление в международном контексте, используя сравнительные подходы и реагируя на разносторонние изменения на мировой политической, социальной и культурной арене.

Важнейшим аспектом в понимании интернационализации является ее отделение в сущностном плане от глобализации. В частности, по мнению известного отечественного исследователя А. И. Галагана, с интернационализацией связан порядок мироустройства, характеризующийся доминирующей ролью национальных государств с четкими политическими границами, через которые можно вести традиционную деятельность по интернационализации образования — перемещать студентов, обмениваться персоналом, налаживать сотрудничество университетов и совместную исследовательскую работу. Глобализация же подразумевает более фундаментальное изменение мирового порядка, при котором национальные границы утрачивают значение, т. е. она отрицает их существование и, логично предположить, саму жизнеспособность университета как общественного института [6].

Исходя из этого положения, можно развести данные понятия: если глобализация означает возникновение гибридной мировой культуры и смешение национальных традиций и даже может нивелировать национальный образовательный суверенитет,

то интернационализация оставляет за ним право на существование с учетом включенности в общемировую образовательную систему, поскольку основана на кросс-коммуникации и объективно возрастающей необходимости всестороннего международного обмена. Вместе с тем глобализация и интернационализация образования — два взаимосвязанных и взаимообусловленных, а не разнонаправленных или антагонистичных процесса, ведущих к приданию образовательным учреждениям новых форм.

Анализ причин интернационализации в разные эпохи показывает, что первоначально она была детерминирована в большей степени культурными факторами, в эпоху колониализма — политическими, в середине XX в. — носящими экономический характер. Сегодня интернационализация образования является сложнообусловленным процессом. Среди ее причин Р. Эланд [7] выделяет:

- 1) политические (рассматривается как «орудие» внешней политики);
- 2) экономическо-финансовые (вызвана потребностью повысить конкурентоспособность в экономике или доходы учебных заведений);
- 3) академические (служит вкладом в качество и разнообразие преподавания и обучения);
- 4) культурно-идеологические (обуславливается необходимостью поощрять уважение к культурному и этническому многообразию, а также содействовать взаимопониманию народов).

Российские специалисты, анализируя причины интернационализации на рубеже XX — XXI вв., отмечали, что геополитические и экономические интересы государства неразрывно связаны с экономическими интересами на институциональном уровне. При этом университеты могут быть заинтересованы:

- в получении устойчивого источника внебюджетного финансирования в случаях, когда образовательная деятельность приобретает форму коммерческой (по реализации образовательных услуг);
- в улучшении своего международного и внутреннего рейтинга и, как следствие, получении дополнительного бюджетного финансирования или грантов;
- в привлечении квалифицированных научных кадров;
- в повышении квалификации сотрудников и преподавателей [8].

Вне зависимости от нюансов теоретической интерпретации понятия, сегодня специалисты-практики всех субъектов образования во всем мире признают интернационализацию образования важнейшей стратегией деятельности университетов. Об этом, в частности, свидетельствуют тезисы доклада Международной ассоциации ректоров университетов (IAUP) о стратегии интернационализации (1995). В них Ассоциация решительно настаивала на том, чтобы все учреждения системы высшего образования активно содействовали процессу интернационализации своих учебных заведений, а также повышению компетентности и грамотности своих студентов, что является необходимым для пожизненного стремления к более дружественной обстановке в мире, в которой понимание межнациональных проблем и сотрудничество в их решении будут важным условием обеспечения качества жизни и поддержания экономического, социального и культурного развития (приводится по: [9]).

Кроме того, в интернационализации заинтересованы и государства, в том числе на пространстве СНГ. Интересы большинства из них в отношении интернационализации в краткосрочной перспективе состоят:

- в экономии бюджетных средств на реализацию программ высшего образования путем частичного замещения их привлекаемыми средствами от платного обучения иностранных граждан;

- в притоке иностранного капитала за счет продажи не только образовательных, но и сопутствующих услуг;
- в компенсации негативных последствий снижения темпов роста населения и восполнения квалифицированных трудовых ресурсов [8].

Помимо названных выше экономических государственные интересы геополитического и социокультурного характера в не меньшей степени обуславливают заинтересованность в процессе интернационализации.

Таким образом, *интернационализация образования есть организация образовательного процесса, предполагающая сотрудничество национальных образовательных учреждений посредством совместной образовательной и исследовательской деятельности в целях свободного и всестороннего развития личности.*

Специалисты выделяют четыре основных подхода к осуществлению процесса интернационализации. Первый, «основанный на деятельности», подразумевает традиционные мероприятия по обеспечению академической мобильности студентов и преподавателей, международному трудоустройству студентов, технической поддержке и передаче знаний, совместной исследовательской деятельности и изменению учебных планов. Второй, основанный на «компетентности», сосредоточен на целях и результатах, измеряемых прибавочной стоимостью, создаваемой интернационализацией, формированием человека как профессионала и как личности. В основе третьего лежит понятие мультикультурного образования, которое студент должен получить в стенах университета. Четвертый, «стратегический», сочетает в себе все предыдущие подходы с целью вывести учебное заведение на международный уровень (подробнее см.: [10, с. 24]).

В соответствии с этим, сегодня принято выделять три формы интернационализации (мобильности): студентов, программ и учреждений. Проанализируем каждую из них с точки зрения воздействия на процесс интеграции образовательных систем в единое образовательное пространство.

«Внутренняя интернационализация» (*internationalisation at home*), или мобильность студентов, является одним из наиболее быстрорастущих экспортных секторов во всем мире: всемирный рынок образования оценивается в 1,5 трлн долларов, при этом глобальный спрос на высшее образование составляет 97 млн мест, а на международное — 1,8 млн мест. По прогнозам транснациональной образовательной корпорации IDP Education Australia, к 2025 г. спрос на международное образование стремительно увеличится и составит 262 млн мест, при этом доля высшего образования будет составлять не менее 7,2 млн мест [11].

Кроме того, неблагоприятная демографическая ситуация в странах — экспортерах образовательных услуг повлекла за собой изменения в миграционной политике. Так, в Германии с 1 января 2005 г. вступил в действие «Закон об иммиграции», дающий право иностранцам, получившим высшее образование в этой стране, оставаться в ней еще на год после выпуска для поиска работы. До его принятия иностранные выпускники обязаны были покинуть Германию сразу после окончания учебы [12]. Напротив, в США и Великобритании, традиционно более всего привлекавших иностранных студентов, в последние годы усложнились визовые правила. Воспользовавшись этим, лидеров серьезно потеснила Австралия. По прогнозам специалистов, к 2025 г. образование принесет в австралийскую казну не менее 38 млрд австралийских долларов и займет первое место по доходности среди индустрии сервиса, превзойдя туризм [13].

Студенческая мобильность последние 10 лет развивается и во многих странах СНГ. В начале десятилетия, в 2004 г., в вузах различных его государств обучалось более 78 тыс. студентов — граждан других стран СНГ [14]. Граждане Республики

Казахстан составляли почти 50 % студентов из других стран, обучавшихся в российских вузах, Республики Беларусь, Республики Узбекистан и Украины — 8—14, подданные других государств — по 3 %. В вузы Азербайджана и Армении из стран Содружества приезжали учиться в основном граждане Грузии и России; Республики Беларусь — России (77 %), Литвы (7) и Украины (6); Республики Казахстан — граждане России (49), Туркменистана (11) и Республики Узбекистан (31); Киргизской Республики — в основном граждане Республик Узбекистан (73) и Казахстан (20); Республики Молдова — преимущественно Украины (72) и России (24); Республики Таджикистан — главным образом Республики Узбекистан (45) и Туркменистана (30); в вузы Украины — граждане России (65), а также Республики Молдова (20) и Туркменистана (15 %) [14].

Однако государства СНГ, активно приглашая иностранных студентов, не поддерживают на государственном уровне своих граждан, выезжающих для обучения за границу. Среди стран — членов СНГ только в Республике Казахстан обучение за рубежом выделено в качестве одного из приоритетов государственной образовательной политики. Такой подход к студенческой мобильности во многом свидетельствует о том, что эта республика стратегически заинтересована в формировании отечественной интеллектуальной элиты и следует по европейскому пути решения поставленной задачи.

Мобильность программ не требует от студентов выезда из страны. При этой форме интернационализации иностранный вуз ведет учебный процесс, используя организацию-провайдера (вуз-партнер) или информационные технологии и Интернет. Возможно комбинирование обоих подходов в самых различных формах. Гленн Джонс, один из основателей Международного союза транснационального образования, приводит следующие примеры транснационального образования:

- онлайн-овые и дистанционные программы образования (представляемые через Интернет, по сети, через спутники, компьютеры, почту или с помощью других технологий — через государственные границы);
- кампусы-филиалы (открываемые учебным заведением в другой стране для обучения иностранных студентов по своим программам);
- учебные заведения — побратимы (заключение соглашений между учебными заведениями разных стран для реализации совместных программ);
- корпоративные программы (предложение многими большими корпорациями программ с зачетными единицами, полученными в учебных заведениях; при этом часто учитываются и те, что получены студентами в национальных университетах) (подробнее см.: [15]).

Таким образом, транснациональное образование включает в себя все виды программ высшего образования, курсов обучения или образовательных услуг (в том числе дистанционного образования), при реализации которых обучаемые находятся не в той стране, где расположен вуз, присваивающий дипломы / квалификации. Программы транснационального образования могут принадлежать образовательной системе зарубежного государства либо предоставляться независимо от какой-либо национальной системы образования [16].

Форма и степень интернационализации образования в разных государствах зависит от этапа развития страны. Если национальные вузы плохо оснащены и страдают от нехватки квалифицированных специалистов, импорт высококачественных образовательных услуг может стать частичным решением образовательной проблемы. Полезным может оказаться и сотрудничество в сфере высшего образования

между странами, находящимися в одинаковом положении. Справедливость этого подтверждают исследования, проведенные специалистами Центральной и Восточной Европы, по мнению которых, в их регионе действуют следующие благоприятные факторы для развития транснационального образования:

- 1) потребность в иностранных инвестициях в экономику стран Центральной и Восточной Европы, стимулирующая подготовку квалифицированных специалистов, способных работать в условиях глобализации торговли и промышленности;
- 2) необходимость расширять доступ молодежи к образованию в условиях растущего спроса на образовательные услуги и невозможности его удовлетворить в странах со слабо развитым частным сектором высшего образования;
- 3) недостаточность государственного финансирования высшего образования;
- 4) бурное развитие Интернета [17].

Вместе с тем ряд объективных факторов препятствует транснациональному образованию или замедляет его распространение. Это «культурные барьеры» [17], связанные с различными историческими традициями университетского образования в Европе и на пространстве СНГ, а также фактическое отсутствие законодательной базы для работы организаций — провайдеров транснациональных программ.

Нейтрализовать факторы противодействия призваны Руководящие принципы «Обеспечение качества в трансграничном высшем образовании» (UNESCO/OECD Guidelines for Quality Provision in Cross-border Higher Education) [18]. Решение об их разработке было принято в октябре 2003 г. на 32-й сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО и встрече правления Центра исследований и инноваций в образовании (ЦИИО) ОЭСР в целях:

- защиты преподавателей и студентов от рисков получения низкокачественного образования и квалификаций, не признаваемых на широком международном уровне, а также недостоверной информации о предоставляемых образовательных услугах;
- повышения сопоставимости и конвертируемости присваиваемых степеней и квалификаций, обеспечивающих их международное признание;
- большей прозрачности, связанности и открытости процедур признания квалификаций и распознавания дипломов, в максимальной степени облегчающих академическую мобильность;
- усиления международного сотрудничества национальных агентств, участвующих в разработке образовательных стандартов, аккредитации и сертификации образовательных учреждений и услуг.

Университетам, успешно участвующим в программах транснационального образования и соблюдающих основные принципы обеспечения качества, предложено присваивать статус международно признанных образовательных учреждений (Internationally Recognized Higher Education Institution). Создание единой всемирной базы таких университетов (International Database on Internationally Recognized Higher Education Institutions) [19] определено ОЭСР как важный шаг в направлении обеспечения системы качества трансграничного образования и распространения информации среди заинтересованных лиц. В дальнейшем планируется широкое внедрение разработанных принципов на международном, региональном и национальном уровне.

Мобильность учреждений связана с открытием новых учебных заведений за пределами государства: филиалов, представительств, совместных образовательных центров и др. Сегодня эта форма мобильности менее распространена, чем мобильность студентов, поскольку требует непростых политических решений и крупных финансовых вложений. Межгосударственное сотрудничество в этом случае основывается на принципе субсидиарности, предполагающем достижение интеграции на уровне заинтересованных государств и реализуемом путем заключения заинтересованными государствами двусторонних соглашений об открытии филиалов, с учетом законодательной базы обеих стран. Зарубежные филиалы вузов существуют за счет средств вузов-учредителей, а также на условиях самофинансирования.

Одним из примеров успешной реализации принципа субсидиарности служит проводимая Российской Федерацией государственная политика создания филиалов российских вузов на территории государств — членов СНГ. Результатом межгосударственного сотрудничества в области мобильности учреждений стало принятие Соглашения о порядке создания и функционирования филиалов высших учебных заведений в государствах — участниках Содружества Независимых Государств [20] (вступило в силу для РФ 21.03.2002). Под филиалом в данном документе понимается филиал высшего учебного заведения, созданный как структурное подразделение вуза государства одной стороны, расположенное на территории государства другой стороны и реализующее образовательные программы в полном объеме.

Развитие мобильности учреждений сопряжено с трудностями, не только препятствующими расширению филиальной сети вузов, но и негативно воздействующими на весь процесс формирования единого образовательного пространства. Так, в докладе Министерства образования и науки РФ на заседании Правительственной комиссии по делам соотечественников за рубежом по вопросу о приеме соотечественников в вузы РФ и работе филиалов российских вузов в государствах — участниках СНГ и странах Балтии в 2006 г. отмечалось, что создание российскими вузами своих филиалов в государствах СНГ и Балтии и обеспечение их деятельности наталкивается на противодействие со стороны национальных государственных органов управления образованием. К примеру, Азербайджан принял решение лишить студентов российских филиалов отсрочки от службы в армии. В Армении не теряет остроты проблема трудоустройства русскоязычных выпускников филиалов российских вузов, поскольку обучение на русском языке по российским образовательным стандартам идет вразрез с ограничительными мерами закона Республики Армения «О языке», принятого в 1993 г. и действующего в XXI в. [21].

Итак, интернационализация образования остается актуальной мировой тенденцией последнего десятилетия. Она углубляет базу знаний институтов-участников, раздвигает рамки научного поиска, обогащает учебные программы, расширяет культурные горизонты студентов и преподавательского состава и качественно меняет парадигму личностного социокультурного развития. Именно в этом процессе формируется позиция не только (и не столько) нового качества образования, сколько «нового качества человека». Причем в данном случае не только студент, но и преподаватель, и каждый, кто так или иначе участвует в международных образовательных программах, обретает качественные характеристики, во многом являющиеся атрибутивными признаками «человека будущего».

1. **Седдо К. Ф.** Развитие высшего образования в Африке // Высшее образование в Европе. 2003. Т. XXVIII. № 1. С. 34—35.
2. **Марчук Н. Н., Волосюк О. В.** РУДН и Латинская Америка — 50 лет сотрудничества. М.: РУДН, 2009. 157 с.
3. **Келлен Х.** Концепция дальнейшего развития интернационализации на практике: десятилетие эволюции // Высшее образование в Европе. 2000. Т. XXV. № 1. С. 1—9.
4. **Knight J.** Internationalization of Higher Education: a Conceptual Framework // Internationalization of Higher Education in Asia Pacific Countries / Ed. by J. Knight, H. de Wit. Amsterdam: European Association for International Education, 1997. P. 5—19.
5. **Knight J.** Updated Definition of Internationalization // International Higher Education. 2003. № 33. P. 2—3.
6. **Галаган А. И.** Интеграционные процессы в области образования: анализ мировых тенденций // Социально-гуманитарные знания. 2002. № 5. С. 72—85.
7. **Эланд Р.** Национальные организации и транснациональное образование // Высшее образование в Европе. 2000. Т. XXV. № 33. С. 19.
8. Управление в высшей школе: опыт, тенденции, перспективы / В. М. Филиппов, И. В. Аржанова, В. Н. Васильев, А. С. Востриков и др. Изд. 2-е. М.: Логос, 2006. 487 с.
9. **Исаева О. Н.** Интеграционные процессы в области образования как фактор формирования мировой образовательной системы: анализ мировых тенденций // Российский научный журнал. 2008. № 3 (4). С. 161—169.
10. Глобализация и образование: Сб. обзоров / Отв. ред. и авт. вступ. ст. С. Л. Зарецкая. М.: ИНИОН РАН, 2001. 143 с.
11. **Краснова Г. А.** И снова об экспорте российского образования // Независимая газета [Электронный ресурс]. 2014. 23 апреля. URL: http://www.ng.ru/science/2014-04-23/12_education.html (дата обращения: 19.03.2015).
12. Новый закон об иммиграции: кого хотят видеть в Германии? // Deutsche Welle (DW): Germany's international broadcaster [Электронный ресурс]. 2004. 10 июля. URL: <http://dw.de/p/5IWb> (дата обращения: 18.03.2015).
13. **Варданян С.** Экономика нуждается в новых образовательных технологиях [Интервью с директором Ереванского филиала МЭСИ С. Варданяном] / Беседу вел Л. Оганесян // Деловой Экспресс: Экономическая газета Армении [Электронный ресурс]. 2013. № 17 (1016). URL: http://www.express.am/article/17_1016/view/jekonomika-nuzhdaetsja-v-novyh-obrazovatelnyh-tehnologijah.html (дата обращения: 18.03.2015).
14. Образование в СНГ. Высшее профессиональное образование (2004/2005 уч. год) // Совет по сотрудничеству в области образования государств — участников СНГ [Электронный ресурс]. Соп. 2010. URL: <http://www.cis.unibel.by/print.aspx?guid=34263/> (дата обращения: 18.03.2015).
15. **Джонс Г.** Как перебросить мост от сложных проблем транснационального образования к аккредитации // Транснациональное образование: возможность доступа или создание препятствий? 2000. № 3. С. 6.
16. **Лукичев Г.** Трансграничное образование // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2002. № 1. С. 71—75.
17. The Recognition, Treatment, Experience and Implications of Transnational Education in Central and Eastern Europe 2002—2003 / Report undertaken by S. Adam. Stockholm: Högskoleverket, National Agency for Higher Education, 2003. 86 p.
18. Руководящие принципы для обеспечения качества в трансграничном высшем образовании. Париж: ЮНЕСКО, 2006 // База данных ЮНЕСКО [Электронный ресурс]. URL: <http://unesdoc.unesco.org/images/0014/001433/143349r.pdf> (дата обращения: 19.03.2015).
19. UNESCO Portal to Recognized Higher Education Institutions // UNESCO: Official site [English version]. Соп. 2009—2014. URL: <http://www.unesco.org/new/en/education/resources/unesco-portal-to-recognized-higher-education-institutions/> (accessed: 18.03.2015).
20. Соглашение о порядке создания и функционирования филиалов высших учебных заведений в государствах — участниках Содружества Независимых Государств (Москва, 28 сентября 2001 года) // Российское образование для иностранных граждан [Портал] / Министерство образования и науки Российской Федерации. URL: <http://www.russia.edu.ru/information/legal/law/inter/sng/> (дата обращения: 19.03.2015).

21. Закон Республики Армения от 30.03.1993 № ЗР-52 «О языке» // Законодательство стран СНГ: Web-версия / СоюзПравоИнформ. Сор. 2003—2015. URL: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=2942 (дата обращения: 18.03.2015).

Пирогов Александр Иванович — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и социологии (ФиС), декан факультета (института) экономики, управления и права (ИнЭУП) МИЭТ. E-mail: egdek@miee.ru

Растимешина Татьяна Владимировна — доктор политических наук, профессор кафедры ФиС МИЭТ. E-mail: rast-v2012@yandex.ru

Психологическая готовность к предпринимательской деятельности как условие конкурентоспособности

А. В. Посохова

Институт международной торговли и права (Москва)

Представлены результаты исследований психологической готовности к предпринимательской деятельности как условия и составной части конкурентоспособности. Проанализировано содержание психологической готовности. Приводятся результаты поисковых эмпирических исследований. Показано, что психологическая готовность к предпринимательской деятельности связывается с ее успешностью, обеспечивает ее конкурентоспособность. Психологическая готовность обусловливается развитием важнейших личностно-профессиональных качеств, способностью мобилизовать свои ресурсы, знанием возможных вариантов развития событий. Значимые гендерные различия в оценках не проявились.

Ключевые слова: акмеология; конкурентоспособность; профессиональная готовность; психологическая готовность; акмеологическая готовность; личностно-профессиональные качества.

Известно, что предпринимательская деятельность, осуществляемая в условиях постоянной и острой конкуренции, по психологическому содержанию является сложно-совмещенной, требует развития полипрофессиональной компетентности, многих специальных навыков, умений и личностно-профессиональных качеств. Кроме того, нередко она сопровождается воздействием различных негативных экстремальных факторов (риски, недобросовестная конкуренция, перегрузки, сильные стрессы, угрозы и даже опасность), чаще всего направленных на самого субъекта предпринимательской деятельности. Они могут действовать как закономерно, так и случайно, что затрудняет их прогнозирование. Отсутствие их в настоящем не означает, что они не проявятся в будущем: вероятность их возникновения всегда велика. Все это обуславливает появление и доминирование у предпринимателей негативных функциональных состояний (особенно высокой непродуктивной психической напряженности), нарушающих регуляцию деятельности и связанных с большими психоэнергетическими затратами. В свою очередь это уменьшает внутреннюю ресурсность предпринимателей и тем самым снижает уровень их конкурентоспособности.

Таким образом, многие предприниматели действуют в затрудненных, особых, а нередко и экстремальных с психологической точки зрения условиях. Как показали проведенные исследования (О. И. Жданов, Н. Д. Завалова, В. Г. Зазыкин, Л. А. Кандыбович, П. А. Корчемный, В. И. Лебедев, В. Л. Марищук, В. А. Пономаренко и др.), регуляция деятельности в подобных условиях существенно отличается от таковой в нормальных. Для нее необходимы специфические личностно-профессиональные качества и подключение внутренних ресурсов, в частности функциональных и психофизиологических.

Отмеченные отличительные особенности предпринимательской деятельности требуют не только соответствующих умений и компетентности, но и психологической готовности. Недостаточная сформированность психологической готовности

предпринимателей к конкурентной деятельности может привести к негативным проявлениям в деятельности и поведении: нецеленаправленной активности, растерянности, феномена отчужденного сознания и пр.

Следовательно, развитие конкурентоспособности предпринимателей должно обязательно сопровождаться психологической подготовкой с целью выработать психологическую готовность действовать в условиях острой конкуренции и влияния негативных факторов, осложняющих деятельность. Иными словами, предприниматель должен знать, что такое работа в условиях острой конкуренции, какие экстремальные факторы могут проявиться и к чему приведут, уметь противостоять им или преодолевать их. Кроме того, предпринимателям необходимо формировать у себя и своих партнеров по взаимодействию настрой на эффективную работу в подобных условиях, а также психологическую установку на эффективную деятельность. Тогда отмеченные негативные условия и факторы не дезорганизуют предпринимательскую деятельность, не вызовут растерянности, снижения эффективности и надежности деятельности.

Психологическая готовность к предпринимательской деятельности как составная часть конкурентоспособности предпринимателей пока не стала объектом систематизированных психологических и акмеологических исследований, отсюда высокая научная и практическая значимость результатов, полученных при разработке данной проблемы.

Очевидно, что изучение психологической готовности к работе в условиях действия экстремальных факторов (как составляющей конкурентоспособности) должно базироваться на психологических и акмеологических исследованиях общей профессиональной и психологической готовности (А. В. Бобков, Ф. Д. Горбов, М. И. Дьяченко, О. И. Жданов, Н. Д. Завалова, В. Г. Зазыкин, Л. А. Кандыбович, В. А. Крутецкий, В. И. Лебедев, Н. Д. Левитов, К. К. Платонов, В. А. Пономаренко, А. Ц. Пуни, В. Т. Юсов и др.).

В трудах названных авторов изучалась в основном профессиональная готовность, причем двух видов: общая долговременная и кратковременная, или настрой (последняя особенно важна при случайном действии разных по силе экстремальных факторов). Обе разновидности профессиональной готовности рассматривались в данных работах и как проявление иных видов готовности:

- инструментальной (знания, опыт, умения и навыки, позволяющие эффективно выполнять профессиональную деятельность);
- собственно психологической (мотивационная готовность, уверенность в способности справиться с заданием, адекватная мобилизация, настрой на успешное решение профессиональных задач).

В проведенных исследованиях отмечалось, что без соответствующей инструментальной готовности трудно сформировать психологическую и что последняя, как и общая профессиональная, может быть постоянной (долговременной) и кратковременной (настроем). При этом сформированность постоянной психологической готовности не исключает необходимости создавать и активизировать настрой.

Все рассмотренные виды психологической готовности важны в профессиональной деятельности, осуществляемой в особых и экстремальных условиях.

Психолого-акмеологические исследования (А. А. Деркач, О. Б. Дмитриева, В. Г. Зазыкин, А. А. Касабов, Г. С. Михайлов и др.) показали, что если готовность является значимой составляющей профессионализма личности и деятельности, она

приобретает акмеологическое качество и может рассматриваться как акмеологическая (т. е. как готовность к продуктивному личностному и профессиональному развитию или росту в выбранной сфере профессиональной деятельности).

По мнению Н. В. Кузьминой, В. А. Сластенина и В. Д. Шадрикова, исследовавших психологическую сущность готовности, психологическими предпосылками формирования и развития долго- и кратковременной готовности служат направленность субъекта на деятельность, его психологические установки, интересы и жизненный опыт. Кроме того, сильно влияние профессионализма, ценностного отношения к профессии.

Ряд авторов (В. А. Бодров, Н. Д. Завалова, А. В. Карпов, В. Т. Мышкина, Л. С. Нерсисян и др.) связывают сущностные характеристики психологической готовности со способностью мобилизовать внутренние ресурсы, с психической устойчивостью, уровнем произвольной саморегуляции, информационного и инструментального обеспечения деятельности.

Такой вид психологической готовности, как готовность к экстренным действиям, особенно значим для предпринимательской деятельности, так как она часто протекает в ситуации неопределенности и подвержена влиянию трудно прогнозируемых экстремальных факторов ([1; 2] и др.). Готовность к экстренным действиям проявляется в способности адекватно и быстро реагировать на возникновение чрезвычайных ситуаций, вероятность наступления которых велика, а время не определено; зависит от уровня произвольной саморегуляции, опыта, направленности на такую деятельность и ряда других психологических факторов. Данный вид готовности может быть определен с помощью инструментальных количественных методов.

В результате исследования психологической готовности к управленческой деятельности в затрудненных ситуациях (А. А. Деркач, А. В. Щербина и др.), было установлено, что данную готовность следует развивать, формируя функциональные резервы компенсаторного типа и развивая акмеологические инварианты профессионализма.

Очевидно, что деятельность предпринимателя вряд ли будет успешной, если у него не сформирована психологическая готовность. Неудача может свидетельствовать и о преждевременности включения субъекта в подобную деятельность. Следовательно, важно выяснить, настроен ли предприниматель развивать свою психологическую готовность.

Данные теоретические предпосылки стали основой для эмпирических исследований психологической готовности как условия и составной части конкурентоспособности предпринимателей. Поисковый характер исследований определил постановку задач: получить целостное представление об изучаемом объекте и наметить пути дальнейших исследований.

В качестве объекта выбрана студенческая молодежь, обучающаяся по специальностям «Экономика», «Маркетинг» и «Менеджмент», всего 86 студентов старших курсов, из них 26 мужчин и 60 женщин. Большинство респондентов в будущем предполагают работать в бизнес-структурах.

Основными методами исследования, в соответствии с характеристиками изучаемого объекта, стали анкетный опрос, интервьюирование и групповые дискуссии. С этой целью разработана специальная анкета, впоследствии апробированная и доработанная, согласно полученным рекомендациям.

Ниже представлены результаты количественно-качественного анализа данных анкетирования.

Все опрошенные (100 %) признали, что психологическая готовность необходима для обеспечения конкурентоспособности предпринимательской деятельности (72 % ответов «да» и 28 % «скорее да, чем нет»). Респонденты-женщины проявили большую уверенность в ответах. Те, кто выразил сомнения, объяснили свою позицию все еще сильным влиянием теневого сектора, «административного ресурса и протекционизма» в российской экономике: «Психологическая готовность, безусловно, важна, но в бизнесе есть более значимые факторы».

Единодушно согласились испытуемые и с тем, что психологическая готовность поддается формированию. При этом примерно треть респондентов сочли, что это может произойти самопроизвольно, в практической деятельности (большую уверенность в этом проявили женщины), тогда как 25 % согласились с этим лишь отчасти. По мнению 45 % опрошенных, формировать психологическую готовность к предпринимательской деятельности для обеспечения конкурентоспособности ее самой и ее субъекта следует заранее и целенаправленно, в том числе в процессе обучения. В дискуссиях и собеседованиях респонденты отметили, что возможно совмещение обоих путей.

Психологическое содержание психологической готовности для обеспечения конкурентоспособности студенты расценили следующим образом: 24 % связали ее с высоким уровнем психологических личностно-профессиональных качеств (активности, мобильности, гибкости, оперативности, психической устойчивости, мотивации на успех и др.); 20 — со способностью мобилизовать свои личностные и профессиональные ресурсы, настроить себя на успешную деятельность (при особой роли саморегуляции, умения пополнять свои ресурсы); 12 — с опытом и умением эффективно взаимодействовать; 14 % трактовали ее преимущественно как инструментальную (специальные знания и умения с их «переизбытком» в качестве резерва).

Гендерный аспект проявился лишь в оценке роли специальных знаний и развития личностно-профессиональных качеств (женщины отметили их как более значимые).

По мнению 69 % опрошенных, формировать психологическую готовность к конкурентной деятельности как составляющей конкурентоспособности можно во время обучения профессии предпринимателя (причем женщины проявили в этом большую уверенность); 30 % согласились с этим утверждением лишь отчасти. Против такого пути обретения психологической готовности к конкурентной предпринимательской деятельности не возразил никто.

Мнения респондентов о связи психологической готовности к конкурентной деятельности и их конкурентоспособности разделились примерно поровну: 35 % сочли, что психологическая готовность служит необходимым условием конкурентоспособности предпринимателей, а связь между ними линейная пропорциональная; другие 35 % — что она выступает составной частью конкурентоспособности (характер связи такой же: линейная пропорциональная) и 30 % — что психологическая готовность является и тем, и другим (с психологической точки зрения последнее утверждение наиболее точно).

Уровень психологической готовности к конкурентной деятельности у начинающих предпринимателей никто из опрошенных не назвал ни очень высоким, ни очень низким; 19 % оценили его как приемлемый, 28 — как довольно низкий и 53 % — как средний. При этом женщины-респонденты были более строгими в суждениях.

Респонденты как будущие предприниматели определили свой персональный уровень психологической готовности к конкурентной деятельности: 9 % — как очень высокий, 63 — как высокий, 25 — как средний и только 2 % — как низкий.

В собеседованиях и дискуссиях выявлены причины столь оптимистической оценки: большинство испытуемых недостаточно отчетливо представляют себе специфику предпринимательской деятельности и сущностные характеристики исследуемого личностно-профессионального свойства; повлияла на ответы и переоценка своих возможностей, столь характерная для студенческого возраста. Вместе с тем часть респондентов совмещают обучение с занятием предпринимательством, они на практике узнали, что такое конкурентная среда и как настраиваться на деятельность в ней.

Психологическую готовность к предпринимательской деятельности как свойство конкурентоспособности, по мнению студентов, можно формировать в процессе самой деятельности, однако на это потребуется продолжительное время: как считают 19 % респондентов, не менее одного года; 53 % — до двух лет; 23 % — не менее пяти лет; 5 % — более пяти лет. В собеседованиях было отмечено, что процесс обретения психологической готовности сугубо индивидуален и многое в нем определяется способностями к предпринимательской деятельности, условиями ее осуществления, наличием персонифицированных образцов или эталонов конкурентоспособных предпринимателей и пр.

Респонденты отдали предпочтение разным путям формирования и развития психологической готовности как условия или свойства конкурентоспособности: 27 % высказались в пользу «ненаучного» метода проб и ошибок, пояснив, что такой индивидуальный опыт является самым надежным («пока не сделаешь своего количества ошибок, ничему не научишься»); 25 % связали обретение психологической готовности с общим личностно-профессиональным саморазвитием; 20 — уверены, что ее можно сформировать с помощью моделирования ситуаций в конкурентной среде; 10 — с помощью психологических и акмеологических тренингов; 17 % ответили, что «все способы хороши», главное, чтобы они соответствовали психологическим особенностям конкретного субъекта предпринимательской деятельности.

Таким образом, проведенное эмпирическое исследование показало, что психологическая готовность рассматривается как необходимое условие и важная составная часть конкурентоспособности предпринимателей: без формирования и развития первой невозможно достичь высокого уровня второй.

Развивать психологическую готовность как составляющую конкурентоспособности следует различными способами, но преимущество рекомендуется отдавать саморазвитию и использованию психологических и акмеологических технологий.

Полученные результаты позволили составить представление о связях психологической готовности к предпринимательской деятельности с конкурентоспособностью. Вместе с тем для определения путей развития конкурентоспособности предпринимателей необходимо углубить данные представления, выявить тип и характеристику связей, определить механизмы формирования и факторы детерминации. Это станет предметом дальнейших исследований.

Литература

1. *Нерсисян Л. С., Конопкин О. А.* Инженерная психология и проблема надежности машиниста. М.: Транспорт, 1978. 239 с.
2. *Нерсисян Л. С.* Психологические аспекты повышения надежности управления движущимися объектами. М.: Промедэк, 1992. 288 с.
3. *Деркач А. А., Зазыкин В. Г.* Профессионализм деятельности в особых и экстремальных условиях (психолого-акмеологические основы). М.: Изд-во РАГС, 2003. 152 с.: ил.

4. **Посохова А. В.** Психолого-акмеологические основания проблемы полипрофессионализма // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2014. № 2 (2). С. 84—88.
5. **Посохова А. В.** Конкурентоспособность предпринимателей: психолого-акмеологический взгляд на проблему // Человеческий капитал. 2014. № 7 (67). С. 83—86.
6. **Щербина А. В.** Формирование психологической готовности руководителей к деятельности в экстремальных управленческих ситуациях. М.: МААН, 1997. 57 с.

Посохова Анастасия Владиславовна — кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии НОУ ВПО «Институт международной торговли и права» (Москва).

E-mail: aposohova@mail.ru

Традиции в отечественном образовании: взгляд из нового тысячелетия

Т. В. Растимешина¹, Ю. В. Лункина²

¹ *Национальный исследовательский университет «МИЭТ»*

² *Тверской государственный университет*

Приводятся определения и даются характеристики понятия традиции в образовании, рассматриваются основные направления его трактовки. Аргументируется выбор объективного подхода к традиции. Затрагиваются вопросы формирования нравственного идеала учителя и правомерности проведения параллелей между периодом реформ Петра I и современностью. Анализируются педагогические традиции, возникшие на разных этапах исторического развития России, их роль в образовательном процессе своего времени и в содержательном наполнении современного российского образования.

Ключевые слова: педагогическая традиция; традиции в образовании; педагогический феномен; взаимодействие обучающего и обучаемого; ценностное содержание; нравственный идеал педагога; единое образовательное пространство; преемственность.

Единство образовательного пространства на территории нашей страны названо в Федеральном законе № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» [1, ст. 3] одним из основных принципов государственной политики и правового регулирования отношений в сфере образования. Интеграционным основанием для формирования единого образовательного пространства СНГ выступают педагогические традиции, так как только сложившиеся, проверенные веками ценности и принципы могут обладать аксиоматичностью. Сегодня традиции в образовании принято рассматривать как наиболее устойчивый педагогический феномен, основная характеристика которого — национальная специфика, но понятие образовательных традиций тесно связано не только с ментальностью и историей. Многие ученые отмечают также ставшую традиционной открытость для непривычных, заимствованных форм воздействия ментального стереотипа населения бывшего СССР (обусловленную, вероятно, многовековым межконфессиональным и межэтническим взаимодействием составлявших его народов). Это позволяет считать традицию не чем-либо незыблемым и застывшим, наподобие восковой фигуры, покрытой пылью веков, а живым организмом, открытым внешним воздействиям и развивающимся в соответствии с меняющимися условиями.

Проанализируем понятие традиции в образовании и традиции, укоренившиеся в образовательных системах стран СНГ.

Мы не склонны абсолютизировать традицию как единственно возможное основание возрождения культуры и не считаем, что для построения качественно новых образовательных систем достаточно воспроизвести традиционные ценности с новыми социокультурными параметрами, поэтому в определении социальной роли традиции обратимся к авторитетам. По Г. П. Федотову, основная функция традиции состоит в обеспечении непрерывности общественного, а значит и образовательного, процесса: «...как ни резки бывают исторические разрывы революционных эпох, они не в силах уничтожить непрерывности. Сперва подпочвенная, болезненно

сжатая, но древняя традиция выходит наружу, сказываясь не столько в реставрациях, сколько в самом модернистском стиле воздвигаемого здания» [2, с. 381]. В этом определении обращает на себя внимание следующий аспект: традиция не механически передается в будущее, как это иногда преподносят, а лишь *сказывается в стиле* возводимого строения.

Еще на одну характеристику традиции, особенно важную в наше время, когда общество активно институционально перестраивается в сфере образования, указывает К. Поппер: общественные «традиции могут служить своего рода связующим звеном, посредником между *личностями* (и личными решениями) и *институтами*» [3, с. 330].

Сегодня традиция (лат. *traditio* — передача) все чаще рассматривается как *специфическая форма проявления исторически сложившегося национального характера*, вынесенного ныне живущими поколениями из минувших эпох. Такая трактовка, на наш взгляд, излишне акцентирует внимание на национальных различиях, так называемой национальной специфике, и требует определить понятие «нация». Однако мы не будем коррелировать его с понятием «традиция», поскольку разрешение крайне спорного и по-прежнему открытого вопроса о том, можно ли считать население бывшего Советского Союза как носителя общих традиций единой нацией, не входит в задачи нашего исследования.

Обобщая различные научные подходы, Е. Шацкий пишет о трех основных направлениях понимания традиции:

- 1) *функциональное* (в центре интереса исследователя — функция передачи из поколения в поколение ценностей данной общности, главным образом духовных);
- 2) *объективное* (внимание исследователя перемещается со способа передачи ценностей на их качество и содержание (что именно должно быть передано));
- 3) *субъективное* (на первом плане находится не функция передачи, не передаваемый объект, а отношение данного поколения к прошлому, его согласие на наследование или протест против этого) [4, с. 284].

Мы будем придерживаться прежде всего объективного подхода к традиции (так как в образовательном процессе особенно важно содержательное наполнение, духовные основания, заложенные в традиции) и с этих позиций понимать ее как *ценностный элемент содержания социального и культурного наследия, передающийся от поколения к поколению, в котором отражаются специфические формы характера народа — носителя и транслятора культуры*. Содержание традиций могут составлять не только ценности, но и нормы, принципы, идеалы, обычаи, обряды и т. д. Возникнув в глубокой древности, они играют огромную роль в воспитании и образовании новых поколений. Даже когда изменяются условия общественной жизни и традиция становится не локомотивом, а тормозом общественного развития, она сохраняется в социокультурном пространстве в виде потенциальной субстанции, способной вновь актуализироваться при очередном изменении социальных условий.

Прежде чем анализировать конкретное наполнение понятия традиции в образовании, считаем нужным остановиться на следующей проблеме: в рассуждениях о традиции редко обходятся без утверждения, что она уходит в глубь веков — но, принимая его в аксиоматической модальности, необходимо ответить, насколько глубоко. Приверженцы советского строя предпочитают описывать и анализировать традиции советской школы. Апологеты великодержавной идеологии акцентируют внимание на образовательных традициях эпохи великой Российской империи.

Представители педагогической теории считают, что основу всех систем образования в странах СНГ составляют идеи И. И. Бецкого, М. В. Ломоносова, Н. И. Новикова, П. Ф. Каптерева, Н. И. Пирогова, К. Д. Ушинского, Л. Н. Толстого, А. С. Макарен-ко и В. А. Сухомлинского. Активисты возрождения религиозной идеи в образовании отсчитывают традиции от принятия христианства на Руси. Сторонники западниче-ства настаивают, что так называемая классическая модель школы, определяющая характер современных образовательных систем на постсоветском пространстве, сложилась под влиянием педагогических идей Я. А. Коменского, И.-Г. Песталотти, И.-Ф. Гербарта и Дж. Дьюи.

По данному вопросу мы придерживаемся следующей позиции: если традиция воспроизводима, т. е. актуализируется в той или иной социокультурной ситуации, со-бытии, позиции, значит, можно с уверенностью утверждать, что она является значи-мым компонентом культурной парадигмы независимо от времени возникновения.

Так, в современном содержании российского образования, порой не вполне яв-ственно, но проявляются педагогические традиции, сложившиеся еще на начальной стадии формирования государственности и распада родоплеменных отношений. Нравственные ценности, ставшие основой образования и воспитания, были по-рождены самим укладом жизни граждан древнерусского государства. Объективный процесс сословного расслоения предопределил зарождение и укрепление в образо-вании ценностей разных групп населения: трудолюбия как главной добродетели ре-месленников, отваги — воинов, учености — жрецов. В ходе исторического процесса образование двигалось от сословной атомизации к систематизации и глобализации, но при этом три сословных начала образовали цельное духовно-нравственное три-единство, транслировавшееся образованием на протяжении веков.

В тот же период было заложено и ценностное содержание, связанное с почи-танием отца, главы рода, общины и далее — государства. Идеи подчинения и оте-ческого покровительства были синкретическим единством, системно присутство-вавшим в образовательном процессе, на их основании сформировалась традиция почтения к старейшинам рода и почитания их, а впоследствии — авторитета власти.

В дохристианской Руси воспитание включало в себя передачу языческих воз-зрений о природе. Основным инструментом этого процесса был фольклор. Вместе с поэтическим мифоцентричным мировосприятием формировалась этническая самоидентификация молодого человека. Традиция воспитания через фольклор как никогда актуальна в современном мире, когда глобализация воспринимается как угроза национальной идентичности. Так, с точки зрения представителей этнопеда-гогики, человек, «включившись» в фольклорный контекст, не только проникается специфическими формами национальной культуры, но и постигает природу, се-мейственность, общинность и самого себя в едином пространственно-временном национальном континууме.

Еще одна традиция, нашедшая отражение в современных системах образования на постсоветском пространстве, — отношение к учению, учености и учителю. Не-зависимо от уровня образованности каждого отдельного человека, община и обще-ство приветствовали ученость, усердие в учении, а также источник знаний — книгу. Владимир Мономах наставлял юное поколение: «Что умеете хорошего, то не забы-вайте, а чего не умеете, тому учитесь — как отец мой, дома сидя, знал пять языков, оттого и честь от других стран. Лениость ведь всему мать: что кто умеет, то забудет, а чего не умеет, тому не научится. Добро же творя, не ленитесь ни на что хорошее... пусть не застанет вас солнце в постели» [5, с. 63—64]. Уже на начальных стадиях

формирования образовательной системы как таковой на аксиологическом уровне поощрялось знание языков как способ снискать уважение в других странах, т. е. еще в Древней Руси одним из важнейших показателей образованности считалась способность вести полилингвистичный диалог в мультикультурном контексте.

В ходе формирования национальной системы образования складывался нравственный идеал учителя, ставший одним из традиционных оснований современных систем образования и России, и стран ближнего зарубежья. Понимание труда учащего и образующего как почетного служения своему ближнему, как труда на своей земле для своих земляков было свойственно нашим предкам еще до крещения Руси и затем подкрепилось христианским пониманием учительства как миссии (указание на богоизбранность учителя встречается в ранних христианских письменных источниках). В годы имперской России идеал педагога впитал православно-патриотические ценности служения народу и Отечеству, самоотверженность и нестяжательство.

Формирование национального идеала учителя продолжилось в послереволюционные годы. В трудах ученых-гуманистов получила теоретическую разработку традиционная неразрывность личностного и профессионального начал в идеале учителя. В дискуссии о том, что же первично: профессионализм или личность, — сторонники гуманистической традиции, не допуская антитезы, оставляли приоритет за личностью. Так, М. М. Рубинштейн подчеркивал свою приверженность гуманистическим ценностям как базовым для идеального педагога: «Человеку в учителе все-таки принадлежит первенство, хотя мы не собираемся настаивать на том, что надо сначала культивировать человека, а потом уже профессионала...» [6, с. 94]. Эта позиция особенно актуальна в эпоху глобализации, поскольку противоречие между профессионализмом и человечностью заложено в требованиях глобализации к содержанию образования. Мы полагаем, что в работах педагогов-гуманистов можно найти методологическую возможность не только снять само это противоречие, но и экстраполировать двуединство профессионализма и гуманизма в их непротиворечивом сочетании в концепцию глобального образования, при условии понимания этого двуединства не только как идеала учителя, но, даже в большей степени, как ценностного непротиворечивого основания личности, которое должно сформироваться у обучаемого.

В контексте поиска модели идеального учителя в науке активно обсуждался и вопрос о его предназначении. Как правило, он актуализируется в переходные периоды общественного и государственного развития, когда социальная роль образования существенно возрастает. Так произошло и в эпоху формирования единого образовательного пространства в контексте глобализации образования. Сторонники гуманистического подхода настаивали на понимании педагогической профессии как миссии: она виделась во вневременном, культурном представительстве. Рубинштейн также разрабатывал представление о связи школы со временем: все, что в ней происходит, есть во многом результат деятельности государства, действия социальных факторов. Вместе с тем учитель может и должен смотреть вперед, идти дальше, опережать свое время, так как в его руках будущее. Отсюда идеал учителя политически нейтрален, не ангажирован ни одной социальной силой.

Представители антропологической традиции считали лучшим инструментом воспитания личность педагога и поэтому рассматривали учителя как пример-эталон, носителя и индикатора высших ценностных установок, к которым относились: всестороннее общечеловеческое образование, социальность, «родительство»,

профессиональная одаренность, самопожертвование, воля, самообладание, выдержка, требовательность, терпимость, открытость, способность к всепрощению и пониманию. Все перечисленные качества, с одной стороны, выкристаллизовались из живой многовековой национальной традиции, из общинного и религиозного мировоззрения наших предков, с другой — могут и должны рассматриваться как качества педагога, необходимые для реализации его миссии в открытом образовательном пространстве, в глобальном мире.

Антропоцентрический подход к деятельности педагога не предполагает придания личности обучающего статуса статичного и непогрешимого идеала — напротив, ей могут и даже должны быть свойственны человеческие недостатки, в деятельности преподавателя возможны просчеты и ошибки. Но основной принцип антропоцентрической педагогики состоит в том, что учитель должен расти и развиваться вместе с обучаемыми, поскольку, согласно этой концепции, культура рассматривается как феноменальный фактор развития и становления личности, а миссия учителя понимается как служение законам развития человека. Такой подход к пониманию взаимодействия педагога и учащегося актуализируется сегодня, когда параллельно со становлением единого образовательного пространства формируется субъект-субъектная педагогическая парадигма. Открытое образование предполагает такое взаимодействие участников педагогического процесса, при котором происходит не только свободный двунаправленный обмен информационным и эмотивным содержанием, личностными познавательными потенциями обучающего и обучающегося, но и изменение параметров личности обоих: их мировоззрения, мировосприятия, подхода к проблемам, а также самого культурного контекста, поскольку это взаимодействие является процессом творческого преобразования действительности. Открытость образования подразумевает открытость всех его параметров и структурных компонентов для изменений. Это дает нам основания полагать, что традиции антропоцентричной педагогики, воспроизводимые в параметрах образовательных систем СНГ, актуализируются в процессе становления парадигмы открытого образования и могут рассматриваться как фактор интеграции систем в единое образовательное пространство.

Принятие христианства положило начало важнейшему этапу формирования традиционного ядра образовательных систем стран СНГ, однако необходимо отметить следующее: все образовательные концепции современных государств строятся на императиве светского характера образования, что обусловлено объективными процессами в развитии цивилизации. Секуляризация образования в России началась с XVIII в., поэтому светский подход реализовывался в педагогическом процессе ведущих учебных заведений страны задолго до становления советской образовательной системы. Кроме того, Россия и в имперский период своей истории представляла собой не православный социокультурный монолит, а мультикультурное и поликонфессиональное пространство, и культуру далеко не всех постсоветских государств можно рассматривать в контексте православия. Все эти обстоятельства не позволяют абсолютизировать роль религиозной традиции в складывании образовательных систем государств СНГ. Мы далеки от мысли о необходимости интеграции постсоветских государств на основе ценностей, мировоззрения или традиций какой-либо религии. Более того, представляется, что социализация личности в мультикультурном пространстве должна основываться на постижении истории и настоящего мировой культуры (в теологическом или культурологическом ключе), в том числе, с точки зрения многоаспектного, чаще всего продуктивного, взаимодействия

разных религиозных традиций (в частности, мавзолей Тадж-Махал представляет собой памятник, в архитектурном стиле которого соединены традиции мусульманского и буддийского зодчества).

Тем не менее недооценивать значение христианства для формирования отечественной педагогической традиции было бы ошибочно. Образовательная система России впитала православные ценности, на протяжении столетий служившие ее духовно-нравственными основаниями. Вплоть до начала XX в. христианское мировоззрение и лежащие в его основе ценности обогащали аксиологическое содержание образования и являлось его стержнем. Связав крещение Руси с предвестием Просвещения, Н. М. Карамзин так поэтически преподнес роль христианства в формировании национального мировоззрения: «...предки наши были обязаны христианству не только лучшим понятием о творце мира, лучшими правилами жизни, лучшею без сомнения нравственностью, но и пользою самого благодетельного, самого чудесного изобретения людей: мудрой живописи мыслей — изобретения, которое, подобно утренней заре, в веках мрачных предвестило уже науки и просвещение» [7, с. 86].

Кроме того, именно христианское мировоззрение обогатило представление об учителе настолько, что в рамках этого образа мыслей его «деятельность» стала предполагать миссию наставничества, пасторства, основанного на богоизбранности самого учителя. В последующий период развития светской школы представление об учителе как духовном наставнике закрепилось и в гражданском образовательном процессе. Во взаимодействии религии и образования как взаимосвязанных компонентов единого континуума культуры расширилось и содержание патриотического воспитания, ставшего неотъемлемым компонентом педагогического процесса. В гражданском самосознании нации религиозный компонент был неотделим от патриотического.

Христианство выполняло в образовании еще одну важную функцию — охранительную. При том, что в XVII — XIX вв. в образовательном процессе России возросла роль иностранцев, оно, с одной стороны, было основой мультикультурного объединения с Европой, творческого восприятия и усвоения достижений других цивилизаций и культур, а с другой — помогало противостоять экспансии идей, чуждых духовным традициям и национальным интересам России. Мы не склонны абсолютизировать охранительную роль христианства, давая ей исключительно положительную оценку, поскольку его православное направление способствовало продлению периода русского Средневековья. Однако есть веские основания утверждать, что православие было основой национальной культурной самоидентификации, духовной и культурной связи поколений, ценностной непрерывности образовательного процесса, защиты его от чужеродного влияния.

Вплоть до XVIII в., до начала государственной деятельности Петра I, образование на Руси не выделялось в самостоятельный социальный феномен и культурную проблему, поскольку поглощалось проблемами религиозно-нравственного совершенствования. Эпоха Петровских реформ принесла с собой новое мировоззрение, рациональный подход к образованию и обогатила образовательный процесс ценностными категориями, впоследствии приобретшими характер фундаментальных и традиционных. Прежде всего, образование стало самостоятельным предметом государственного попечения и с начала Петровской эпохи вступило в эру официальных регламентированных взаимоотношений с государством, с самого возникновения носивших системный характер. Процесс взаимопроникновения государства

и образовательной сферы был тотальным: в содержании образования возникла, а затем закрепились государственная идеология, послужившая, в том числе, одной из нравственных основ социализации личности в образовательном процессе; с начала петровских преобразований обучение стало частью исполнения гражданского долга, а усердие в овладении знаниями — обязательным элементом патриотического отношения к государству. С начала XVIII в. образовательная система самоидентифицировалась как дело государственной важности. Традиция восприятия образования как сферы осуществления одного из основных направлений государственной политики возрождается сегодня в СНГ, о чем свидетельствует активизация политики государств в области образования, возвращение в идеологию образования государственных ценностей, пересмотр многих стратегических направлений взаимоотношений государств и образовательных систем.

Во второй половине XVIII в. общество предъявило образовательной системе новые требования: подготовки специалистов в области науки, промышленности и транспорта. В результате в аксиологическую парадигму образования вошли профессионализм и полезность, став, с одной стороны, отражением ценностной парадигмы Просвещения, с другой — естественным следствием объективных процессов, происходящих в обществе. С Петровской эпохой часто сравнивают современный этап развития постсоветских государств, а Петровские реформы, напротив, иногда полагают первым этапом глобализации и интеграции России в единое общемировое пространство экономики, политики, науки и культуры. В наше время, как и в Петровскую эпоху, пересматриваются требования к понятию «профессионализм», который и тогда, и сегодня в качестве системообразующего компонента включает в себя знание нескольких иностранных языков.

Характерная черта развития российского образования начала XIX в. состояла в том, что педагогическая мысль оказалась на передовом фронте социальных преобразований и обрела потенциал, который был значительно шире образовательной сферы. Философы, писатели и видные общественные деятели того времени принимали живейшее участие в становлении и развитии образовательной системы, основные реформы в этой сфере разрабатывались на уровне философской проблематики, а педагогическая мысль была неотъемлемой частью общественной. Показательным примером служит фундаментальная реформа 1860 г., гуманистическая идея которой состояла в развитии человека, отрицании ограниченного утилитаризма и прагматизма школы, введении в философию и идеологию образования идеи общечеловеческого образования. Основной идеолог реформы К. Д. Ушинский синтезировал практически все существовавшие до этого научные знания о человеке, раскрыл многие закономерности его развития «как предмета воспитания» и, более того, системно, с научных позиций, рассмотрел закономерности самого процесса воспитания как одного из важнейших факторов развития человека. «Педагогическая антропология» Ушинского [8] заложила основания научной педагогики России. К началу XX столетия передовая педагогическая мысль обладала богатейшим научным потенциалом и была неотъемлемой частью общественной мысли, а ее теоретические изыскания опережали общественное развитие и эмпирический социальный опыт по меньшей мере на 50 лет.

К началу XX в. оформились и сохранялись вплоть до XXI в. еще две традиции российской системы образования. Первая представляет собой гуманистический и антропоцентричный подход к процессу образования и воспитания, в рамках которого обучающийся мыслится не как объект педагогического воздействия, а как

субъект взаимодействия, неповторимая и уникальная личность, цельность и неприкосновенность которой является основополагающим принципом воспитания. Вторая состоит в реализации научного философского подхода к образовательному процессу и акцентуации его важнейшей социальной функции.

Таким образом, методологический потенциал российских педагогических традиций не только не исчерпан и по сей день, но и актуализировался в свете новых подходов к образовательному процессу, заключающихся в необходимости выстраивать личностно ориентированный процесс обучения в едином образовательном пространстве.

Литература

1. Об образовании в Российской Федерации: федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ; принят Гос. Думой 21.12.2012; одобрен Советом Федерации 26.12.2012 // *Семья и школа*. 2012. № 7/8. С. 4—80.
2. **Федотов Г. П.** Письма о русской культуре // *Русская идея* / Сост. и авт. вступ. ст. М. А. Маслин. М.: Республика, 1992. С. 379—419.
3. **Поптер К.** Открытое общество и его враги. [В 2 т.] / Пер. с англ.; под общ. ред. и с предисл. В. Н. Сладковского. Т. 1: Чары Платона. М.: Междунар. фонд «Культ. инициатива»: Soros foundation: Открытое о-во «Феникс», 1992. 446 с.
4. **Шацкий Е.** Утопия и традиция / Пер. с пол.; общ. ред. и послесл. В. А. Чаликовой. М.: Прогресс, 1990. 454 с.
5. Поучение Владимира Мономаха // *Изборник: Повести Древней Руси* / Сост. и предисл. Л. А. Дмитриева, Д. С. Лихачева. М.: Худож. лит., 1986. С. 59—70. (Классики и современники. Русская классическая литература).
6. **Рубинштейн М. М.** Проблема учителя. М.—Л.: Моск. акционер. изд. о-во, 1927. 173 с.
7. **Карамзин Н. М.** История государства Российского: В 2 кн. / Вступ. ст. Ю. М. Лотмана. Кн. I: т. 1—6. СПб.: Золотой век, 2003. 832 с.
8. **Ушинский К. Д.** Человек как предмет воспитания. Опыт педагогической антропологии. [В 2 т.]. СПб.: Тип. Ф. С. Сущинского, 1868—1869.

Растимешина Татьяна Владимировна — доктор политических наук, профессор кафедры философии и социологии (ФиС) МИЭТ. E-mail: rast-v2012@yandex.ru

Лункина Юлия Валентиновна — магистрант кафедры филологических основ издательского дела и литературного творчества Тверского государственного университета (ТвГУ).
E-mail: TolkoYa@yandex.ru

Особенности конструирования субъект-ориентированного содержания учебно-познавательной деятельности студента инженерного профиля

С. В. Струкова

Национальный исследовательский университет «МИЭТ»

Выявлена специфика, сформулировано определение и перечислены исходные принципы конструирования субъект-ориентированного содержания учебно-познавательной деятельности студента инженерного профиля в условиях высшего учебного заведения, имеющего статус технического университета. В контексте исследования выявлены существенные признаки личности студента инженерного профиля. Предложен деятельностно-практический блок-модуль субъект-ориентированного содержания учебно-познавательной деятельности.

Ключевые слова: деятельностно-практический модуль; инженерный профиль; профессиональная деятельность; субъект-ориентированное содержание; учебно-познавательная деятельность.

В контексте социально-экономических и технологических преобразований, осуществляемых в современном российском обществе, перед системой высшего образования поставлена задача перестроить содержание и структуру профессионального образования в соответствии с требованиями общества и государства к уровню подготовки специалистов инженерного профиля.

Современному обществу необходимо, чтобы такой специалист выходил из стен вуза профессионально компетентным и конкурентоспособным, уверенно смотрящим в будущее, не только обладающим глубокими и прочными знаниями, но и способным сознательно и ответственно принимать обоснованные решения в нестандартных жизненных ситуациях.

Смещение акцентов в шкале общественных ценностей в сторону личностной индивидуальности ориентирует высшее профессиональное образование на утверждение приоритета субъекта-творца, вершителя своего жизненного пути, личности с субъектно-преобразовательным отношением к миру [1].

Конструирование субъект-ориентированного содержания учебно-познавательной деятельности студента инженерного профиля в техническом вузе, имеющем статус университета, способно выступить действенным инструментом при решении этих задач, обеспечить возможность эффективного освоения и преобразования окружающего мира, актуализировать творческое саморазвитие индивидуальных способностей будущих специалистов инженерного профиля.

В рамках нашего исследования данная педагогическая технология определена как интеллектуально-смысловая и практическая деятельность по построению и организации образовательного процесса на основе совокупности связанных между собой комплексных блок-модулей, с учетом целостности содержания инженерных дисциплин и целевой направленности на становление субъектной позиции студента, обеспечивающей в будущем успешную самореализацию на профессиональном поприще.

© Струкова С. В.

В качестве исходных принципов конструирования содержания учебно-познавательной деятельности предлагается использовать следующие:

- 1) взаимодействия учебно-познавательной деятельности с практикой перемен в современном обществе;
- 2) включения в учебные программы не только дидактического материала, но и видов учебно-познавательной деятельности студентов, а именно исследования, дискуссии, конструирования и т. п. [2] (по мнению академика А. В. Хуторского, это позволит формировать личность и ее способности посредством активной деятельности самого студента);
- 3) личностной ориентации содержания учебно-познавательной деятельности, направленный на содействие естественному процессу личностного саморазвития студента и учитывающий его индивидуальные способности;
- 4) диалогичности, обеспечивающий продуктивное взаимодействие участников образовательного процесса.

К сущностным признакам личности студента инженерного профиля, формируемым в контексте конструирования субъект-ориентированного содержания учебно-познавательной деятельности, можно отнести:

- 1) намерение успешно адаптироваться к постоянным изменениям в образовательной и социальной сфере;
- 2) способность к творческой активности, стремление к самоопределению с позиций успешного овладения избранной специальностью;
- 3) проявление самостоятельности и инициативности в процессе обучения;
- 4) готовность к самоуправлению как внутреннему способу организации собственной учебно-познавательной деятельности и планированию своего поведения.

Профессиональную направленность студента инженерного профиля формируют и развивают специализированные содержательные блоки учебных дисциплин, а также практика (ознакомительная, учебная, производственная и преддипломная). Каждый этап практики все более усложняется с целью максимально приблизить характер выполняемых заданий к будущей профессиональной деятельности: от пассивного наблюдения, изучения и анализа разных ее аспектов до активного внедрения самих студентов в процесс непосредственного решения профессиональных и организационных задач в области выбранной ими специализации [3].

Деятельностно-практический блок-модуль субъект-ориентированного содержания учебно-познавательной деятельности предполагает освоение студентами профессиональных знаний, соответствующих конкретной специализации выпускника университета и обеспечивающих востребованность молодых специалистов на рынке труда; создание организационно-управленческих комплексов, позволяющих организовать и спланировать учебно-познавательную деятельность; выработку умений применять полученные знания на практике, способностей извлекать и анализировать информацию из различных библиографических изданий, а также ориентироваться в новых, нестандартных ситуациях.

Итак, конструирование субъект-ориентированного содержания учебно-познавательной деятельности позволяет поместить в центр педагогического процесса личность студента инженерного профиля, учесть присущие ей возрастные и индивидуальные черты, а также, используя современные средства обучения [4], найти новые методы и формы учебно-познавательной деятельности и обновить содержание известных.

1. **Белошицкий А. В., Бережная И. Ф.** Становление субъектности студентов в образовательном процессе вуза // Педагогика. 2006. № 5. С. 60—66.
2. **Хуторской А. В.** Методика личностно-ориентированного обучения. Как обучать всех по-разному? М.: ВЛАДОС-ПРЕСС, 2005. 383 с. (Педагогическая мастерская).
3. **Струкова С. В.** Основные характеристики студента физико-математической направленности как субъекта образовательного процесса университета // Сборник материалов конференции молодых преподавателей и студентов Лискинского филиала ВГУ (16—17 апр. 2010 г., Лиски — Воронеж). Вып. 5. Воронеж: ВГУ, 2010. С. 154—159.
4. **Струкова С. В.** Проблема субъект-субъектных отношений в образовательном процессе высшего учебного учреждения // Современное образование: содержание, технологии, качество: Мат-лы междунар. форума (21—22 апр. 2010 г., Воронеж). СПб.: Изд-во СПбГУ «ЛЭТИ», 2010. Т. 2. С. 322—323.

Струкова София Вячеславовна — кандидат педагогических наук, доцент кафедры высшей математики № 2 (ВМ-2) МИЭТ. E-mail: ssv1946@ya.ru

Дискурсивный анализ в судебно-психологической экспертизе при исследовании аудиовидеофайлов

С. К. Хаидов

Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого

Раскрывается содержание понятия дискурсивного анализа, обсуждается возможность его использования в практике судебно-психологических экспертиз при изучении аудиовидеозаписей показаний подэкспертного в рамках уголовного, административного, гражданского и арбитражного дел. Проанализированы понятия и приведены синонимичные названия дискурсивного анализа. Рассматривается его реализация при исследовании продуктов речевой деятельности. Дано авторское определение дискурсивного анализа в рамках судебно-психологической экспертизы.

Ключевые слова: дискурсивный анализ; судебно-психологическая экспертиза; аудиовидеозапись.

Термин «дискурс» (фр. *discours*, от лат. *discursus* — рассуждение, довод) в своем основном значении, как замечает А. А. Романов [1], имеет общую разговорную доминанту; его смысл можно приблизительно передать как «разглагольствовать по поводу предмета, говорить речь». С начала 1960-х гг. он начал наполняться философским содержанием, что повлекло за собой постепенное изменение смысловых оттенков этого слова при сохранении набора основных значений. Тем не менее это вызвало появление других значений и объем понятия расширился. В результате выявление базового значения слова среди многообразия созначений понятия «дискурс» крайне затруднено.

Отсюда, определяя смысловую наполненность данного термина, стоит исходить не из тех сведений о значении этого слова, что приводятся в справочных изданиях, а из контекста, в котором оно встречается: в конечном итоге именно он способствует пониманию того, какое содержание вкладывается в него в конкретной области гуманитарного знания.

В описании дискурса сложились три основных подхода: собственно лингвистический (специфический тип высказывания), публицистический (семиотический процесс) и философский (идеальный вид коммуникации), — объединенные общей чертой: трактовкой любого дискурса как продукта речевого общения в определенных коммуникативных условиях [1].

Исследования дискурса сводятся к действиям, получившим синонимичные названия:

- 1) дискурсивный анализ;
- 2) дискурсный анализ;
- 3) дискурс-анализ.

На сегодняшний день дискурсивный анализ представляет собой междисциплинарную область, в которой лингвисты сотрудничают с психологами, информатиками, социологами, философами, литературоведами и представителями других наук. Многие из его ключевых понятий сформулированы учеными из смежных отраслей знания.

В общем смысле дискурс-анализ — это структурно-семиотические исследования текстов и реакции на них слушателя (читателя). Анализу подвергаются слова; они могут сочетаться, делиться на подгруппы и разбиваться на семиотические сегменты. Исследуются скрытые значения текста, контекст его создания, вероятные интерпретации читателем (слушателем) и т. п.

Отсутствие единой версии дискурс-анализа позволяет применять его и к естественно происходящим, и к специально организованным формам разговора и текстам; не только к разговору, но к другим формам коммуникации.

Специалисты по дискурсу полагают: «При фиксации устной речи важны не “только слова”, а множество других обстоятельств — паузы, просодия, смех, наложение реплик, незаконченность реплик и т. д. Без этих деталей осмысленный анализ устного дискурса попросту невозможен» [2, с. 15].

Анализ разговора является релевантным для дискурс-анализа в двух отношениях: он дает основательное понимание человеческой интеракции как таковой (поскольку значительная ее часть осуществляется при помощи разговора и в целях понимания психологических и социальных феноменов, представляющих интерес и для дискурс-аналитика); понимание базисной структуры разговорной прагматики (разговорные роли, элементы и порядок разговора, столкновение позиций, связь действий и речи) служит практической основой любого квалифицированного дискурс-анализа.

Анализ разговора и анализ дискурса согласуются в том, что касается деталей интеракции, существенных для понимания ее в целом (каждый ее элемент — пауза, неуверенность, оговорка, непонимание — может стать решающим на данном отрезке коммуникации), выступают как взаимно дополняющие элементы подхода, альтернативного когнитивизму, и вместе с тем как попытка понять высказывания по поводу когнитивных сущностей [3].

В наиболее широком понимании дискурс — это социальный текст, продукт взаимодействия индивидов, групп и обществ [4]. С точки зрения дискурс-анализа, этот термин, согласно П. Серио, может обозначать: «...любое конкретное высказывание; высказывание в глобальном смысле — последовательность единичных фраз; воздействие высказывания на получателя; беседу; систему ограничений, которые накладываются на совокупность высказываний в силу определенной социальной или идеологической позиции. Смысл в рамках дискурса существует только в тесной связи с историей» (цит. по: [5, с. 70]).

В судебно-психологической экспертизе историчность можно рассматривать как понимание материалов дела в целом. При этом дискурсивный анализ способен помочь определить противоречия между показаниями подэкспертного, зафиксированными на аудиовидеозаписи, и информацией, содержащейся в материалах дела, а также выявить явные и скрытые смыслы содержания показаний подэкспертного.

В связи с этим наиболее близкими к контексту судебно-психологической экспертизы представляются определения дискурсивного анализа, данные М. С. Андриановым (исследование способов формирования и изменения личности человека, его мыслей и эмоций в процессе социального взаимодействия) [6] и Н. Д. Павловой (речь в условиях живого общения, в неразрывной связанности с ситуацией и социокультурным контекстом, представлениями, отношениями, установками взаимодействующих субъектов) [7].

Таким образом, дискурсивный анализ в судебно-психологической экспертизе можно рассматривать как частный случай анализа продуктов речевого общения или речевой деятельности в определенных коммуникативных условиях.

С учетом целей и задач судебно-психологической экспертизы можно определить дискурсивный анализ следующим образом: это *анализ продуктов речевой деятельности подэкспертного на предмет выявления явных и скрытых смыслов ее содержания в сочетании неразрывного единства его социального взаимодействия с другими взаимодействующими субъектами в рамках уголовного, административного, гражданского или арбитражного дела.*

Таким образом, в судебно-психологической экспертизе дискурсивный анализ может быть использован: как средство изучения показаний подэкспертного в сопоставлении со всеми представленными материалами дела, позволяющий получить внутренне согласованное и целостное представление об обстоятельствах дела, не ограниченное рамками аудио- или видеоматериалов; как социальный продукт взаимодействия подэкспертного с индивидами, группой и обществом; как инструмент фиксации невербальных компонентов показаний в дополнение к стенограмме, составленной по аудиовидеозаписи (дословному содержанию); как одна из составляющих психологического анализа материалов уголовного, административного, гражданского или арбитражного дела; как способ выявления противоречий между показаниями подэкспертного, зафиксированными на аудиовидеозаписи, и информацией, содержащейся в материалах дела, и определения в этом случае психологических признаков недостоверности показаний.

Литература

1. **Романов А. А.** К соотношению понятий дискурс vs текст в гуманитарной парадигме: обзор, оценка и размышления // Мир лингвистики и коммуникации = World of Linguistics and Communication: Электронный научный журнал. 2005. № 1 (1). URL: http://tverlingua.ru/archive/001/01_6-001.htm (дата обращения: 25.03.2015).
2. **Кибрик А. А.** Анализ дискурса в когнитивной перспективе: Дисс. в виде науч. доклада ... д-ра филол. наук. М., 2003. 90 с.
3. **Касавин И. Т.** Дискурс-анализ и его применение в психологии // Вопросы психологии. 2007. № 6. С. 97—119.
4. **Кадырова Р. Г.** Теория нарратива и нарративный анализ в психологии // Вектор науки ТГУ. 2012. № 2 (9). С. 126—127.
5. **Троцук И. В.** Теория и практика нарративного анализа в социологии. Монография. М.: Уникум-центр, 2006. 207 с.
6. **Андрианов М. С.** Невербальная коммуникация: психология и право. М.: Ин-т общегуманитарных исследований, 2007. 251 с.
7. **Павлова Н. Д.** Механизмы и средства оказания субъектом дискурсивного воздействия // Психологическое воздействие: механизмы, стратегии, возможности противодействия / Под ред. А. Л. Журавлева, Н. Д. Павловой. М.: Ин-т психологии РАН, 2012. С. 53—73. (Труды Института психологии РАН).

Хаидов Сергей Курбанович — кандидат психологических наук, доцент кафедры специальной психологии Тульского государственного педагогического университета им. Л. Н. Толстого (ТГПУ им. Л. Н. Толстого). E-mail: tgpu@tula.net

Перлюстрация как метод борьбы политической полиции с революционным движением во второй половине XIX в.

И. М. Горбачева

Национальный исследовательский университет «МИЭТ»

Рассматривается создание «военно-полицейско-бюрократической системы» в целях противостояния революционному движению в Российской империи во второй половине XIX в. Отмечается ведущая роль Департамента полиции и охранных отделений в борьбе с террором. Перлюстрация (тайное ознакомление с письмами без ведома корреспондентов и адресатов) анализируется с точки зрения ее эффективности (как метод наблюдения за революционерами и борьбы с ними путем получения информации о революционном подполье) и законности.

Ключевые слова: политическая полиция; революционный террор; революционное подполье; перлюстрация.

На переднем фланге борьбы с террором в России период с конца XIX в. и вплоть до 1917 г. стояли Департамент полиции и охранные отделения. Широта, массовость и натиск революционного движения непосредственно влияли на организационную структуру, методы, формы, приемы и средства работы карательно-разыскного аппарата. Полиция проводила политический сыск и стремилась следить не только за действиями, но и за мыслями всех жителей России. С этой целью создавалась «военно-полицейско-бюрократическая система».

В условиях усиления террористической деятельности революционных организаций полицейский аппарат совершенствовался путем преобразования органов, расширения штатов, увеличения полномочий, а также разработки новых методов борьбы с революционерами.

При императоре Александре III Министерству внутренних дел в интересах охраны порядка и безопасности в Империи было разрешено пользоваться перлюстрацией. Перлюстрация, т. е. секретное ознакомление с письмами без ведома корреспондентов и адресатов, была одним из вспомогательных средств сбора информации. Еще в 1840 г. граф А. Х. Бенкендорф писал: «Перлюстрация — это есть одно из главнейших средств к открытию истины, представляя, таким образом, способ к пресечению зла в самом его начале; она служит также указателем мнений и образа мыслей публики о современных происшествиях и о разных правительственных мерах и распоряжениях» (цит. по: [1, с. 126]).

Вскрытие частной корреспонденции являлось нарушением правил Всемирного почтового союза, и лица, виновные в подобном преступлении, во всех входивших в него странах подвергались тяжким наказаниям. Несмотря на это, тайное вскрытие и копирование частной корреспонденции оставалось важным методом

противодействия террористическим организациям, так как давало возможность получать информацию о революционном подполье, помогало выявлять связи революционеров-террористов, их местонахождение и роль в партийной организации. Правительство никогда не узаконивало перлюстрацию, а М. П. Севастьянов, начальник Главного управления почт и телеграфов, в начале XX в. в ответ на речь депутата А. И. Шингарёва с трибуны Государственной Думы заявил, что существование «черных кабинетов — миф и сознательная ложь» [4, с. 119]. Об этих кабинетах знали считанные лица даже в органах политического сыска, их деятельность была строгой засекречена. Они не упоминались ни в каких законах Российской империи. Вход в черный кабинет на Главном почтамте Санкт-Петербурга был замаскирован: обслуживавшие его чиновники проходили на свои рабочие места через шкаф. В каждом таком учреждении состояло на службе несколько человек, знавших до восьми иностранных языков. С 1880-х гг. и вплоть до падения самодержавия в России при смене каждого министра внутренних дел в здании министерства появлялся пожилой посетитель в потертом мундире. Он записывался на прием к новому министру и, оказавшись в его кабинете, с загадочным видом молча протягивал конверт. Распечатав его, министр обнаруживал указ Александра II, дававший право старшему цензору М. Г. Мардарьеву руководить делом перлюстрации писем на петербургском почтамте. Иногда даже министр внутренних дел только из этого указа впервые узнавал о существовании в России «секретных отделений цензуры» [2, с. 83].

Нередко чиновники использовали перлюстрацию и для получения компрометирующих материалов на своих сослуживцев. Уходя в отставку, каждый министр внутренних дел старался уничтожить доказательства слежки за коллегами и подчиненными. Сразу после убийства В. К. Плеве директор Департамента полиции А. А. Лопухин, войдя в его кабинет, обнаружил пакет собственных писем.

Если до воцарения Александра III перлюстрация проводилась выборочно, то в его правление она была расширена и систематизирована, так как император хотел иметь информацию не только о революционерах, но и о суде, должностных лицах, а также аристократах (желая знать, что скрыто за их показной лестью и внешним повиновением). Сначала перлюстрировали письма только тех, о ком поступали специальные предписания из Департамента полиции, но затем малое количество материала стало причиной досмотра всех без исключения писем из-за границы и подозрительной внутренней корреспонденции. Почтовые отправления на имя лица, уже привлеченного к следствию, задерживались и прочитывались официально.

Сотрудники, работавшие в черном кабинете годами, становились отличными графологами, способными определить облик человека по манере его письма, а примерное содержание послания — по виду конверта или почерку. Многолетняя практика вырабатывала у них навык, доходивший до чутья: основываясь на неявных внешних признаках пакета, они обнаруживали большое количество писем, в которых оказывались и шифры, и химический текст, и условные обозначения — черта под именем, необычная пометка на конверте, какая-либо точка или крестик, адрес «для» и т. п. [5, с. 42]. Из общей массы просматриваемых писем нередко извлекались ценные данные, что послужило поводом для масштабного развертывания перлюстрации. С писем с подозрительным или нелегальным содержанием снимали три копии: одна оставалась при цензуре, вторая направлялась высшему административному лицу, третья — обязательно в Департамент полиции; подлинник отсылали по назначению [4, с. 121]. Письмо явно предосудительного содержания, заключавшее

в себе материал для возбуждения дела против адресата или отправителя, доставляли в подлиннике местным жандармам, и те в большинстве случаев арестовывали вместе с письмом и самого адресата.

Техника вскрытия требовала определенных навыков: письма сначала просматривали со всех сторон и разъединяли менее всего склеенные края. Вынуть письмо можно было и не распечатывая: достаточно было маленьких щелей в углах конверта, куда продевались тонкие стальные щипцы, захватывавшие письмо и медленно сворачивавшие его в трубку. Это позволяло легко извлечь его из конверта, а затем таким же способом вложить обратно. Большинство писем вскрывали при помощи пара. Применялось много других приемов, зависевших исключительно от способностей чиновника. Бывший цензор С. Майский вспоминал: «Письма, перлюстрированные в России, как бы они хитро заделаны ни были, не сохраняют на себе ни малейшего следа вскрытия, даже для самого пытливого глаза, даже самый опытный глаз перлюстратора зачастую не мог уловить, что письмо было уже однажды вскрытым. Никакие ухищрения, как царапины печати, заделка в сургуч волоса, нитки, бумажки и т. п., не гарантировали письма от вскрытия и абсолютно неузнаваемой подделки. Весь вопрос сводился только к тому, что на перлюстрацию такого письма требовалось несколько больше времени. Много возни бывало только с письмами, прошитыми на швейной машинке, но и это не спасало, а только еще больше заставляло обращать на такие письма внимание в предположении, что они должны содержать весьма ценные данные, раз на их заделку потрачено много времени и стараний» (цит. по: [3, с. 105]).

С целью написать невидимое письмо авторы пользовались лимонным соком или молоком. Для того чтобы прочитать его, перлюстраторам достаточно было его нагреть или смазать 1,5-процентным раствором хлористой жидкости. Иногда применялись химические чернила, тогда агентам приходилось проявлять текст при помощи особых реактивов. Вернуть в прежнее состояние такое письмо было уже нельзя, и после прочтения адресату отправляли подделку.

На просмотренной корреспонденции ставился специальный значок — «муха», во избежание вторичного вскрытия писем на другом пункте. Жандармы никогда не предъявляли полученные в результате перлюстрации материалы в качестве доказательства в суде, называя их агентурными данными.

Тот, кто не хотел делать свою переписку достоянием полиции, шел на любые хитрости в попытках обмануть перлюстраторов. Так, граф Н. П. Игнатьев, будучи послом в Турции, вкладывал свои послания в простые (не заказные) грошовые конверты, хранившиеся некоторое время перед отправкой рядом с селедкой и мылом, и заставлял своего лакея указывать вместо министра иностранных дел (кому они предназначались) имя его дворника или истопника, по частному адресу.

С целью обезопасить свои письма от посторонних глаз сами агенты тайной полиции посылали их заказными, в двух конвертах с сургучной печатью, причем на месте печати делали прорез, чтобы сургуч при запечатывании проник до внутреннего конверта и приклеил его к наружному. Письма рекомендовалось сдавать на вокзалах или опускать в почтовые ящики поездов.

Были случаи ареста детей 12—14 лет или стариков из-за того, что их именами и адресами пользовались подпольщики, иногда без их ведома: так как жандармам не удавалось установить действительного получателя, они задерживали фиктивных адресатов.

Еще один способ, использовавшийся революционерами, — шифрование писем. Самым лучшим шифром, почти не поддающимся декодированию, служили произвольная страница малоизвестной книги или фрагменты произведений известных писателей (Н. А. Некрасова, А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова и др.). Генерал-майор Отдельного корпуса жандармов П. П. Заварзин в своих воспоминаниях так описывал эти приемы: «Для шифровальной переписки по книге необходимо было иметь и автору письма, и адресату одно и то же издание. Обыкновенно берут пространное сочинение, которое можно приобрести в каждом городе и даже на железнодорожной станции. В шифре обозначается сначала страница, затем идут дроби, в которых числитель указывает строчку и знаменатель букву. Так: 75, 3/5, 9/7 и т. д. будет означать: 75-я страница, 3-я строчка, 5-я буква, 9-я строчка, 7-я буква и т. д.» [5, с. 42]. После выхода в 1902 г. в Женеве нелегальной брошюры «О шифрах» многие революционеры стали пользоваться ею, чем сильно облегчили работу сотрудникам полиции. Расшифровкой конспиративной переписки занимался делопроизводитель Департамента полиции И. А. Зыбин, выдающийся русский криптолог. Он считался единственным в своем роде специалистом в этой области и даже читал лекции о шифровке и дешифровке на шестинедельных курсах для офицеров, поступавших в Отдельный корпус жандармов. У него были ключи шифров некоторых революционных организаций, полученные с помощью провокаторов. Он учил, что важно уловить систему ключа: это позволит без труда подобрать соответствующие значения букв и цифр [4, с. 124].

В ведении Особого отдела Департамента полиции находилась обширная библиотека печатных и рукописных нелегальных изданий политических партий и кружков — книг, газет, прокламаций, листовок и т. д., в большинстве своем попадавших в руки жандармов при обысках и арестах. В 1908 г. Департамент полиции специальным циркуляром обязал все жандармские управления и охранные отделения присылать изъятые при обысках «противоправительственные издания» для всестороннего ознакомления с деятельностью враждебных русскому государству элементов.

В целях отслеживания антиправительственного смысла в литературных произведениях использовалась цензура. Через нее проходил весь печатный материал, который цензоры скрупулезно проверяли на предмет намеков, злободневных тем или крамольных мыслей. При малейшем сомнении в лояльности автора они выдвигали самые неожиданные возражения против представлявшихся книг и статей. Тайная полиция охотно принимала в число своих агентов писателей, поручая им не только следить за общественным настроением различных кругов, но и писать на заказ патриотические статьи, «правильно» освещать политические события в периодической печати.

Иногда романтически настроенные молодые люди в поисках приключений провоцировали полицию. Например, однажды московскому обер-полицмейстеру поступил следующий доклад директора Генерального штаба: «Департамент полиции просит... о выяснении личности автора и круга его знакомых...». К документу прилагалась копия письма с подписью: «брат Николай», М, от 21 окт. 1893 г. к учительнице Земской Народной школы Елене Григорьевне Смирновой, село Никитское, в Бронницы: «Спешу ответить на ваше письмо, которым я вполне доволен, хотя отчасти и думаю кое-что... Вы пишете, что за тайна скрывается в моем письме? Это я могу сказать при личном только свидании! Секрет величайший, который я могу поверить только под условием клятвы. Да, трудно узнать это! Мне не верится, что мои письма так долго ходят. Уж не козни ли какие скрываются здесь опять? Смотрите!

У нас в Семинарии, можно сказать, бунт! Восстание поголовное против Ректора; просто беда, что делается! Кланяется Чесноков и извиняется, что не может сказать о Добровольском. Кланяется также П. П. Тихомиров!!!! Как поживает Константинович? А. А.! Е. Г!

Т. и. м. н. с В-и п...76. Да! Э. п. исслед. Сн. в т. а по 7. уже и ух. Пс. А 70 см. и СА-и вед я. Е. но-6 е. э-у к-у Л-е сознайтесь, а то беда будет!»

Естественно, перехватив такое письмо, полиция тщательно проверила всех упомянутых личностей, а также адресата. В результате выяснилось: «Обо всех вышеупомянутых лицах сведений, указывающих на их политическую неблагонадежность, до сего времени не поступало и в сношениях с лицами вредного направления они замечены не были... “бунта” в Московской Духовной Семинарии... не было и всё письмо к Смирновой носит характер напускной конспиративности, характеризуя автора его как юношу сильно фантазирующего и несерьезного. Полк. Трепов» [6, л. 116].

Итак, перлюстрация была эффективным способом получения ценной информации о революционном подполье. Как метод наблюдения и борьбы с революционерами она оказалась довольно действенной — всем изобретаемым подпольщиками приемам перлюстраторы противопоставляли четко слаженную и организованную работу, — однако оставалась незаконной.

Относиться к сыску можно различно, но отрицать его необходимости нельзя, вследствие чего он практикуется во всех без исключения государствах Старого и Нового света до сих пор. Техника его везде одинакова, но чем демократичнее конституция страны, тем уже сфера розыскной деятельности.

Литература и источники

Литература

1. *Галвазин С. Н.* Охранные структуры Российской империи: формирование аппарата, анализ оперативной практики. М.: Совершенно секретно, 2001. 192 с.
2. *Ерошкин Н. П.* Самодержавие накануне краха. М.: Просвещение, 1975. 160 с.: ил.
3. *Лурье Ф. М.* Политический сыск в России. 1649—1917. М.: Центрполиграф, 2006. 400 с.

Источники

4. *Бакай М. Е.* Из воспоминаний // Былое. 1908. № 7. С. 119.
5. *Заварзин П. П.* Работа тайной полиции. Париж, 1924. 170 с.
6. ГАРФ. Ф. 63. Оп. 13. Ед. хр. 427—428. Л. 116.

Горбачева Ирина Михайловна — кандидат исторических наук, доцент кафедры философии и социологии (ФиС) МИЭТ. E-mail: irina_gorbacheva@bk.ru

Философские аспекты использования сетевых технологий

О. В. Джиган

Национальный исследовательский университет «МИЭТ»

Рассматриваются философские аспекты применения сетевых технологий, проводится рефлексия возникающих в связи с ним рисков. Автор исследует влияние таких понятий, как социальные сети, Интернет, виртуальная реальность, на формирование личности и межличностное общение в современном сетевом обществе. Подробно описывается влияние глобальной сети Интернет на материальную и духовную культуру человека. На примере феномена «умных толп» и формирования «цифрового человека» показывается возрастающая виртуализация социальных отношений и сознания людей, что приводит к возникновению ряда вопросов глобального характера, требующих философского осмысления.

Ключевые слова: сетевое общество; Интернет; социальные сети; межличностное общение; виртуальная реальность; риски.

Сегодня, ввиду быстрого развития и обновления информационных технологий, человек более не способен мыслить свое существование без них. Развитая система коммуникаций, несомненно, во многом облегчает жизнедеятельность людей. Согласно мнению Л. А. Микешиной, «многие задачи познания переосмыслены теперь как задачи вычисления, подключения к банкам данных, что придало мышлению объемность и масштабность, резко увеличило познавательный потенциал» [1, с. 360]. Невозможно представить современное общество без пронизывающих его незримых сетей глобального характера. К ним относятся зоны покрытия телекоммуникационных систем сотовой связи и Интернета, торговые сети, нефте- и газотранспортные системы, а также современные социальные сети.

Мануэль Кастельс определил современное общество как сетевое. Разработанная М. Кастельсом концепция сетевого общества и связанного с ним информационного [2] актуальна в современном мире, поскольку процесс изменения сознания и бытия людей, а также коммуникативного пространства под влиянием сетевых технологий на сегодняшний день уже невозможно обратить вспять. Сетевое общество существует в пространстве глобального мира, что характеризует его как глобальное, информационно-сетевое. Профессор А. В. Назарчук отмечает: «Реальная комплексность и морфология сетей обнаруживается не в локальном пространстве, где берут начало элементарные ячейки сети, а в глобальном мире. Именно глобальная развертка превращает элементарные конструкции в сложносоставные сети. Глобальную размерность дает сетям новый коммуникативный эффект, которого нельзя было достичь в прежнюю эпоху» [3, с. 74].

В современном обществе происходит трансформация социальности. В силу возникновения новых возможностей коммуникации общество приобретает сетевой индивидуализм (термин М. Кастельса). Это способствует формированию новой среды жизнетворчества, меняющей понятия пространства и времени. Сеть дает возможность осуществлять и структурировать социальные влияния в пространстве общества, тем самым образуя «социальное поле» [4], которое, согласно П. Бурдьё, является средой, способствующей группированию и перегруппированию социальных

классов, а также формированию и переформированию социальных институтов. «Социальные поля-сети пронизывают друг друга и разнонаправленно охватывают социальную реальность» [3, с. 67].

Сетью называется система, посредством которой формируется процесс коммуникации. Основой любой сети является коммуникация между индивидами. За последние несколько десятилетий людям пришлось пережить психологическую трансформацию сознания. Жизнь обычного человека отныне окутана сетью контактов, в любое время суток он связан с мобильным телефоном. Социальные связи трансформируются, становятся обезличенными и операционализированными. Обусловленные мобильностью быстрое возникновение и одновременное столь же быстрое завершение контактов характеризуются как скоротечное явление (прекрасный пример тому — электронная почта и СМС-сообщения). Человеку, желающему стать частью сетевого общества, необходимо определять свое место в бесконечном потоке сообщений и выстраивать коммуникативную деятельность. Мобильность и образованность индивида помогает ему решать многие разнонаправленные задачи и перерабатывать большее количество информации, что в свою очередь требует затраты огромных физических усилий и приводит к серьезным психологическим перегрузкам.

В русле сетевой парадигмы находятся такие основные сферы общества, как культура, досуг, производство и финансы. Однако эффекты, оказанные сетями, в разных областях проявляются по-разному. Существенные и очевидные изменения под воздействием сетевых технологий происходят на финансовых рынках, рынках труда, в корпорациях и массмедиа.

Развитие сетевых коммуникаций носит двойственный (и положительный, и отрицательный) характер. Коммуникативные возможности сетевых технологий представлены в качестве средства обмена ценностными, плановыми, договорными и стратегическими установками. В связи с этим необходимо оценивать возможные последствия использования этих технологий.

Концепция ризомы, выдвинутая французскими постмодернистами, представляет собой своеобразное философское представление организации сети [5]. Термин «ризома» заимствован из ботаники, где обозначает строение корневой системы без центрального стержневого корня, на месте которого хаотически переплетается множество корешков. Таким образом, социальным прототипом ризомы можно назвать связи, лишённые централизации, упорядоченности и симметрии: поскольку можно соединить каждую точку системы с любой другой, она не иерархична. Так образуется целая «корневая система» связей, и сеть можно разорвать в любом месте без вреда для нее в целом. Примером такой ризомы является ядро сетевого общества — глобальная сеть Интернет.

По мнению В. И. Аршинова с соавторами, «...одно из определений сети Интернет... можно дать через постулирование глобальной компьютерной сети как синергетической связи коммуникаций, сопряженной с актами познания и создания механизмов когерентности личности смыслообразующих систем» [6, с. 102]. Ключевым словом в определении сетевых исследований является синергетическая связь коммуникаций, посредством которой создается и формируется сеть. Понимание социальности определяется в терминах теории сетей. Социальный контакт — это бинарная коммуникация передающей и принимающей сторон.

В наши дни Интернет — это ключевой механизм, формирующий сети. По словам Е. И. Ярославцевой, он выделился как уникальная, имеющая особую значимость, продуктивная зона общения и является единым глобальным пространством коммуникации и общения [7, с. 89]. Интернет — это «сеть сетей», отражение не только образа жизни, но также мыслей современного индивида в различных профессиональных

сферах: культурной, научной, деловой и художественной. Он входит составной частью не только в материальную, но и в духовную культуру человека. Сетевые бизнес-проекты, такие как Google, eBay, Yahoo, электронные биржи, проводимые в режиме онлайн конференции, объединяющие миллиарды людей с разными интересами, являются примерами многообразных сетей, сформированных благодаря Интернету. Но не стоит забывать, что это всего лишь беспроводная или кабельная компьютерная сеть, аналогичная сетям телефонной связи, дорог, а также воздушных сообщений. Образующиеся в его пространстве интернет-сообщества — не сам Интернет, а группы людей, объединенных общими интересами и использующих его.

Именно Интернет стал родоначальником сетей нового типа — социальных, сделавших устойчивыми такие человеческие контакты, как форумы, блоги, интернет-конференции и т. д. Социальные сети популярны, поскольку способны удовлетворить потребности пользователей. Интернет, являясь элементом материальной и духовной культуры, вместе с такими сферами жизнедеятельности, как искусство, наука, образование, традиции, нравственность, право, политика и техника, способен влиять на познавательные личностные характеристики человека. Посредством познания в виртуальной среде личность приобретает такие свойства, как активность и целенаправленность. Благодаря Интернету, становится возможным осмысление мотивации к собственной деятельности, а также характеристики идеального Я субъекта. Таким образом, человек приобретает осознание граней своей личности и навыки управления ею. В киберсообществе формируется собственный язык, набор ценностей и этических норм, предпочтений, стандартов и символов. Но реальное общение невозможно заменить его виртуальным аналогом: последнее — лишь альтернатива одиночеству. Виртуальный мир, создаваемый социальными сетями, становится причиной утраты индивидом связи с реальным миром, ведет его к эгоцентризму. Человек всё больше концентрируется на себе и своих мыслях. Растворяясь в глобальном сетевом пространстве, многие утрачивают способность отвечать за свои действия и слова.

Изменяется идентификация человека в виртуальном мире и его пространственные представления о физических границах общения, так как он присутствует и осознает себя одновременно в виртуальном и реальном мире. Такое человеческое существование во многом имеет конструктивную основу: выстраивается образ партнера по коммуникации, а также нормы взаимодействия в виртуальной реальности. Тем самым обостряется необходимость конструирования социальных отношений, а также собственной идентичности индивида, поскольку возникает риск утраты социальных ориентиров.

Как утверждает Д. Д. Калимуллин: «...повсеместное распространение Интернета и закреплённость в культуре повседневности деформируют духовный иммунитет личности» [8, с.205]. В условиях современной информационной войны и конфликтной обстановки в мире такие духовные основы общества, как согласие, мир и добродетель, утрачивают силу вследствие навязывания обществу противоречащих морали ценностей посредством Интернета и телевидения. Опасность в новом хрупком мире, пронизанном сетями, имеет свойство быстро и беспрепятственно распространяться. «Человеческий вид столкнулся с новым очень активным вирусом, носящим не генетическую, а меметическую природу... Поэтому ответом на информационные вирусы должен стать дальнейший прогресс нашей культуры, формирование Homo digitus, цифрового человека» [9]. Человек в прямом смысле слова оказывается «в сети» — информационной ловушке, выбраться из которой довольно непросто. По этой причине сетевое общество выступает основным риском для самого себя, предоставляя равные возможности создания контента и обеспечивая равную доступность продуктов всемирной паутины. Такая открытость дает новые

возможности общественного развития, однако важно понимать, что сетевое глобальное общество также является и массовым. Именно на массы, «блуждающие в сети», в первую очередь влияют современные средства коммуникации, с помощью которых можно задать любые ориентиры. Описывая логику сетей, немецкий философ Н. Больц заключает следующее: «Развитие сетевого общества столь стремительно, что сегодня почти каждый, кто бродит по Интернету, — новичок. Никто не знает, куда ведет дорога... Поэтому есть только пробы и ошибки. Сети вдруг стали столь сложными, что их уже невозможно описать. Их легче использовать, чем объяснить» [10, с. 103].

Таким образом, происходит переоценка моральных установок в обществе. Получение широкого доступа к информации, с одной стороны, и засорение человеческого сознания, с другой, приводят к затруднениям в отделении первичного от вторичного. Утрачивается первостепенная роль межличностных отношений, поскольку только посредством прямого и тесного контакта можно достичь общности в разговоре, а также раскрыть бытийные характеристики и эмоциональное влияние одного человека на другого. В этом проявляется истинная значимость человеческого общения. Огромной ценностью совместного бытия людей в обществе представляется искренний, основанный на доверии диалог. Откровенный разговор, приводящий к духовному консенсусу, является, согласно герменевтике, базой человеческого существования. Однако ввиду того, что виртуальное общение при помощи сети Интернет заменяет личное, в современном мире довольно трудно быть услышанным и понятым. Развитие коммуникации приводит к деструкции межличностного общения.

Ущерб, наносимый виртуальными технологиями живому общению, по мнению Ж. Бодрийера, создает фундамент для возникновения симулякров — имитации несуществующего. «Симулировать значит делать вид, что имеешь то, чего нет на самом деле» [11, с. 6]. Симулякры не имеют означаемого, однако они воспринимаемы и способны тем самым создавать гиперреальность, мнимую и нереальную картину бытия. Бодрийер заключает, что все современные социокультурные феномены носят симуляционный характер. Примером служат средства массовой коммуникации, создающие симулякр событий (т. е. псевдособытия, псевдоисторию) посредством предоставления «нереальной» информации, являющейся лишь данными с места событий, но не полученной вследствие живого опыта или непосредственного участия в них. Тем самым разрушаются традиционные нравственные категории, поскольку сознание человека трансформируется, меняется его отношение к действительности ввиду полной симуляции и в условиях сконструированного виртуального общения.

В процессе виртуальной коммуникации акт говорения заменяется написанием виртуального сообщения. Таким образом, коммуникатор освобождается от необходимости обдумывать свои высказывания, общение с компьютером упраздняет эту задачу. При виртуальном разговоре мыслительная деятельность не анализируется вследствие мимолетности контактов и минимальной ответственности за производимый смысл высказывания. В этом случае личность нравственно и интеллектуально обедняется, человек обезличивается, поскольку, приобщаясь к массовой культуре безграничного сплошного потребления информации, попадает в психологическую зависимость от сети. Отправленное по электронной почте сообщение служит средством установления коммуникации между людьми, что ведет к прямой зависимости взаимопонимания от правильности составления текста. Анализ простых и односложных фраз, создаваемых собеседниками в чате, показывает, что сознание в процессе такого общения работает примитивно, а эмоции порой скрыты за значками (смайликами и лайками), не всегда верно отражающими их суть.

В виртуальном мире восприятие и интерпретация контекстов становятся весьма сложными ввиду размытости смыслов излагаемого в процессе онлайн-общения. Возникает также проблема утраты собственной социальной роли, замкнутость в сетевом пространстве и путаница в отделении реального Я от виртуального. Виртуальное общение с помощью Интернета — это своеобразный способ уйти от реальности. Исследователи И. С. Болдонова и Н. С. Цыденова приходят к выводу: «Виртуальная реальность воспринимается как другая свобода, открытые способы самовыражения в нереальном мире Интернета. Но эта свобода не есть чистой воды свобода духа, так как это иллюзорная свобода, которую человек получает дозированно, т. е. в моменты, когда он выходит в виртуальное пространство» [12, с. 48].

Еще одним последствием использования сетевых технологий является феномен Smart Mobs («умные толпы»). Данный термин предложен Г. Рейнгольдом [13] для обозначения самостоятельно формирующейся и структурирующейся формы социальной организации, эффективно применяющей высокие технологии. По мнению Рейнгольда, «умные толпы» — это следствие глобального распространения и развития компьютерной коммуникации. Сегодня современные технологии позволяют создавать такие толпы мгновенно с привлечением огромного количества людей, различающихся по полу, возрасту, социальному статусу и увлечениям, но действующих согласованно и при этом не знающих друг друга. Однако данное направление носит весьма неоднозначный характер. Последствия возможного использования этого феномена правительством какой-либо страны ради собственной выгоды непредсказуемы.

Развитие современных сетевых технологий чревато утратой идентичности личности. Без должной самоидентификации и социализации человека в глобальном масштабе, осложняемой подвижностью виртуального пространства, анонимностью и созданием фальшивых субъектов общения, весьма вероятна гибель личности в сетевую эпоху. Ощущение духовной и душевной пустоты, возникающее в результате такого фиктивного общения, люди стараются заполнить путем создания еще большего количества виртуальных контактов. Однако бесконечно это продолжаться не может, поскольку интернет- и компьютерная зависимость порождает агрессию, разрушает духовный мир человека и его социальные отношения. В связи с этим в эпоху сетевого общества необходима философская рефлексия комплекса рассмотренных проблем.

Литература

1. *Микешина Л. А.* Философия науки. М.: Междунар. университет, 2006. 440 с.
2. *Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество и культура / Пер. с англ. под науч. ред. О. И. Шкаратана. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 606 с.
3. *Назарчук А. В.* Сетевое общество и его философское осмысление // Вопросы философии. 2008. № 7. С. 61—75.
4. *Бурдье П.* Социальное пространство: поля и практики: Пер. с фр. / Сост., общ. ред. пер. и послесл. Н. А. Шматко. СПб.: Алетейя, 2005. 576 с. (Gallicinium).
5. *Делёз Ж., Гваттари Ф.* Ризома // Философия эпохи постмодерна: Сб. переводов и рефератов. Минск: Красико-Принт, 1996. С. 7—31.
6. *Аршинов В. И., Данилов Ю. А., Тарасенко В. В.* Методология сетевого мышления: феномен самоорганизации // Онтология и эпистемология синергетики / Отв. ред. В. И. Аршинов, Л. П. Киященко. М.: ИФ РАН, 1997. С. 101—117.
7. *Ярославцева Е. И.* Интерактивный человек в пространстве современных межкультурных коммуникаций // Библиотечное дело — XXI век. 2008. № 1 (15). С. 89—94.
8. *Калимуллин Д. Д.* Интернет как элемент социокультурной динамики // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2014. № 1 (24). С. 205—214.
9. *Мартынов К.* Homo digitus // Фонд Общественное Мнение / ФОМ [Электронный ресурс]. 2011. 24 июня. URL: <http://fom.ru/science/10025> (дата обращения: 10.02.2015).

10. **Больц Н.** Азбука медиа / Пер. с нем. Л. Ионина, А. Черных. М.: Европа, 2011. 136 с.
11. **Бодрийяр Ж.** Симулякры и симуляция / Пер. с фр. О. А. Печенкиной. Тула: Тульский полиграфист, 2013. 204 с.
12. **Болдонова И. С., Цыденова Н. С.** Социально-философские проблемы виртуального общения // Вестник Бурятского государственного университета. 2014. Вып. 6 (1). С. 45—49.
13. **Rheingold H.** Smart Mobs: The Next Social Revolution. Reprint ed. Cambridge, MA: Basic Books, 2003. 288 p.

Джиган Ольга Викторовна — аспирантка кафедры философии и социологии (ФиС) МИЭТ.
E-mail: olga-djigan@rambler.ru

Формирование организационных и идеологических основ социал-демократического политического движения в России в начале XX в.

А. С. Епифанов

Московский государственный областной университет

Проводится историко-политологический анализ становления российского социал-демократического движения в преддверии первой русской революции и в революционных процессах 1905—1907 гг. Отмечены особенности российского общества начала века и противоречивый характер революции. Показано, что в ее начале революционное социал-демократическое движение было идеологически неоднородным и не в полной мере оформленным, однако революционные партии смогли повлиять на ее исход, а сама она стала условием их превращения в полноценных участников политических процессов России.

Ключевые слова: политическая партия; политическая организация; народничество; социал-демократия; революция; конституция; профсоюзы.

В начале XX в. для российского социал-демократического политического движения начался качественно новый этап развития: шел интенсивный процесс трансформации политической деятельности, ограниченной узкими интересами и целями отдельных кружков, в организацию нескольких радикальных революционных партий России. На первом этапе революционные кружки объединились в социал-демократические течения, такие как группа «Освобождение труда», «легальные марксисты», «экономисты», внесшие весомый вклад в идеологическое становление российской социал-демократии путем переосмысления значительной части учения К. Маркса и довольно плодотворных попыток применить марксистскую теорию к осмыслению реалий российской политики и экономики. Параллельно набирали силу национальные социал-демократические организации.

Постепенно идеология и методика кружковой работы народников уступили место социал-революционным идеям и методам, а понятие «народовольцы» сменилось термином «социалисты-революционеры», или «эсеры». Рождением партии эсеров можно считать создание Союза социалистов-революционеров в 1896 г. в Саратове. Руководство Союза незамедлительно принялось устанавливать организационные связи между кружками народников по всей территории России. В 1900 г. в Париже была создана также Аграрно-социалистическая лига, провозгласившая себя партией социалистов-революционеров, однако ставшая лишь региональным объединением революционных организаций под названием «Южная группа» (Северная группа действовала в центральной России). Сформировавшиеся лиги, союзы и группы были носителями разных тенденций в народничестве, а образование единой партии происходило путем слияния различных идейных течений и организационных форм. Этот процесс был долгим и сложным, но в результате из кружков и более крупных неонароднических организаций в 1901—1902 гг. сформировалась единая партия социалистов-революционеров (эсеров).

© Епифанов А. С.

Эсеры стали партией крестьянской демократии, стремившейся к торжеству социализма во всем мире. Согласно программе эсеров, принятой в 1905 г., эта политическая организация рассматривала себя как «один из отрядов армии международного социализма» [1, с. 98]. Программа содержала относительно расплывчатую стратегию: «Партия... ведет свою деятельность в духе общих интересов ее борьбы, в формах, соответствующих конкретным условиям русской действительности» [1, с. 98]. Вместе с тем идеологический стержень программы новой партии строился на скорректированной программе народников: в конце XIX в. все они, вне зависимости от политических взглядов и тактических предпочтений, отношения к террору и перспективам партийного строительства, вынуждены были признать обновление исторической ситуации в связи с утверждением капиталистических отношений в России. Как правило, распространение последних виделось эсерам следствием царской политики, однако эсеры XX в., культивируя, в отличие от своих предшественников-народников, надежду на сохранение устойчивости мелкого крестьянского хозяйства, тем не менее не могли отрицать победу капитализма и возникновение в России новой классовой структуры. Вместе с тем надвигающуюся революцию они рассматривали в своих статьях и программных документах как трудовую, а не буржуазную или социалистическую.

Большая часть специалистов полагает, что социалисты-революционеры были наиболее радикальной социалистической партией России. Их программа была относительно проста и базировалась на трех принципах: борьба с капитализмом, терроризм и социализация земли. Вместе с тем далеко не все члены эсеровских организаций были верны народовольческим традициям террора, рассматривая его как дополнительный, вынужденный инструмент влияния на самодержавие. Рупором новой партии стала газета «Революционная Россия», где в январе 1902 г. было опубликовано извещение о создании партии социалистов-революционеров (ПСР), а в 1904 г. — проект программы партии (автор — В. М. Чернов).

В программе партии социалистов-революционеров предусматривалось прохождение через два революционных этапа: социалистический и демократический. В первой части все требования основывались на экспроприации частной собственности и построении социальной и экономической жизни на демократических началах, во второй содержалась широкая программа демократических преобразований: требования всеобщего и равного избирательного права, свободы совести, собраний, слова и печати (в этой части требования эсеров весьма близки платформе социал-демократов).

Боевая организация (БО) эсеров была особой структурной единицей внутри партии: строго законспирированной и относительно самостоятельной организационной ячейкой. Она состояла в первую очередь из приверженцев отчаянной и непримиримой тактики политического террора — «казней» членов правительства, приговоренных БО к смерти. Для наиболее радикальных эсеров-террористов «это было не просто политической тактикой, но и некоторым духовным актом, почти религиозным ритуалом, в котором террорист, отнимая чужую жизнь, жертвует своей. Эсеровская литература содержит удивительно варварские восхваления “святого дела”, “творческого порыва” и “вершин человеческого духа”, достигаемых, как они утверждали, в их кровавом деле» [2, с. 53]. Несмотря на то, что в своих задачах и методах эсеры были близки социал-демократам, БО вызывала, по свидетельствам некоторых историков, своего рода ревность других течений российской социал-демократии: «Дерзкие террористические подвиги эсеров, часто кончавшиеся гибелью

террориста, снискали им восхищение в оппозиционных кругах, включая и те, что формально были против терроризма. А социал-демократы, отвергавшие такую тактику, несли чувствительные потери, когда, увлеченные образом “истинных революционеров”, их приверженцы переходили в чужой стан» [2, с. 54].

Организационное преобразование сопровождалось затяжным идеологическим кризисом народничества: его лидеры оказались перед дилеммой — сосредоточить силы на борьбе за улучшение экономического положения рабочих или объединиться для свержения самодержавия? Сторонники первой позиции («экономисты») полагали, что пролетариат России не готов к решительной революционной борьбе, и выступали за создание рабочей партии на широкой платформе легальных рабочих организаций. Им противостояли приверженцы радикальных политических действий, рассматривавшие программу «экономистов» как политическое самоубийство. Вместе с тем закономерным этапом развития социал-демократического движения в России стало образование в 1898 г. Российской социал-демократической рабочей партии (РСДРП). Формированию этой радикальной революционной организации способствовало объединение идеологов революции вокруг редакции газеты «Искра», опубликовавшей проекты программы РСДРП.

После предварительного обсуждения проект программы был представлен на II съезде РСДРП, состоявшемся летом 1903 г. в Лондоне и Брюсселе. Именно это время принято считать настоящим рождением социал-демократической партии России. Съезд утвердил программу, согласно которой, целями деятельности революционных организаций в соответствии с программой-минимум должны были стать свержение самодержавия и установление демократической республики, а с программой-максимум — установление диктатуры пролетариата и построение социализма. «В отличие от эсеров, которые делили общество на “эксплуататоров” и на “эксплуатируемых”, социал-демократы определяли классы по отношению к средствам производства и рассматривали рабочий класс (“пролетариат”) как единственный истинно революционный класс. Крестьянство, за исключением батраков, они считали классом “мелкобуржуазным”, а значит, реакционным. С другой стороны, буржуазия была для социал-демократов временным союзником в совместной борьбе против самодержавия. Капитализм, с их точки зрения, был неизбежен и прогрессивен. Терроризм социал-демократы отвергали на том основании, что он отвлекает от первоочередной задачи социалистов — организации рабочих, хотя плодами террора охотно пользовались» [2, с. 60].

Идеологический радикализм и непримиримость партийцев иллюстрирует следующий эпизод: «В процессе обсуждения общеполитической части программы партии... был поставлен вопрос: признавать ли за демократическими принципами абсолютную ценность, или же демократические принципы должны быть подчинены исключительно выгодам партии? Когда же из зала раздалась реплика: “И неприкосновенность личности?”, последовал ответ: “Да! И неприкосновенность личности!..”» [3, с. 303—304]. Как справедливо отмечают авторы двухтомного труда «Наше отечество», «этот малозаметный эпизод свидетельствовал о рано проявившейся тенденции к абсолютизации классового подхода к практически всем вопросам общественного развития» [3, с. 304], и там же: «О жестокой логике этого опаснейшего принципа, увы, ставшего нормой в годы сталинщины, тогдашние участники II съезда партии наверное и не подозревали» [3, с. 304].

Следует отметить, что в программе партии содержалась однозначная и прямолинейная трактовка социального прогресса, который понимался как движение общества к социалистическому строю. В тактическом отношении программа

социал-демократов была ориентирована на акцентуацию простого принципа: РСДРП будет сотрудничать с любым революционным или оппозиционным движением, стремящимся к свержению самодержавия. II съезд РСДРП стал вехой, зафиксировавшей рождение партии, которая до 1917 г. функционировала как единая политическая организация, хотя и была разделена внутри на меньшевистскую и большевистскую фракции.

Таким образом, к началу революции 1905—1907 гг. в России действовало несколько партийных организаций социал-демократической направленности, самыми мощными среди которых были РСДРП и ПСР. Важно, что, согласно некоторым данным, именно социал-демократические, а не либеральные идеи в относительно радикальном преломлении имели большую популярность в среде интеллигенции и студенчества — ударной силы первой русской революции: «...в отличие от Франции, в России уже перед революцией социалистические идеи не только были больше распространены, но и имели относительно мощный “носитель” — социалистические партии (РСДРП, ПСР... и др.). Конкурировавшие с ними идейно-политические силы, и прежде всего либералы, были слабее, партийно не оформлены и не имели парламентской трибуны... особенности российского общества (и в т. ч. социокультурный раскол, распространенность общинно-уравнительных стереотипов) и быстрый рост социальной напряженности создавали для социалистов лучшую “питательную” среду» [4, с. 83]. Действительно, либеральные ценности в России начала XX в. были значительно менее популярны, чем идеи социализма и демократии, отчасти и в связи с тем, что их носителем выступали дворянство и интеллигенция, а буржуазия, набиравшая экономическое могущество, в политическом отношении была слаба и неполновесна. Соответственно, социал-демократическая интеллигенция «замещала, компенсировала собой слабость российской буржуазии, ее политическую пассивность и относительную непопулярность в российском обществе, которое начало пробуждаться к политической жизни и предъявляло “спрос” на лидерство» [4, с. 82]. Эти причины обусловили и близость тактических приемов социал-демократов и эсеров, отмеченную П. П. Масловым: «...по существу деятельность местных групп партии социалистов-революционеров мало отличалась от деятельности социал-демократов. Организации той и другой партии состояли обыкновенно из небольшой группы интеллигентов, составлявших комитет, мало связанных с массами и смотревших на массу главным образом как на материал для политической агитации» (цит. по: [2, с. 91]). Здесь можно зафиксировать еще одно противоречие первой русской революции: с одной стороны, ее авангардом были либералы (причем либеральная партия кадетов включала в себя широкие круги русской интеллигенции, мелкое чиновничество, купечество), с другой — «настрой» и исход революции во многом определила деятельность социал-демократов.

Ход экономического и политического развития страны первых лет XX в. сделал революцию 1905 г. неотвратимой. На момент ее начала ни у одной из революционных партий России не было продуманного плана действий, концепции и стратегии политических действий, четкого понимания целей и задач, которые необходимо ставить перед собой, влияя на революционные события. Однако революционные партии молниеносно оказались в самом центре политических событий, что требовало внутрипартийного единства и в идеологии, и в практике политических действий. В частности, революция выявила несостоятельность теоретических догм идеологических концепций большевиков и меньшевиков в отрыве от политической

практики. Фракционные разногласия стали особенно ощутимым препятствием для рабочих-партийцев, во время подготовки и осуществления конкретных действий в полной мере ощущавших (если не понимавших) негативные последствия раскола.

Вместе с тем в ходе разворачивания революционных событий («революционном вихре») революционные партии и идеологии постепенно сблизились. Несмотря на сохранение идеологических разногласий, меньшевики и большевики обнаружили точку единения позиций по вопросу отношения к перспективам вооруженного восстания, что создало относительно прочный базис для сосуществования двух фракций в пространстве революции. Эсеры сдержанно оценивали возможности и перспективы революционной борьбы пролетариата и крестьянства, считая, что собственно политические цели в революции недостижимы, и рассматривая революционные процессы как дезорганизацию государства через достижение революционными силами целей экономического, даже имущественного характера: захват земли, предприятий, зданий и сооружений. Революция заставила эсеров переосмыслить и террор: миссию и задачи террористических организаций и методов в борьбе с самодержавием. При этом в организационном отношении демократы использовали террор в пропагандистских целях, а эсеры встраивали свои инициативы в организационные формы социал-демократов.

Революция стала площадкой для пропаганды революционных идей в широких массах рабочих, крестьянства и интеллигенции, причем в ходе революционной агитации изменялись некоторые компоненты социал-демократической и эсеровской идеологий. Революция создала благоприятную почву и для организационной аккумуляции революционных партий. Важнейшим пунктом разворачивания революционных процессов стало создание демократических органов общереволюционной борьбы — Советов рабочих депутатов, массовых беспартийных революционных организаций. Как писал Л. Д. Троцкий: «Совет Рабочих Депутатов возник как ответ на объективную, ходом событий рожденную, потребность в такой организации, которая была бы авторитетна, не имея традиций; сразу охватила бы рассеянные стотысячные массы, почти не имея организационных зацепок; которая объединяла бы революционные течения внутри пролетариата, была бы способна на инициативу и автоматически контролировала бы самое себя, и — главное — которую можно было бы в 24 часа вызвать из-под земли» [5, с. 179]. Несмотря на то, что на первых этапах деятельности Советов их революционный потенциал не был в полной мере оценен ни меньшевиками, ни большевиками, тем не менее они действительно являли собой принципиально новую форму канализирования и организации революционной энергии.

Важную роль в организации рабочего движения сыграли и профессиональные союзы России, которых по всей стране к концу революции (в 1907 г.) насчитывалось около 1200. С самого своего образования профсоюзы активно участвовали не только в борьбе за улучшение экономического положения рабочих и служащих, но и в революционных процессах, т. е. стали весомой политической силой и рассматривались всеми революционными партиями как важный ресурс борьбы с самодержавием.

Различные революционные партии по-разному строили свои отношения с ними. Так, меньшевики и эсеры придерживались взгляда на профсоюзы как политически нейтральные организации, полагая, что навязывание им любых политических

ориентиров и обязательств сделает их менее эффективными инструментами политической борьбы, тогда как большевики рассматривали профсоюзы как политический и идейный резерв борьбы за торжество социализма.

Крестьянство также влилось в революционные процессы, пытаясь создать революционные организации, которые действовали бы самостоятельно и не зависели в своих целях и формах участия в революционных процессах от иных социалистических партий. Уже в июле 1905 г. образовался Всероссийский крестьянский союз с собственной программой, предусматривавшей национализацию земли и последующую передачу ее крестьянам по трудовой норме. Он распался в 1907 г., однако годом ранее в Первую Государственную думу вошла Трудовая группа, по сути представлявшая в ней политическую и экономическую программу крестьянских революционных организаций.

По мере отступления революции, спада революционного накала организационный и идеологический остов революционного движения России становился все более четким. Острая идеологическая полемика, шедшая на всем протяжении революционных событий, стала базисом для протраивания основных революционных идеологических концепций. В ходе революционных процессов изыскивались новые формы организации народных масс. Необходимость концентрации и координации политических усилий стала стимулом для поиска и развития многообразных форм и методов взаимодействия и взаимовлияния революционных организаций, партий, союзов и движений.

Многократное и непредсказуемое изменение политической обстановки в стране способствовало концентрации усилий для нахождения новых стратегий и тактик политической борьбы. Первый опыт конституционализма также оказался успешным для левого блока: в Петербурге и других крупных городах он получал значительное количество голосов.

Таким образом, революция 1905—1907 гг., несмотря на свое поражение, стала бесценным политическим опытом и серьезным испытанием для революционных партий России, каждая из которых приняла боевое крещение, выдержала «испытание на прочность» и вышла из революционных процессов весомой политической силой, обладающей значительным опытом организации революционной борьбы, опробовавшей свои идеологические и тактические установки и в ходе революции, и в первых опытах парламентского представительства, определившей и скорректировавшей линию будущей политики.

Вторая русская революция февраля 1917 г., по оценкам историков, представляет собой еще более загадочный феномен, чем революция 1905—1907 гг., главным образом потому, что ни принятая долгое время в западной историографии концепция абсолютной стихийности, ни официальная советская концепция руководящей роли большевистской партии не объясняют в полной мере хода и содержания политических процессов. Так, руководитель Русского бюро ЦК и один из лидеров Февральской революции А. Шляпников признавался: «События возникли вне плановой предусмотрительности какого-либо центра... Ни по своему характеру, ни по классовым силам Февральская революция не была и не могла быть организованной и “вызванной” нашей партией... Я связывал приближающуюся революцию со стихией, делал все, чтобы подготовить пролетарские и прежде всего большевистские силы для возглавления этой стихии и придания ей организованности» [3, с. 432].

Действительно, ни одна из революционно-демократических партийных организаций: ни большевики, ни меньшевики, ни эсеры — не была в достаточной мере кадрово сильной, организационно и идеологически подготовленной для того,

чтобы организовать и возглавить свержение царизма в России и установление демократической республики. В самом Петрограде основное руководство революционными силами осуществляло Русское бюро ЦК, функционировал городской партийный комитет, которому подчинялись 16 районных организаций. В городе также действовала «Инициативная группа» меньшевиков, группы «внефракционных социалистов» и «Единство», а большинство эсеровских лидеров в то время находились в эмиграции или в ссылке. Эти политические организации и составили революционное «ядро» Февральской революции 1917 г.

Стачки в феврале 1917 г. начинались стихийно, их первопричиной был усугубившийся дефицит продовольствия в столице. Рабочие и присоединившиеся к ним разночинцы на первом этапе не были организованы и политически мотивированы. Лозунги «Мир, хлеб, свобода!» еще не были политически окрашены, поэтому и правительство, и революционные организации оценивали разворачивавшиеся революционные процессы как массовые беспорядки. Попытки властей подавить стачки вооруженным путем, расстрелами демонстрантов, ожесточили самих протестующих, однако дали революционным организациям возможность проявить политическую дальновидность: Русское бюро ЦК не только не призывало отвечать военным насилием, но, напротив, обращалось к солдатам с предложениями влиться в ряды демонстрантов. Фактически эта тактика и принесла революции победу: ее коренной перелом вызван тем, что гарнизонные солдаты гвардейских полков, расквартированных в Петрограде, стали переходить на сторону демонстрантов: «...произошел целый ряд событий, и по сей день поражающих своей внезапностью и размахом: мятеж Петроградского гарнизона, за сутки превративший половину войск в повстанцев, а к 1 марта охвативший всю 160-тысячную солдатскую массу» [2, гл. 8].

Исход Февральской революции решило именно восстание Петроградского гарнизона, стихийное, не организованное извне ни одной политической силой и никем не предсказанное. Но Центральный комитет РСДРП сумел адекватно отреагировать на него быстрыми и решительными действиями: в тот же день появился Манифест «Ко всем гражданам России», где не только декларировалась победа революции, но и формулировалась цель создания Временного революционного правительства, а кроме того, содержалось требование созвать Учредительное собрание. Таким образом, в то время как для лидеров других революционных организаций революционные события только начинали разворачиваться (в частности, воззвание меньшевиков объявляло революцию неполной), большевики смогли политически опередить и предвосхитить события и исход революции — и к началу всеобщего восстания рабочих и солдат в Петрограде уже праздновали ее победу.

Инициатива созыва Совета рабочих депутатов Петрограда (по аналогии с 1905 г.) была коллективной, ее нельзя приписывать исключительно большевикам. Более того, созданный Совет и Исполком Совета рабочих депутатов состояли преимущественно из меньшевиков и эсеров: эта расстановка сил в Совете отражала объективную картину степени популярности различных политических сил и их политических программ среди разных групп населения, активизировавшихся в ходе революции (рабочих, служащих, интеллигенции и др.).

Буржуазно-либеральная оппозиция в революционных событиях заняла двойственную позицию, решив примкнуть к революции уже через несколько дней после разворачивания основных событий и избрав тактику посредничества между революционерами и монархией. Образованный либералами «Временный комитет для восстановления порядка и для сношения с лицами и учреждениями» ежедневно

отсылал царю прошения о конституционных уступках с предупреждениями о возможности дальнейшего стихийного разворачивания революции вплоть до крушения монархии. Этому комитету под председательством М. В. Родзянко, настаивавшего на политическом, а не насильственном разрешении политического кризиса, удалось добиться значительной уступки и убедить царя сформировать правительство, ответственное перед Государственной Думой. Однако, «пока члены думского Временного комитета и высшие генералы вели переговоры, стремясь путем давления на царя вырвать у него желанное “ответственное министерство”, революционные события стремительно продвинулись вперед, “жертва”, которая, по расчетам думских лидеров, могла сбить революционное пламя, оказалась явно запоздалой. Радикализованные рабочие и солдаты Петрограда не хотели останавливаться на этом. Во Временном комитете <...> уже готовы были пожертвовать самим Николаем II ради спасения конституционной монархии и, главное, стабилизации положения» [3, с. 350]. В то время, когда лидеры Государственной Думы, генералитет и приближенные царя лоббировали его отречение от престола в пользу наследника, уже началось формирование Временного правительства.

Несмотря на то, что временный исполнительный орган власти был создан по инициативе Временного комитета Государственной Думы, т. е., по сути, буржуазно-либеральной оппозиции, реальная власть в Петрограде принадлежала революционному Исполкому Петроградского Совета. Меньшевистско-эсеровский Исполком, видя во Временном правительстве если не легальный, то более или менее легалистский орган власти, создающий переходную ступень между старым и новым политическим режимом, поддержал Временное правительство в составе 12 человек, 6 из которых принадлежали к партии кадетов, остальные были октябристами и представителями близких либеральным политическим группировкам. Только большевистская часть Исполнительного комитета продолжала требовать формирования не буржуазного, а революционного Временного правительства.

В результате достигнутого между Исполкомом Совета и Временным комитетом Государственной Думы соглашения в России начался период двоевластия, характеризовавшийся одновременной работой двух органов принятия решения, обладавших реальной властью: Временного правительства и Петроградского Совета. За каждым из них стояли мощные политические силы: Временное правительство представляло в первую очередь интересы буржуазии и интеллигенции, тогда как Петроградский Совет опирался на поддержку революционных рабочих, солдат и, в определенной степени, крестьян. Двойственное положение сохранилось и после того, как революцию можно было окончательно считать завершенной — после отречения царя Николая II от престола и отказа великого князя Михаила Александровича взойти на него до созыва Учредительного собрания (монархисты и либералы смогли убедить Михаила Романова, что есть надежда на решение этого собрания в пользу сохранения монархии в России).

Двоевластие уже весной 1914 г. обнажило кризис власти, выглядевший еще более острым на фоне усиления социальных противоречий и ухудшения материального положения всех революционных классов и слоев населения: рабочих, чиновников, интеллигенции, офицерства и т. д. Тяжелое положение на фронтах Первой мировой войны и рост национальных, сепаратистских движений в различных областях Российской империи также способствовали росту всеобщей тревоги и недовольства результатами революции. Наиболее решительно настроенные рабочие, крестьяне и солдаты ожидали интенсивной демократизации общества, выхода России

из войны, радикальной земельной реформы и кардинальных преобразований трудового законодательства. Социалистические партии, выражавшие их интересы, переживали внутренний раскол: большевики еще не решились объединиться с меньшевиками, тогда как реальной силой обладали стихийно создававшиеся на местах Советы рабочих и солдатских депутатов, стачкомы, профессиональные союзы, фронтовые и войсковые комитеты. Все эти обстоятельства способствовали не разрешению кризиса, а его усугублению на всех уровнях власти и обострению политической борьбы между основными политическими силами России.

Конъюнктура периода весенней политической зыбкости актуализировала политическую тактику левого крыла РСДРП — перехода революции от буржуазно-демократического к социалистическому этапу под руководством большевиков и при поддержке пролетариата и беднейшего крестьянства. *По большому счету, Февральская революция с самого начала не вписывалась в рамки классической буржуазно-демократической: ее идеологические рамки были изначально размыты, а классовый базис — намного шире, чем буржуазия и интеллигенция. Революционная энергия рабочих и солдатских масс нашла выход в государственном перевороте и смене государственного строя, однако полностью не конвертировалась в них. Весной 1917 г. рабочие и солдатские массы были не удовлетворены результатами революции и в достаточной мере мобилизованы для того, чтобы стать классовым базисом следующего политического рывка.*

Программа большевиков была артикулирована В. И. Лениным по его прибытии в Россию и вошла в политическую историю как *«Апрельские тезисы»*, суть которых в *отказе от старой программы большевиков и всех социал-демократических сил и декларировании идеи продолжения революции, перерастания ее в социалистическую с установлением диктатуры пролетариата и беднейшего крестьянства*. Политическим инструментом радикальных преобразований в направлении построения социализма Ленин назвал Советы.

Специалисты оценивают это заявление о переходе власти к Советам как тонкий политический ход: не призывая к свержению Временного правительства, Ленин предложил «обходной» путь — лишить его поддержки со стороны Советов. Эта тактика подразумевала также задачу получения большевиками перевеса голосов в самих Советах, поскольку те, будучи эсеровско-меньшевистскими, поддерживали Временное правительство, стремились стабилизировать политическую ситуацию в стране и резко отвергли большевистскую программу, опубликованную в «Апрельских тезисах». Последние не имели однозначной поддержки и в большевистской среде (Центральный комитет РСДРП(б) даже вынес по ним отрицательную резолюцию). Однако Апрельская конференция стала переломным моментом в революционной истории партии: большинство ее новых активных членов восторженно приняли перспективы радикальных социалистических изменений и одобрили курс на социалистическую революцию, что стало легитимным основанием выдвижения на лидерские позиции во фракции большевиков Ленина, Зиновьева и Троцкого [3, с. 348—349].

Рассматривая изменения в партийной тактике и стратегии большевиков, следует маркировать апрель 1917 г. как поворотную точку в истории РСДРП. Все политические процессы предшествующих революционных периодов начинались и развивались во многом стихийно, в частности, все организующие действия социал-демократов и большевиков по сути сводились к попыткам «оседлать» революционную энергию масс, «встроить» программные требования политических организаций

в задачи, реализуемые движущими силами революции в текущий момент. В апреле 1917 г. большевикам, напротив, удалось упростить программно-идеологическую составляющую деятельности своей партии в пользу конкретной тактико-организационной мобилизации с целью сконцентрировать усилия на «большевизации» революционных масс, добиться перевеса голосов в Советах и преобразовать революционный процесс в активную социалистическую фазу.

Литература

1. Программа партии социалистов-революционеров: утверждена съездом партии в декабре 1905 г. // От абсолютизма к демократии. Политическая жизнь капиталистической России (1861 — февраль 1917): Док. и мат-лы к семин. занятиям по отечественной истории / Сост.: О. Н. Богатырева, Н. Н. Попов. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 1991. С. 95—103.
2. **Пайнс Р.** Русская революция. Кн. 1: Агония старого режима, 1905—1917. М.: Захаров, 2005. 478 с.
3. Наше отечество (Опыт политической истории) / С. В. Кулешов, О. В. Волобуев, Е. И. Пивовар и др. Кн. 1. М.: ТЕРРА-TERRA, 1991. 390 с.
4. **Леонов С. В.** Российская революция 1905—1907 гг. в сравнительно-историческом контексте // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2012. Вып. 1 (44). С. 75—87.
5. **Троцкий Л. Д.** Сочинения. Т. II: Наша первая революция. Ч. 2. М.; Л.: Гос. изд-во, 1927. VIII, 447 с. (Историческое подготовление Октября; I).
6. **Леонов С. В.** Партийная система России (конец XIX в. — 1917 год) // Вопросы истории. 1999. № 11—12. С. 29—48.

Енифанов Андрей Сергеевич — аспирант Московского государственного областного университета (МГОУ). E-mail: aspirantura@mgou.ru

Цифровая демократия в Великобритании: теория и практика государственного управления и предоставления государственных услуг населению

А. А. Ефимов

Центр межрегионального бизнес-обучения (Москва)

Концепция электронного правительства и цифровой демократии в Великобритании рассматривается как продолжение и развитие менеджеристской системы государственного управления. Отмечается ее нацеленность на перестройку государственно-управленческой деятельности в русле трех основных тенденций: экономической — к маркетизации, управленческой — к дебюрократизации и политической — к ориентации на права и нужды гражданина. Анализируются факторы, определяющие эффективность электронного правительства Великобритании, в том числе ориентация на преобразование «ландшафта» государственной системы электронного правительства в соответствии с изменениями потребностей граждан и бизнеса.

Ключевые слова: электронное правительство; цифровая демократия; граждане; государство; гражданское общество; информатизация; государственное управление; государственные услуги; менеджеризм.

В Великобритании несколько десятилетий назад инициированы масштабные реформы, внедряющие государственно-менеджеристский подход к государственному управлению, взаимодействию государства с гражданами и бизнесом и оказанию всего спектра публичных услуг. Специалисты полагают, что поиск путей к повышению эффективности государственного управления начался в экономически развитых странах еще в первой половине XX в., поскольку императив экономической эффективности поставил многие государства перед необходимостью экономить основные ресурсы и изыскивать дополнительные для решения все более сложных и ресурсоемких управленческих задач [1]. Оформило зарождавшиеся идеи в новую концепцию государственного управления правительство Маргарет Тэтчер в 1970-х гг.

По мнению профессора Л. В. Сморгунова, «основной причиной модернизации государственного аппарата были бюджетный дефицит и растущее давление на государственные расходы комбинации факторов социального порядка, вызванных увеличением числа пенсионеров при катастрофическом снижении экономически активного населения, ростом безработицы и постоянным ростом потребительских ожиданий населения не только относительно общих стандартов жизни, но и относительно стандартов общественных услуг, оказываемых государством» [2, с. 58]. Действительно, в англосаксонских странах распространена идея, согласно которой, внедрение менеджизма — жизненная необходимость: откладывать решение накопившихся и продолжавших усугубляться проблем было уже политически недальновидно и управленчески опасно. В основе идеи государственного менеджизма лежит созревшее в команде Тэтчер понимание того, что государству как большой управленческой структуре будет полезно заимствовать некоторые особенности

© Ефимов А. А.

работы наиболее эффективных корпораций, в частности: ориентацию на клиента, предпочтение действия слову, предприимчивость, стимулирование служащих к повышению эффективности работы и др. Концепция «нового государственного менеджмента» (New Public Management) включала в себя следующие основные принципы, унаследованные и развитые в современной концепции электронного правительства:

- развитие государством конкуренции в сфере предоставления публичных услуг;
- нацеленность государства на расширение прав граждан, в первую очередь в сфере местного самоуправления;
- главный критерий качества и эффективности работы госучреждений и муниципальных служб — результат, оцениваемый гражданами, а не временные, организационные или бюджетные затраты;
- ориентация на цели (миссии), а не на бюрократические документы;
- настроенность на потребности гражданина как клиента и потребителя услуг, предоставляемых государством;
- децентрализация управления;
- снижение затрат при повышении доходов;
- укрепление рыночных механизмов при ослаблении бюрократических [3; 4].

Таким образом, концепция государственного менеджеризма была нацелена на реформирование государственного управления в контексте трех основных тенденций: к маркетингизации (в экономической плоскости), дебюрократизации (в управленческой) и ориентации на гражданина, его права и потребности (в политической). Ученые также отметили, что новый государственный менеджеризм стал своего рода новой идеологией, с собственными лозунгами, идеалами и фразеологией: «Новая фразеология... призвана пропагандировать новые идеи и бороться с неверием, порожденным неудачами в ходе прежних попыток реформирования управления. Повидимому, новая фразеология — это составная часть реформ; а какой конкретный смысл в нее вложить — это уже дело практиков» (цит. по: [5]).

Государственный менеджеризм в Великобритании и сходная концепция, внедрявшаяся в США, не сразу дали положительные результаты. Правительству Тэтчер пришлось столкнуться и с сопротивлением политических соперников, и с не всегда конструктивной критикой их решений, и даже с саботажем. Однако именно новая менеджеристская идеология, во-первых, подвергла самой жесткой переоценке все «традиционные» и, казалось бы, незыблемые представления о содержании и формах взаимоотношений государства и общества, а во-вторых, научила общество и само государство критически относиться к принципам иерархии, разделения внутренних и внешних функций, поэтому уже в 1980-е гг. сторонники принципов менеджеризма яснее, чем многие, осознали, что в постоянно меняющемся обществе эффективность государства связана не столько с количеством ресурсов, конвертируемых им во власть, сколько со способностью создать такую систему, в пространстве которой администрация совместно с гражданами, бизнесом, партиями и группами интересов может увидеть проблему, осмыслить потребность и выработать эффективную и согласованную технологию достижения искомого результата [6].

Правительство Великобритании еще в 1970-е гг. поставило перед собой задачу наладить эффективную коммуникацию, проявив заинтересованность в упрочении, облегчении и удешевлении связей между государством, бизнесом и общественностью. Управление сферой общественных отношений стало трактоваться не только

как воздействие, но в первую очередь как взаимодействие субъектов: граждан, государственных, частных и общественных организаций, совместный поиск обоюдовыгодных и наиболее эффективных решений. В рамках менеджеристской концепции часть функций, в большинстве стран выполняемых публичными органами, были переданы негосударственным учреждениям. С самого начала это был курс на долгосрочные и поэтапные демократизацию и децентрализацию управленческой системы. Менеджеристские реформы сопровождались широкомасштабной программой приватизации государственных предприятий, в том числе выполнявших государственные функции и оказывавших государственные услуги, в результате чего реализация последних была частично передана новым собственникам. В итоге в системе государственного управления произошли следующие изменения: негосударственные органы, на которые было возложено предоставление государственных услуг, повышая их качество и действуя в условиях конкуренции, стали отвечать за качество и эффективность своей работы, во-первых, перед гражданами, во-вторых, перед контролирующими органами, в-третьих, перед теми, кто делегировал им свои функции, и наконец, в определенном смысле, перед рынком услуг и конкурентами.

В 80—90-е гг. в Великобритании был взят курс на развитие информационно-коммуникативной составляющей государственных услуг и всей технологии государственного управления. В контексте этих идей и задач начала развиваться и концепция электронного правительства. Однако еще в последнее десятилетие XX в. правительство страны признавало, что уровень развития электронных технологий управления в ней крайне низок.

Идея «оцифровки» правительства прозвучала в 2000 г. из уст лейбористского премьер-министра Энтони Блэра. Именно ему принадлежала инициатива создания электронного правительства и благодаря его энергии, несмотря на противодействие скептиков, были детально разработаны этапы внедрения электронного правительства, создана координационная комиссия при кабинете министров, принят ряд законодательных (E-Commerce Directive и E-Signature Act) и управленческих решений, произведена инвентаризация всех государственных и муниципальных услуг. Непростой задачей для кабинета Блэра стало преодоление сопротивления со стороны муниципалитетов, самостоятельных в принятии решений и распоряжении бюджетами. Однако постепенно взаимопонимание между центральной и местными властями возникло и оформилось во взаимоприемлемые управленческие решения [7].

В завершение длительного подготовительного этапа в Великобритании была принята Программа развития электронного правительства, согласно которой, предполагается оказание более качественных услуг гражданам и организациям, а также более эффективное использование информационных ресурсов правительства. В соответствии с Программой, «внедрение электронного правительства создает условия для трансформации работы правительства, которое прибегает к методам, традиционно используемым в электронной коммерции» [8, с. 19]. Таким образом, в Великобритании принят и распространен так называемый узкий подход к определению электронного правительства, что закономерно следует из менеджеристских реформ государственного управления и взятого уже в 1970-е гг. курса на определение «обслуживающей» роли государства во взаимоотношениях с гражданами, коммерческими и некоммерческими партнерами и бизнесом [9].

Сегодня британский вариант электронного правительства стал классикой онлайн-управления. Немаловажным вкладом в его успех стало то, что система внедрялась не волюнтаристски, а с учетом всех положительных эффектов и ошибок менеджеристских реформ [10]. Кроме того, в Великобритании и граждане, и государство в хорошем смысле ценят традиции и сложившийся порядок, течение жизни, всё содержание и столетиями оттачиваемые формы взаимоотношений внутри семьи, общины, трудового коллектива и социума. Памятуя об этом, кабинет министров, создавая электронное правительство, стремился учитывать специфику британского общества, в том числе при определении перечня услуг, которые следовало перевести в электронный режим в первую очередь.

Органом, ответственным за перевод государственных услуг в электронный вид, стала Государственная электронная служба (Government Digital Service, GDS), созданная по инициативе секретариата кабинета министров. Работы по переводу всех услуг, предоставляемых государством, в онлайн-режим и размещению всей необходимой пользователям информации о деятельности государственных органов должны были завершиться уже к 2005 г., но продолжались до 2011 г., поскольку правительство недооценило техническую и организационную составляющие. Однако в 2011 г. в разработанную концепцию были внесены поправки с тем, чтобы она приоритетно соответствовала интересам и требованиям рядовых граждан, а также важнейших субъектов социальных и политических взаимоотношений в Великобритании — общин.

На первом этапе работы электронного правительства каждый департамент, ведомство, подведомство или частная компания, предоставляющая государственные услуги, создавали собственные сайты, порталы и электронные страницы в различных социальных сетях и иные электронные сервисы. В результате затраты временных и иных ресурсов потребителями государственных услуг и штатом, обслуживающим сайты, возросли, а коммуникация между гражданами, государством и бизнесом не только не упростилась, но, напротив, стала крайне сложной. Аналогичная ситуация сложилась на уровне межведомственного взаимодействия. Более того, информационная составляющая этих сайтов не обеспечивала выполнения даже первой части задач, связанных с созданием системы электронного правительства: информация, необходимая гражданам, не попадала на сайты (поскольку чиновники технически не могли ее разместить) или оказывалась скрыта от пользователей, «блуждающих» по лабиринтам сотен сайтов. Из-за отсутствия меж- и внутриведомственной согласованности пользователь, даже найдя необходимую ему информацию, мог быть введен в заблуждение ее устаревшим, неточным, противоречивым или искаженным содержанием. В связи с этим почти сразу после старта программы электронного правительства возникла потребность в ее совершенствовании: систематизации данных и закрытии примерно тысячи сайтов, дублирующих друг друга.

Далеко не все граждане — пользователи Интернета (те, на чью поддержку рассчитывало правительство) — одобрили новшества первого этапа функционирования электронного правительства. Недоработанность первой системы превращала ее в цифровой вариант традиционной модели взаимодействия населения с государственными структурами. В электронном пространстве граждане и коммерческие организации обнаруживали те же недочеты, что и в реальном мире: ожидание в очереди, необходимость собирать недостающие документы, ходить по инстанциям и т. д. Однако из опыта первых лет были сделаны надлежащие выводы: «Разработчики единого портала государственных услуг Великобритании сформулировали

новый тезис, на котором базируются сегодняшние инновации. От “правительства в интернете” следует переходить к “правительству из интернета”. Разрозненные государственные интернет-ресурсы стали объединять» [7, с. 13].

Систематизация портала DirectGov окончательно завершилась только в 2007 г., когда были заблокированы сотни «засоряющих» электронное пространство страны сайтов. Пользователи Интернета успели разочароваться в электронных сервисах, и правительство предприняло беспрецедентные меры с целью преодолеть их скепсис. Граждане и юридические лица, осуществлявшие обязательные платежи через электронные сервисы, получили своего рода скидки и налоговые привилегии, и эти стимулирующие льготы были законодательно закреплены. Кроме того, в стране была развернута мощная пропагандистская кампания с участием звезд шоу-бизнеса. Сегодня электронное правительство Великобритании представляет собой целую электронную «вселенную», притом строго упорядоченную, поскольку она зиждется на трех китах: DirectGov, BusinessLink и NHS Choices — основных службах, решающих каждая свои задачи [11].

На службу DirectGov, сформированную и обслуживаемую департаментом труда и пенсий, возложено оказание услуг физическим лицам — подданным Британской империи и так называемым постоянным резидентам (людям, постоянно проживающим в Великобритании, имеющим или снимающим дом или квартиру, работающим и, главное, платящим налоги на территории Великобритании) [11]. Портал BusinessLink, курируемый и, соответственно, финансируемый министерством налоговых и таможенных поступлений, оказывает услуги юридическим лицам. В задачи портала NHS Choices, обслуживаемого министерством здравоохранения, входят оказание услуг здравоохранения физическим лицам, взаимодействие последних с медицинскими учреждениями и страховыми компаниями и все коммуникации внутри системы здравоохранения.

Эксперты отмечают, что с точки зрения бюджетных расходов развитие электронного правительства оправдывает себя. В самой его концепции предусматривалась плановая выгода, и размер ее был сразу превышен; вместе с тем каждое министерство и ведомство отвечает за свою часть расходов и, соответственно, экономию, что обеспечивает реализацию императива открытости и прозрачности: «...на развитие электронного правительства было выделено £90 млн на три года с учетом того, что к концу этого периода экономия составит £400 млн в год. Идет второй год “эксперимента”, и размер ежегодной экономии уже достигает £300 млн. Расходы на поддержание систем электронного правительства заложены отдельной строкой непосредственно в бюджеты ответственных за них министерств. Если другие ведомства используют электронную службу, они оплачивают это из своих бюджетов. Происходит своеобразное кроссфинансирование» [12].

Ноу-хау британской системы электронного правительства — так называемый шлюз, созданный в 2001 г.: система электронного взаимодействия трех ключевых порталов и правительства страны (Government Gateway), предложенная и созданная компанией Microsoft. «Шлюз» объединил все три подсистемы, и электронное правительство, несмотря на добавление нового звена, с пользовательской точки зрения стало функционировать проще и понятнее. «Шлюз» не только выполняет функцию обмена информацией, но также резервирует все данные, хранящиеся на всех порталах, на случай зависания или полной остановки одной из подсистем. Сегодня Government Gateway представляет собой «ствол» дерева из трех ветвей-порталов: каждый новый пользователь системы электронного правительства (как физическое,

так и юридическое лицо) сначала посещает именно межведомственный портал, в электронном пространстве которого проходит регистрацию, после чего «ворота шлюза» открывают ему сервисы, предоставляемые «ветвями».

К 2010 г. система электронного правительства Великобритании была настолько развита, что 171 услуга государственного и муниципального уровня оказалась доступна физическим и юридическим лицам полностью в дистанционном интернет-режиме. Существует и оговоренное межведомственное распределение перечня и объема оказываемых услуг. Причем сама концепция такой договоренности (системы соглашений об уровне сервиса), как и многое в менеджеристской концепции управления, заимствована из практики коммерческих отношений.

Сегодня британское электронное правительство стремится расширить перечень услуг и оптимизировать функционирование технических сервисов. Так, работа порталов совершенствуется с тем, чтобы информация о каждом однажды зарегистрированном гражданине или юридическом лице хранилась на том портале, куда он обратился в первый раз, не дублировалась в различных базах данных и не запрашивалась у пользователя при каждом обращении к системе: персональные данные будут передаваться тому portalу и той службе, куда гражданин обращается в каждый конкретный момент. Интересно, как технически, так и с точки зрения соблюдения прав граждан (в том числе на конфиденциальность), что при доступе к различным portalам пользователь по-прежнему должен применять различные пароли. С одной стороны, это создает некоторое неудобство, но с другой, разные пароли остаются свидетельством традиционализма британцев и — на техническом уровне — выполняют важнейшую функцию обеспечения разного уровня доступа к разным ресурсам для разных категорий пользователей.

При организации системы электронного правительства проводился мониторинг востребованности государственных услуг, оказываемых службами и департаментами. Он показал, что самым популярным (прежде всего по частоте обращений) был и остается сервис оплаты налогов. С учетом этого услуги, связанные с ним, оказываются через систему электронного правительства наиболее эффективно и быстро. Так, гражданин может заполнить и подать налоговую декларацию через Интернет. Кроме того, ему в онлайн-режиме доступна вся информация о доходах, получаемых им из разных источников (зарплата, социальные пособия, пенсии, рента, гонорары и т. д.), что облегчает не только заполнение налоговой декларации и оплату налогов, но и расчет бюджета граждан, семей и домохозяйств. Через налоговый портал можно оформлять социальные льготы, пособия и налоговые вычеты. В Великобритании успешно работают и несколько электронных систем безналичного денежного обмена между государством, гражданами и юридическими лицами, с помощью которых граждане получают пособия, а также оплачивают штрафы, налоги, пошлины и производят иные платежи.

Портал DirectGov является не только наиболее посещаемым пользователями, но и исключительно выгодным, так как позволяет экономить бюджетные средства, ранее затрачиваемые на оказание государственных услуг: «По оценкам экспертов, экономия при каждом обращении граждан Великобритании к сервисам, предлагаемым электронным правительством, в среднем составляет не менее £8. Учитывая тот факт, что число обращений постоянно растет и в январе 2010 года достигло 27 млн в месяц, выгода очевидна» [12].

В 2012 г. завершился очередной этап внедрения электронного правительства Великобритании, а в 2013 г., в соответствии с опубликованной в ноябре 2012 г. «Электронной стратегией правительства» (The Government Digital Strategy), начато

воплощение проекта «Цифровая Британия — 2». Он состоит в реализации принципиально новой идеологии управления обществом — «цифровой по умолчанию» (digital by default). Внедрению нового проекта предшествовал доклад Национального авторского управления Великобритании «Как пользователи влияют на онлайн-услуги, предоставляемые государством», представленный кабинету министров в марте 2013 г. По его данным, электронные сервисы уже позволяют сэкономить до 8 фунтов стерлингов при каждом обращении гражданина к государственной услуге. При этом в преамбуле к «Электронной стратегии правительства» министр Фрэнсис Мод заявил, что следует организовать предоставление всех сервисов, которые могут быть электронными, в режиме онлайн. Это резко снизит их стоимость и позволит организовать доступ к услугам, удобный для пользователей, а не провайдеров [11]. Далее он сформулировал сверхзадачу нового этапа внедрения электронного правительства: «Правительство должно стать цифровой организацией настолько, насколько это возможно» [11].

Мод высказал еще одну важную мысль, позволяющую правильно понять замысел правительства Великобритании: «Дело не только и не столько в экономии бюджетных средств — публика ожидает, что доступ к сервисам станет быстрее и удобнее и сможет быть получен именно тем способом и в то время, которые более всего ей подходят. Мы надеемся, что не останется никого, кто не мог бы пользоваться цифровыми услугами, мы будем использовать цифровые технологии для повышения качества услуг и снижения затрат» [11]. Эта идея раскрывает миссию и социально-политическую направленность нового этапа внедрения электронного правительства: digital by default — цифровое по умолчанию и без исключения. Уже сегодня возможностями, предоставляемыми в онлайн-режиме, пользуется подавляющее большинство взрослого населения Великобритании (82 %). Учитывая качество доступа и количество предоставляемых услуг, правомерно было бы отметить достижение высочайших результатов. Во всемирном рейтинге готовности стран к использованию технологий электронного правительства Global E-Government Survey 2010, подготовленном Департаментом по экономическим и социальным вопросам ООН, Великобритания заняла 4-е место среди 192 стран. Россия в этом списке находилась на 59-й позиции [7].

Однако британское правительство не останавливается на достигнутом и с 2013 г., помимо решения иных задач, ориентируется на то, чтобы сделать электронные сервисы доступными для оставшихся 17 % граждан. Примерно половина британцев, остающихся офлайн (48 %), имеют потенциальный доступ к Интернету (через детей, друзей, соседей или знакомых), однако предпочитают обращаться к государственным услугам исключительно традиционным способом и не изменять своим привычкам. Сегодня в стране ведется работа по трем направлениям: во-первых, сохранение традиционных путей предоставления услуг; во-вторых, популяризация онлайн-сервисов; в-третьих, приспособление их к нуждам неопытных пользователей, чтобы к электронным государственным услугам могли без труда и стресса прибегнуть даже те, кто ранее не пользовался Интернетом. На наш взгляд, в этом состоит ключевая особенность электронного правительства Великобритании — ориентированность на каждого пользователя и попытка понять его потребности и нужды.

Несмотря на всю проделанную работу, в 2014 г. электронное правительство Великобритании по-прежнему было несовершенно: остался перечень государственных услуг, которые не могут быть оказаны дистанционно, еще не все государственные органы ввели свои сайты под эгиду электронного правительства. Однако

за 13 лет реализации проекта были поставлены и достигнуты грандиозные цели и получен уникальный опыт по переводу в электронный режим сектора государственных услуг, который может быть использован для развития цифровой демократии в России.

Литература

1. Актуальные проблемы социокультурного менеджмента: Сб. науч. тр. / Науч. ред.: В. М. Чижилов, Г. Н. Новикова. М.: МГУКИ, 2002. 153 с.
2. **Сморгунов Л. В.** Сравнительный анализ административных реформ в западных странах // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2000. № 1. С. 54—78.
3. **Кошкин П. П.** Традиционно-бюрократическая идеология и новый «менеджеризм» (сравнительный анализ) // Теория и практика общественного развития: Междунар. науч. журн. [Электрон. версия]. 2007. № 1. С. 43—47. URL: http://teoria-practica.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/2007/1/koshkin.pdf (дата обращения: 02.02.2015).
4. **Яновский В. В.** Основные концепции и принципы бюрократии // Элитариум 2.0: переосмысление дистанционного образования [Электронный ресурс] / НП ЦДО «Элитариум» (СПб.). 2013. 17 мая. URL: http://www.elitarium.ru/2013/05/17/koncepcii_principy_bjurokratii.html (дата обращения: 02.02.2015).
5. **Дьякова В.** Политические проблемы введения модели «Новый государственный менеджмент» // Центр политического анализа и прогнозирования «Центурион» [Электронный ресурс]. 2006. URL: <http://centurion-center.narod.ru/vd3.html> (дата обращения: 02.02.2015).
6. **Ханипова И. Т.** Социальный менеджеризм как новая парадигма государственной службы: инновации в кадровом менеджменте // Экономика, государство, общество: Электронный журнал научных публикаций студентов и молодых ученых. 2013. № 4 (15). URL: <http://ego.uara.ru/ru/issue/2013/04/05/> (дата обращения: 02.02.2015).
7. **Кураш А.** Из грязи в князи: как Великобритании удалось быстро вырваться в лидеры электронного госуправления // CNews: Сетевое издание [Электронный ресурс]. 2010. № 48. С. 12—18. URL: http://filearchive.cnews.ru/mag/2010/04/CNews_48.pdf (дата обращения: 02.02.2015).
8. **Bovaird T.** Performance Measurement and Evaluation of E-Government and E-Governance Programmes and Initiatives // Practicing E-Government: A Global Perspective. Hershey: Idea Group Publ., 2005. P. 18—24.
9. **Дрожжинов В., Штрик А.** Электронное правительство Великобритании // Международная Ассамблея столиц и крупных городов: Официальный сайт. 2000. URL: <http://www.e-gorod.ru/documents/e-project/proj14.htm> (дата обращения: 02.02.2015).
10. **Голотьбо М. П.** Британия: цифровая по умолчанию // e-Gov.by: Идеи электронного правительства для Беларуси [Электронный ресурс]. 2013. URL: <http://e-gov.by/themes/best-practices/britaniya-cifrovaya-po-umolchaniyu> (дата обращения: 02.02.2015).
11. Government Digital Strategy: Policy paper // GOV.UK: Portal to public service information from the UK Government [Web source]. 2013. 10 December. URL: <https://www.gov.uk/government/publications/government-digital-strategy> (accessed: 02.02.2015).
12. **Виноградов А.** Новые традиции старого королевства // Государство в XXI веке: Деловое издание для руководителей [Электронный ресурс] / Изд. проект Microsoft. 2010. № 2 (03). URL: http://www.microsoft.com/ru/ru/government/magazine/2010-03/20_25_21VEK_England.aspx (дата обращения: 02.02.2015).
13. **Прохоров А.** Электронное правительство в цифрах и фактах // Компьютер Пресс [Онлайн-версия]. 2006. № 5. С. 144—150. URL: <http://compress.ru/article.aspx?id=15845> (дата обращения: 02.02.2015).

Ефимов Андрей Александрович — руководитель отдела информационного обеспечения Центра межрегионального бизнес-обучения (Москва). *E-mail: centrMBO@mail.ru*

Институционализация сферы государственных услуг: проблемы исследования

И. Н. Рыбакова

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ (РАНХиГС)*

Анализируются проблемы институционализации сферы государственных услуг в России, обозначено влияние зарубежных концепций государственного управления, реформирования бюджетной системы страны, применения административных управленческих механизмов и инструментов регулирования государственных услуг на этот процесс. Проведена типологизация государственных услуг. Рассмотрено внедрение и функционирование элементов электронного правительства. Делается вывод о современном состоянии институционализации сферы государственных услуг.

Ключевые слова: государственные услуги; институционализация сферы государственных услуг; регулирование сферы государственных услуг; электронное правительство.

Государственное управление в сфере государственных услуг представляет собой способ реализации функций государства как института власти, решения наиболее общих и жизненно важных проблем взаимодействия государства с гражданским обществом и гражданином, а также одну из форм социальной деятельности в российском социуме.

Исследование данной проблематики подтверждает, что в государственном управлении всегда есть внешнее воздействие (структур государства), сознательное начало (целеполагание государственных руководителей и служащих), проявляющееся в рамках взаимодействия (с муниципальным управлением, институтами социальной самоорганизации). Государственное регулирование в сфере государственных услуг в этом контексте — установление такими субъектами, как органы законодательной (представительной) и исполнительной власти, общих правил и принципов деятельности на рынке социальных услуг в России.

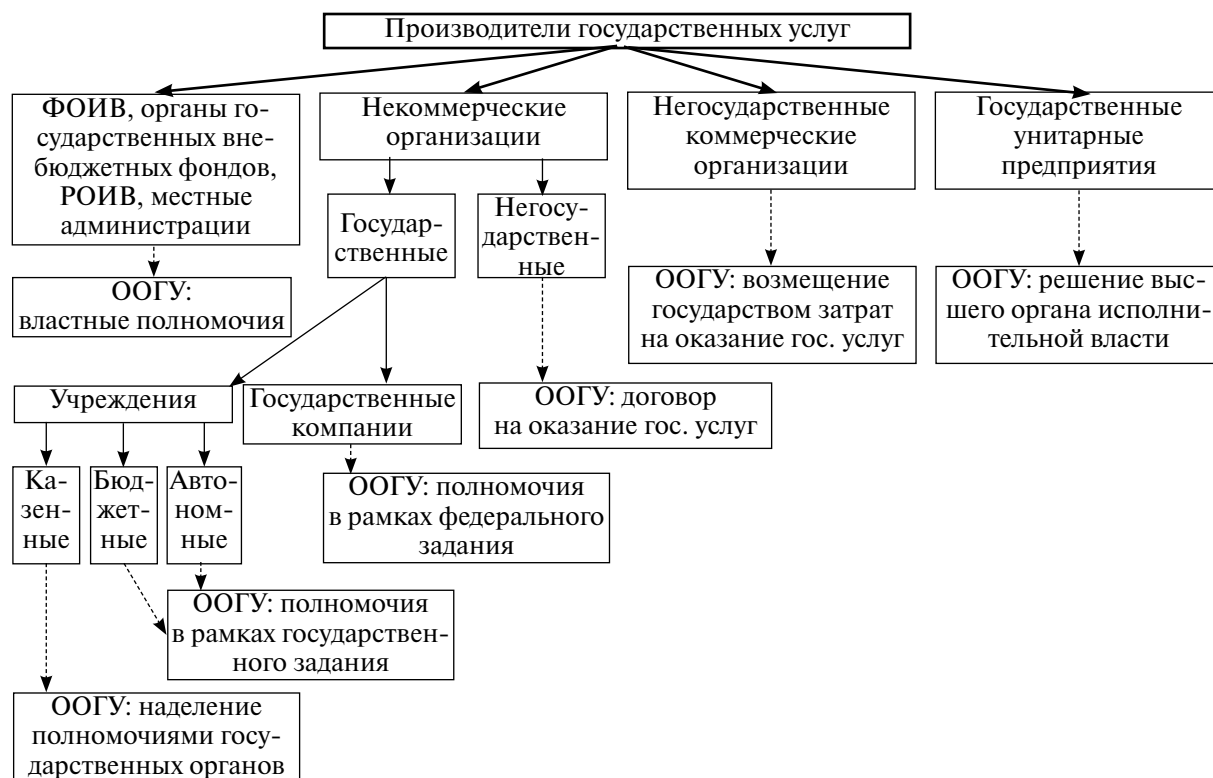
Иными словами, государственное регулирование в сфере государственных услуг — это, прежде всего, непосредственное предоставление государственных услуг гражданам и организациям при одновременном создании благоприятных условий для деятельности бизнеса, коммерческих и некоммерческих организаций, также предоставляющих социальные услуги, в том числе реализующих государственные услуги для граждан по поручению государственных структур, оказывающих этот вид услуг (договоренности с ними). Сложилось стереотипное представление о том, что государственные структуры предоставляют государственные услуги исключительно гражданам, однако это не соответствует действительности. Так, Министерство образования и науки РФ оказывает их (разрабатывая государственно-образовательные стандарты, системы требований к образовательному процессу и др.) государственным образовательным учреждениям, а те, в свою очередь, — непосредственно гражданам (государственные образовательные услуги). Государственные структуры зарубежных стран давно и успешно делегируют оказание государственных услуг негосударственным структурам и организациям.

Системообразующим компонентом государственного управления в сфере государственных услуг служит государственный орган; «несущий стержень» организационной структуры в этой области государственного управления — органы исполнительной власти.

Сфера государственных услуг как объект регулирования рассматривается как институционализирующаяся структура, состоящая из взаимообусловленной и взаимозависимой системы специфических элементов. По мнению А. В. Шарова [1], реорганизацию функций и структуры исполнительной власти, в рамках административной реформы 2003—2004 гг. (см. [2]) можно условно разделить на две части: оперативную и институциональную.

Как нам представляется, реформирование управления в сфере государственных услуг не сводится только к трансформации структуры и штатов института предоставления данных услуг гражданам, оно подразумевает также пересмотр полномочий органов исполнительной власти и совершенствование административных механизмов регулирования сферы государственных услуг.

С позиций институционального подхода сфера государственных услуг рассматривается как совокупность институциональных параметров структур, выполняющих однородные функции по обеспечению потребностей в некоммерческом продукте — государственной услуге, а также непосредственных источников их государственного финансирования (см. рисунок).

Институциональные параметры структуры сферы государственных услуг:

ФОИВ, РОИВ — соответственно федеральные и региональные органы исполнительной власти;

ООГУ — основание оказания государственной услуги

Возникновение термина «государственная услуга» связывается с зарождением в конце 1980-х гг. концепции «нового государственного управления». В ее контексте государство рассматривается как специфическая бизнес-структура, предоставляющая услуги гражданам и юридическим лицам. На рубеже 2000-х гг. данная концепция

получила широкое хождение в России. Необходимость придать государственному управлению экономическую эффективность повлекла за собой применение подходов, прежде не применявшихся в этой сфере, а именно стандартов государственной деятельности и ее измеряемых целевых показателей, элементов аутсорсинга и конкуренции [3–5].

Как считает И. Н. Барциц, введение в науку управления понятия «публичная (государственная и муниципальная) услуга» также связано с утверждением *«концепции эффективного государственного менеджмента»*, вместе с которой в государственный сектор вошли стандарты и приемы рыночной экономики... предоставление услуг, оказываемых населению (налогоплательщикам). С учетом этого применительно к органам государственного и муниципального управления стала использоваться формула соответственно государственных и муниципальных услуг» [6, с. 128–129]. Наконец, уточненное и расширенное понятие «государственная услуга» было закреплено в Федеральном законе Российской Федерации «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» [7].

К стержневым административным механизмам данный закон относит регулирование сферы услуг, а инструментом повышения качества государственного управления служат административные регламенты и стандарты: *«Административный регламент — нормативный правовой акт, устанавливающий порядок предоставления государственной и муниципальной услуги и стандарт предоставления государственной и муниципальной услуги»* [7, ст. 2]. Административные регламенты исполнения государственных функций и оказания государственных услуг содержат подробные описания последовательности действий и сроки их осуществления, необходимые для достижения установленных результатов.

Применение административных регламентов способствует реализации законодательно закрепленных мер оптимизации состава и полномочий органов исполнительной власти, а именно устранению дублирующих административных действий и сокращению количества документов, которые должен представить получатель государственной услуги [8]. Использование принципа «одного окна», а также межведомственных согласований при предоставлении государственной услуги посредством информационно-коммуникационных технологий, уменьшение срока исполнения государственной функции повышают качество оказания государственных услуг и могут обеспечить полноценную антикоррупционную экспертизу.

К регламентационным элементам институционализирующейся сферы государственных услуг можно отнести правила разработки и утверждения административных регламентов исполнения государственных функций и предоставления государственных услуг, а также правила проведения экспертизы проектов административных регламентов предоставления государственных услуг.

Важным этапом в совершенствовании процесса оказания государственных услуг в России является формирование клиентоориентированного подхода, в контексте регулирования государственных услуг подразумевающего максимальное подстраивание процесса оказания услуги под мнение и ощущение потребителя. Как отмечает Е. А. Карловская: «Ориентация на потребителя индуцирует интерес к клиент-ориентированному государственному управлению как разновидности субъект-ориентированного управления. Клиент-ориентированное государственное управление представляет собой процесс определения и достижения целей производителей государственных услуг за счет инициирования и максимального удовлетворения потребностей клиентов (получателя государственных услуг), а также установления долгосрочных проактивных отношений с ними» [9, с. 103].

Современной открытой формой взаимодействия административных структур, выстраивающих коммуникации в сфере государственных услуг между организационными структурами, предоставляющими государственные услуги в электронном виде, и гражданами и представителями бизнес-организаций — потребителями государственных услуг, является «Портал государственных и муниципальных услуг Российской Федерации» (www.gosuslugi.ru). На региональном уровне с ним интегрированы порталы государственных услуг регионов. Отметим, что именно на региональных порталах в основном осуществляется взаимодействие граждан и бизнеса с органами государственной власти.

«Портал государственных и муниципальных услуг Российской Федерации» (далее Портал) — федеральная государственная информационная система, в содержательную основу которой заложен сформированный Сводный реестр государственных услуг (функций), состоящий из баз данных Федерального реестра государственных услуг, реестра государственных услуг субъектов РФ и реестра муниципальных услуг. Коммуникация потребителя и поставщика услуг на Портале выстраивается с помощью информации из этих баз данных о государственных и муниципальных услугах, а также услугах организаций (в том числе подведомственных услугах подведомственных учреждений), порядке их предоставления и необходимых документах, утвержденных административными регламентами. Поставщики услуг представлены на Портале федеральными органами власти РФ, органами исполнительной власти субъектов РФ, муниципальными органами власти, местными администрациями, внебюджетными фондами и организациями.

Описанные выше подходы, технологии и решения позволяют реализовать внешнее взаимодействие структур управления, оказывающих государственные услуги (с гражданами и юридическими лицами, потребляющими этот вид услуг). Структурный анализ Портала позволяет сделать вывод о комфортности получения государственных услуг для потребителя, несмотря на то, что некоторые форматы взаимодействия не отработаны до конца.

Стандартизация предоставления государственных и муниципальных услуг в электронном виде — новый административный механизм, стимулирующий субъекты Российской Федерации к переводу услуг в цифровую форму. Она также является институциональным компонентом сферы государственных услуг.

Наряду с внешними процесс институционализации этой сферы включает внутренние взаимодействия (самих поставщиков услуг), выстраиваемые посредством создания федеральной государственной информационной системы межведомственного электронного взаимодействия.

К механизмам, способствующим этому, можно отнести «Портал методической поддержки реализации Федерального закона № 210-ФЗ “Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг”» (www.210fz.ru), разработанный Центром региональных программ совершенствования государственного и муниципального управления ИГМУ НИУ ВШЭ для сотрудников федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления и прочих учреждений, оказывающих государственные и муниципальные услуги.

Институционализация современной сферы государственных услуг сопряжена с системными рисками и кризисами, чем вызвана необходимость постоянного их мониторинга, подготовки и реализации мер их предотвращения и смягчения, а также формирования эффективной системы управления рисками, позволяющей

обеспечивать прогнозирование и предотвращение кризисных ситуаций и быстрое реагирование [11]. Внедрение данного механизма в сфере государственных услуг актуально и своевременно.

К ключевым индикаторам институционализации сферы государственных услуг относится *показатель качества государственных услуг*, реализуемый через нормативно-правовые акты, регламентирующие деятельность властных институтов. Он определяется исполнением требований указанного законодательства, удовлетворенностью конкретных потребителей, а в рамках целевых программ — степенью достижения качественных и количественных показателей их выполнения, выражающейся в удовлетворенности конкретного потребителя услуги.

Институционализация сферы государственных услуг предполагает совершенствование показателей, характеризующих эффективность ее функционирования. К ним относятся уровень удовлетворенности граждан качеством предоставления государственных услуг; доля получателей электронных государственных услуг; доля потребителей, обслуженных по принципу «одного окна»; время ожидания в очереди при обращении гражданина с целью получить государственные услуги; среднее число обращений представителей бизнеса в целях получения одной государственной или муниципальной услуги, связанной со сферой предпринимательской деятельности.

В рамках административной реформы с 2008 г. проводится мониторинг внедрения административных регламентов. Его результаты показывают, что административные регламенты решили главную задачу: позволили описать и упростить административные процедуры, обобщить нормативную правовую базу, регуливающую предоставление государственных услуг, и определить основные направления оптимизации (сроки, административные процедуры и количество документов, требуемых для получения услуги).

В послании Президента РФ о бюджетной политике в 2013—2015 гг. в контексте бюджетирования, ориентированного на результат, подчеркнута необходимость повысить качество предоставляемых населению государственных услуг. Поставлена задача повсеместно внедрить и обеспечить практическую реализацию нового административного механизма регулирования сферы государственных услуг — государственного (муниципального) задания. В его рамках предполагается формулирование четких требований к количественным и качественным показателям оказания государственных услуг, в том числе путем разработки стандартов качества и административных регламентов их предоставления.

Децентрализация в сфере государственных услуг (передача полномочий по реализации различных программ из центра на более низкие уровни управления) названа одним из стратегических приоритетов. Среди механизмов продвижения данного приоритета в сферу государственного регулирования можно назвать предоставление государственных услуг за счет бюджетных средств не только государственными и муниципальными учреждениями, но и частными организациями [11].

Интегральным информационным компонентом, объединяющим структуры управления в социокультурном пространстве сферы государственных услуг, является многофункциональный центр предоставления государственных и муниципальных услуг (МФЦ). Использование принципа «одного окна» в МФЦ призвано разрушить многие административные барьеры. Непосредственная работа с получателем государственных услуг, возможность получения потребителем нескольких услуг одновременно, оперативность, комфортность и клиентоориентированность

входят в число главных задач МФЦ. Структурам, участвующим в предоставлении услуг, удастся заметно снизить расходы на взаимодействие с их получателями за счет сокращения штата сотрудников, офисных площадей и затрат на автоматизацию.

Новая форма предоставления услуг — с использованием универсальной электронной карты (УЭК) — повышает эффективность взаимодействия граждан с государственными органами власти, ускоряет предоставление государственных услуг, способствует реализации принципов информационной открытости и прозрачности работы государственных учреждений, чем препятствует коррупции и взяточничеству в этой сфере.

Реализация современных форм интернет-взаимодействия органов власти и институтов гражданского общества, продолжение продвижения и ввода комплекса технологий электронного правительства, направленных на внедрение и широкое применение информационно-коммуникативных технологий, а также на повышение удобства и комфортности получения организациями и представителями гражданского общества электронных услуг и информации о деятельности органов государственной власти, значительно повысили рейтинг России среди стран, использующих в государственном управлении технологии электронного правительства.

В ежегодном отчете об исследовании вопросов электронного правительства за 2012 г., опубликованном Департаментом по социальным и экономическим вопросам ООН [12, с. 30], Российская Федерация поднялась сразу на 32 позиции и заняла, таким образом, 27-е место в интегральном рейтинге. По индексу электронной вовлеченности (e-Participation) Россия вошла в число 20 ведущих стран мира и сохранила эту позицию в 2014 г. [13]. Кроме того, она заняла первое место среди стран с высоким значением индекса развития электронного правительства (EGDI), опередив Литву и Швейцарию. Таким образом, можно говорить о приближении организации предоставления электронных государственных услуг гражданам РФ к стандартам мировой практики.

Итак, институционализация сферы государственных услуг в России находится на этапе становления. Отметим, что не только управленческие структуры испытывают трудности при переходе к информационной открытости, но и сами граждане не вполне готовы к инновационным формам взаимодействия с органами государственного управления. Управленческие структуры, регулируя сферу государственных услуг, внедряя и продвигая в нее инновационные административные механизмы, должны ориентироваться на достижение стратегических целей повышения уровня удовлетворенности граждан, малого и среднего бизнеса получением государственных и муниципальных услуг, доступности услуг для граждан, бизнеса и других организаций, упрощения процедур взаимодействия государства с гражданами, снижения коррупционных рисков и роста эффективности бюджетных расходов.

Литература

1. **Шаров А. В.** Об основных элементах административной реформы // Журнал российского права. 2005. № 4. С. 19—28.
2. Указ Президента Российской Федерации от 23 июля 2003 г. № 824 «О мерах по проведению административной реформы в 2003—2004 годах» // СЗ РФ. 2003. № 30. Ст. 3046.
3. **Hood Ch.** The “New Public Management” in the 1980s: Variations on a Theme // Accounting, Organizations and Society. 1995. Vol. 20. № 2—3. P. 93—100.
4. **Drechsler W.** The Rise and Demise of the New Public Management // Post-autistic Economics Review [email journal]. 2005. Issue 33 (September 14). P. 17—28. URL: <http://www.paecon.net/PAEReview/issue33/Drechsler33.htm> (accessed: 31.03.2015).

5. **Байдаков С., Озеров Г., Савельев О.** Многофункциональный центр предоставления государственных услуг: модель, назначение и принципы организации: Опыт Центрального административного округа г. Москвы. М.: Олимп-Бизнес, 2013. 185 с.: ил.
6. **Барциц И. Н.** Система государственного и муниципального управления: в 2 т. М.: Изд-во РАГС, 2011. Т. 2. 487 с.
7. Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг: федеральный закон от 28.07.2010 № 210-ФЗ // Бюджетный учет. 2010. № 9 (69). С. 36—49.
8. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 10 июня 2011 г. № 1021-п // Российская газета: Интернет-портал. 2011. 28 июня. URL: <http://www.rg.ru/2011/06/28/koncepciya-site-dok.html> (дата обращения: 31.03.2015).
9. **Карловская Е. А.** Статичность и динамичность сферы государственных услуг // *Ars Administrandi* (Искусство управления). 2011. № 1. С. 96—104.
10. Постановление Правительства РФ от 24.10.2011. № 861 (ред. от 16.02.2015) «О федеральных государственных информационных системах, обеспечивающих предоставление в электронной форме государственных и муниципальных услуг (осуществление функций)» // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_175491/ (дата обращения: 31.03.2015).
11. Бюджетное послание Президента Российской Федерации о бюджетной политике в 2013—2015 гг. // Президент России [Электронный ресурс]. 2012. 28 июня. URL: <http://news.kremlin.ru/acts/15786> (дата обращения: 31.03.2015).
12. United Nations E-Government Survey 2012: E-Government for the People // United Nations Public Administration Network (UNPAN) [Web source]. URL: <http://unpan3.on.org/egovkb/Portals/egovkb/Documents/un/2012-Survey/unpan048065.pdf> (accessed: 31.03.2015).
13. United Nations E-Government Survey 2014: E-Government for the Future We Want // United Nations Public Administration Network (UNPAN) [Web source]. URL: http://unpan3.un.org/egovkb/Portals/egovkb/Documents/un/2014-Survey/E-Gov_Complete_Survey-2014.pdf (accessed: 31.03.2015).

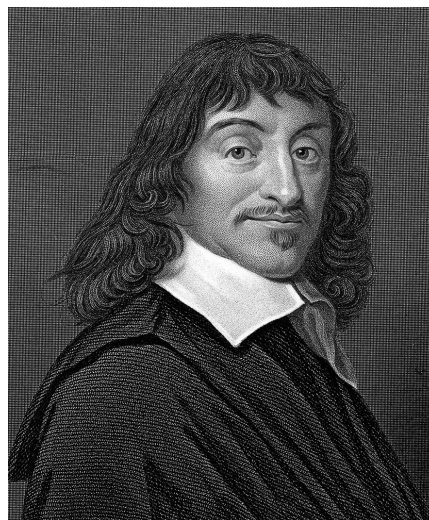
Рыбакова Ирина Николаевна — кандидат социологических наук, доцент кафедры организационного проектирования систем управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС). E-mail: in_rybakova@mail.ru

ИНФОРМАЦИЯ

Вторая Всероссийская научная конференция с международным участием «Декартовские чтения»

Уважаемые коллеги!

Институт философии РАН, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации и Национальный исследовательский университет «МИЭТ» приглашают вас принять участие во II Всероссийской научной конференции с международным участием «Декартовские чтения», которая состоится **17 апреля 2015 г.** в Национальном исследовательском университете «Московский институт электронной техники» (Москва, Зеленоград, пл. Шокина, д. 1).

Тема конференции: «**Декартовский рационализм и современная наука**». В рамках чтений запланированы пленарные и секционные заседания для обсуждения следующих вопросов:

1. Декарт в истории философии, науки и мировой культуры.
2. Декарт и современная философская мысль.
3. Концепции дуализма и монизма в истории философии и науки.
4. Проблема различения души и тела, физического и психического, реального и идеального в трудах Декарта.
5. Декарт как математик.
6. Декарт и современная антропология.
7. Экзистенциальная парадигма Декарта.
8. Декартовская исследовательская программа в истории естествознания.
9. Картезианство и методология социального познания.
10. Декарт и теология.
11. Наследие Просвещения и современные педагогические концепции и технологии.
12. Основания универсальности математики.

Для участия в чтениях необходимо до **10 апреля 2015 г.** направить в оргкомитет заявку и текст статьи.

Порядок оформления

1. Материалы принимаются **только в электронном виде** на электронный адрес: mieephil@rambler.ru.

2. Статья набирается в текстовом редакторе **Microsoft Word**. Объем текста — 10—12 тыс. знаков с пробелами. Формат страницы — А4, поля по 2 см с каждой стороны. Шрифт **Times New Roman**, кегль 14 пт, интервал полуторный, ссылки на использованную литературу — в квадратных скобках [1, с. 254], автоматические постраничные ссылки не допускаются.

3. Все статьи должны содержать **обязательные элементы**: аннотацию (450—500 знаков с пробелами), ключевые слова (5—7 слов), в конце текста — список литературы (расположение записей — в алфавитном порядке) и сведения об авторе(ах): Ф. И. О. (полностью), ученая степень и ученое звание, почетное звание, место работы, должность.

Статья должна быть отредактирована и откорректирована.

4. В заглавии должны быть указаны: название статьи, с новой строки — фамилии и инициалы авторов (через запятую), с новой строки — город, e-mail. Название статьи, Ф. И. О. автора, аннотация и ключевые слова должны быть переведены на английский язык.

5. Имя файла, под которым должна быть сохранена статья, оформляется по следующему правилу: фамилия и инициалы первого автора, пробел, первые три слова названия (пример: *ИвановИИ Результаты исследования проблемы.doc*).

6. В заявке на участие в конференции указываются:

- фамилия, имя и отчество автора(ов);
- место работы: организация, подразделение (вуз, НИИ и т. п.);
- должность, ученая степень, ученое звание (почетное звание);
- почтовый адрес с индексом, контактный телефон, e-mail.

Файл заявки следует назвать: фамилия и инициалы первого автора, пробел, слово «заявка» (пример: *ИвановИИ заявка.doc*).

Оргкомитет оставляет за собой право отклонения материалов, не отвечающих тематике конференции.

По итогам конференции будет издан сборник научных статей под названием, соответствующим ее теме. Организационный взнос за участие в конференции и публикацию статей не взимается.

Контактные телефоны Оргкомитета:

+7 903 707-40-35 (Ирина Михайловна)
+7 985 929-02-06 (Александр Иванович)

Книжные новинки

Мельникова Л. А. Бухгалтерский учет финансовых резервов и оценочных обязательств: Монография / Л. А. Мельникова, А. М. Петров. — М.: Вузовский учебник: НИЦ ИНФРА-М, 2015. — 96 с. — (Научная книга). — ISBN 978-5-9558-0402-6.

Раскрывается типология финансовых резервов и оценочных обязательств экономических субъектов в зависимости от их предназначения и использования, детально анализируется механизм создания и особенности бухгалтерского учета. Все рекомендации даны в соответствии с нормами и положениями главы 25 Налогового кодекса РФ и МСФО 37, поэтому книга будет полезна бухгалтерам и руководителям организаций, которых законодательные нормы обязывают создавать финансовые резервы, а также менеджерам, стремящимся обеспечить надежность своего бизнеса.

Перская В. В. Конкурентоспособность национального хозяйства в условиях многополярности: Россия, Индия, Китай: Монография / В. В. Перская, М. А. Эскиндаров. — М.: Экономика, 2015. — 219 с. — ISBN 978-5-282-03404-2.

Доказывается, что теория международной конкурентоспособности М. Портера является теоретической базой для формирования монополярности мировой экономики, а отождествление национальной конкурентоспособности с конкурентоспособностью хозяйствующих субъектов, в первую очередь ТНК и МНК, будет препятствовать самостоятельному устойчивому развитию экономик России, Индии и Китая. Представлены критерии определения национальной конкурентоспособности в новых условиях, под этим углом проанализирован ряд национальных хозяйств.

Трансформация бизнеса в условиях рыночной нестабильности: Монография / Н. К. Моисеева и др.; Под ред. Н. К. Моисеевой. — М.: КУРС: НИЦ ИНФРА-М, 2015. — 416 с. — (Наука). — ISBN 978-5-905554-78-0.

Представлены результаты многолетних исследований проблем формирования и развития бизнес-отношений на основе обеспечения согласованного взаимодействия компаний в рыночной среде и использования инноваций при допустимой открытости бизнеса организаций. Предложены механизмы синхронизации маркетинговых отношений партнеров по бизнесу, организационные формы интернационализации межфирменных связей в процессе инновационного развития; исходя из технологии моделей бизнеса в конкурентной среде рассмотрены возможности и ограничения перехода к открытости бизнес-отношений, а также организационные и структурные изменения и их последствия для развития компаний на рынках высокотехнологичной продукции; представлены маркетинговые и организационные инструменты регулирования деловых контактов в атмосфере рыночной нестабильности, условиях создания МСА и результаты использования открытых инноваций в маркетинговых стратегических альянсах как перспективной формы организации бизнес-отношений.

Хедлунд С. Невидимые руки, опыт России и общественная наука. Способы объяснения системного провала / С. Хедлунд; пер. с англ. Н. В. Автономовой; под науч. ред. В. С. Автономова. — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. — 424 с. — (Экономическая теория). — ISBN 978-5-7598-1003-2.

Исследуются ситуации, в которых деятельность на национальном и международном уровнях приводит к катастрофическим последствиям, а сложные аналитические модели общественной науки оказываются совершенно бесполезными. Автор рассматривает такие примеры, как глобальный финансовый кризис, провал попыток добиться быстрых системных изменений в странах бывшего СССР, а также неспособность достичь развития в странах третьего мира. Анализируя многовековую российскую историю и недавний опыт столкновения России с ничем не ограниченным капитализмом, автор призывает к разработке подхода, основанного на так называемом новом институционализме,

и показывает, что для понимания причин системного провала требуется подход, который объединял бы разобщенные подразделы общественной науки, тяготеющие ко все большей специализации. Утверждая, что ради роста теоретической утонченности общественным наукам пришлось поступиться широтой подхода и чуткостью к роли культурно-исторической специфики разных стран, он убеждает в необходимости найти новый способ моделировать мотивы человеческой деятельности.

CONTENTS

Organizational and Economic Aspects of Innovative Activity

A. Yu. Budarov

Principles of Systemic and Synergetic Approach to Research and Manufacturing Complexes Development Management 3

A. N. Isachenko, A. M. Revyakin

Matroids in Mathematical Modeling of Economic Systems 13

L. I. Lukicheva

On Innovation Activity Organization and Innovations Commercialization in Finland . . . 19

K. F. Kovalchuk, V. A. Nikitenko, A. M. Revyakin

Modeling Trust Relationships of the Insurer to the External Environment 26

N. I. Lazarenko, S. V. Golovanov

Factors and Stages of the Company's Investment Policy 33

V. V. Lesin, Yu. P. Lisovec, A. M. Revyakin

Actuarial Analysis on the Basis of Destruction and Multiplication Scheme 38

Marketing and International Business

N. A. Andrianova, R. O. Andrianov

Innovation, an Invention or a Novelty: Terminological Confusion 45

T. L. Korotkova

Marketing Concepts in Russian Economy 53

Problems of Social Development and Education

A. A. Zdorova, O. V. Rummyantseva

Personality Traits Evaluation by College Teaching Staff and Learners as Predictors of Successful Education 60

E. V. Nekhorosheva

The Study of Educational Establishments Students' Learning and Career Motivation . . 69

A. I. Pirogov, T. V. Rastimeshina

Internationalization of Education within the Framework of Europe's Common Education Space Formation 76

A. V. Posokhova

Psychological Readiness for Entrepreneurship as a Condition of Competitiveness 85

T. V. Rastimeshina, Yu. V. Lunkina

Traditions in Russian Education as Seen from New Millennium 91

S. V. Strukova

Peculiarities of Engineering Student's Learning and Cognitive Activity's Subject-oriented Content Construction 99

S. K. Haidov

Discursive Analysis in Legal Psychological Enquiry at Audio and Video Files Studying 102

Personality. Society. State

I. M. Gorbacheva

Mail Cover Check as the Method of Political Police's Struggle with Revolutionary Movement in the Second Half of 19th Century 105

O. V. Dzhigan

Philosophic Aspects of Using Net Technologies 110

A. S. Epifanov

The Formation of the Organizational and Ideological Foundations of the Social-Democratic Political Movement in Russia in the Early 20th Century 116

A. A. Yefimov

Digital Democracy in the United Kingdom: Public Administration's and Public Services' Theory and Practice 126

I. N. Rybakova

Institutionalization of the Public Services: Problems of the Study 134

ABSTRACTS

Organizational and Economic Aspects of Innovative Activity

Principles of Systemic and Synergetic Approach to Research and Manufacturing Complexes Development Management

A. Yu. Budarov

National Research University of Electronic Technology, Moscow

In this continuation of article “Theoretic Concepts of Systemic and Synergetic Approach to Research and Manufacturing Complexes Development Management” published in previous issue, the principles of systemic and synergetic approach to research and manufacturing complexes development management are stated, allowing to build a basis for creation, modernization, systematization and unification of multiple management tools and techniques in the frames of developed methodological concept. Based on these principles it is possible to form such complex structural elements as a set of research and manufacturing complexes development management mechanisms providing the solution for problems of theoretical and methodological kind. Special focus at principles’ development was on peculiarities of complex economic and social systems (capacity to self-organization, presence of different types of synergy and other).

Keywords: complex economic and social systems development management; synergetic approach in economic systems; business structures’ self-organization.

References

1. Budarov A. Yu. Teoreticheskie polozheniya sistemno-sinergeticheskogo podkhoda k upravleniyu razvitiem nauchno-proizvodstvennykh kompleksov (Theoretic Concepts of Systemic and Synergetic Approach to Research and Manufacturing Complexes Development Management), *Ekonomicheskie i sotsial’no-gumanitarnye issledovaniya*, 2014, No. 3—4, pp. 9—14.
2. Kondrat’ev N. D. Bol’shie tsikly kon’yunktury i teoriya predvideniya: Izbrannye trudy (Great Surges of Business Climate and Anticipation Theory), Mezhdunar. fond N. D. Kondrat’eva i dr., redkoll.: L. I. Abalkin (pred.) i dr., sost. Yu. V. Yakovets, M., Ekonomika, 2002, 767 p., il.
3. Khaken G. Informatsiya i samoorganizatsiya: makroskopicheskiy podkhod k slozhnym sistemam (Information and Self-Organization: A Macroscopic Approach to Complex Systems), Per. s angl. Yu. A. Danilova, A. V. Berkova, predisl. Yu. L. Klimontovicha, Izd. 2-e, dop., M., URSS, KomKniga, 2005, 245 p., il., Sinergetika: ot proshlogo k budushchemu.
4. Kapitsa S. P., Kurdyumov S. P., Malinetskii G. G. Sinergetika i prognozy budushchego (Synergetics and Predictions of Future), M., Editorial URSS, 2003, 288 p., Sinergetika: ot proshlogo k budushchemu.
5. Malinetskii G. G. Matematicheskie osnovy sinergetiki: khaos, struktury, vychislitel’nyi eksperiment (Synergetics’ Mathematical Basis: Chaos, Structures, and Computational Experiment), 4-e izd., sushchestv. pererab. i dop., M., URSS, KomKniga, 2005, 308 p., il., Sinergetika: ot proshlogo k budushchemu.
6. Nikolis G., Prigozhin I. Poznanie slozhnogo: Vvedenie (Exploring Complexity: An Introduction), Per. s angl. V. F. Pastushenko, Izd. 2-e, ster., M., URSS, 2003, 344 p., Sinergetika: ot proshlogo k budushchemu.
7. Filosofskii entsiklopedicheskii slovar’ (Philosophical Encyclopedic Dictionary), Gl. red. L. F. Il’ichev [i dr.], M., Sov. entsiklopediya, 1983, 839 p.
8. Alekseev P. V., Panin A. V. Filosofiya (Philosophy), Izd. 2-e, pererab. i dop., M., Prospekt, 1998, 567 p.

Matroids in Mathematical Modeling of Economic Systems

A. N. Isachenko¹, A. M. Revyakin²

¹ *Belarusian State University*

² *National Research University of Electronic Technology, Moscow*

Matroids are widely applied in discrete mathematics and computer science and can be successfully used in economic systems modeling. The authors present information from matroid theory and examples of economic and mathematical models in the form of matroids. Descriptions of algorithms used to find a solution for

problems (assignment, time-table, travelling salesman ones and other, with or without “matroid” structure) are given and the information about their accuracy is provided. The algorithms are considered for independence systems, matroids, and intersection of two matroids.

Keywords: mathematical model; economic system; matroid; greedy algorithm; intersection of matroids.

References

1. Oxley J. G. *Matroid Theory*. 2nd ed. Oxford; New York, Oxford Univ. Press, 2011, VIII, 684 p., il., Oxford graduate texts in mathematics; 21.
2. *Algoritmy: postroyeniye i analiz* = Introduction to Algorithms, T. Kh. Kormen, Ch. I. Leizerson, R. L. Rivest, K. Shtain, M. [i dr.], Vil'yams, 2013, 1323 p., il.
3. Hausmann D., Korte B. Lower Bounds on the Worst-case Complexity of Some Oracle Algorithms, *Discrete Mathematics*, 1978, Vol. 24, Issue 3, pp. 261–276.
4. Papadimitriou Kh., Staiglit K. *Kombinatornaya optimizatsiya. Algoritmy i slozhnost'* = Combinatorial Optimization, Per. s angl. i predisl. V. B. Alekseeva, M., Mir, 1985, 510 p., il.

On Innovation Activity Organization and Innovations Commercialization in Finland

L. I. Lukicheva

National Research University of Electronic Technology, Moscow

The principal directions of Finland's largest and most successful companies' innovative activity are considered, their experience in creating and developing start-ups and commercializing the results of intellectual activity is analyzed. The examples of production facilities co-operation with universities' research and development branches and also of small innovation firms' organization initiated by students are given. The focus is on trainings and seminars delivered by Finnish companies in Russia.

Keywords: innovative activity; commercialization; innovations; start-ups creation.

References

1. “Spinverse talks Russia in Helsinki”. *Spinverse: Nordic leader in technology consulting*, 11 Feb. 2014. Web. 27 Mar. 2015. <<http://www.spinverse.com/spinverse-talks-russia-in-helsinki/>>.
2. “Spinno in Short”. *Spinno Enterprise Center*, n. d. Web. 27 Mar. 2015. <<http://spinno.fi/in-english/>>.
3. Nokia Oyj. *Nokia Research Center*, 2014. Web. 27 Mar. 2015. <<http://research.nokia.com/>>.
4. “Obrazovatel'nye meropriyatiya” (Learning Events). *Papula-Nevinpat v Rossii*. Papula-Nevinpat Oy, 2012. Web. 27 Mar. 2015. <<http://www.papula-nevinpat.ru/ru/uslugi/obrazovatel-nye-meropriyatiya/>>.
5. Leskelä, Markku, and Tamminen, T. “Atoms as building blocks”. *Helsingin Yliopisto*. University of Helsinki, 2013. Web. 27 Mar. 2015. <http://www.helsinki.fi/research/researchers/centres_of_excellence/2012-2017/markku_leskela.html>.
6. “Foreword, Mission, Students, Business, Research”. *Aalto University Design Factory*. Aalto University, n. d. Web. 27 Mar. 2015. <<http://www.aaltodesignfactory.fi/about/>>.
7. *Aalto Venture Garage*. Aalto University, n. d. Web. 27 Mar. 2015. <<http://aaltovg.com/>>.
8. “Micronova in Brief”. *Micronova: Centre for Micro and Nanotechnology*. N. p., 15 May 2014. Web. 27 Mar. 2015. <http://www.micronova.fi/micronova_in_brief/>.
9. “Nanofabrication Centre”. *Micronova: Centre for Micro and Nanotechnology*. N. p., 14 May 2014. Web. 27 Mar. 2015. <http://www.micronova.fi/nanofabrication_centre-002/>.
10. “Laser Application Laboratory (LAL).” *Tampere University of Technology*. Upd.: K. Valtonen. Tampere University of Technology, 25 Aug. 2011. Web. 27 Mar. 2015. <<http://www.tut.fi/en/about-tut/departments/materials-science/research/laser-application-laboratory-lal/index.htm>>.
11. “Nanoscience Center”. *Jyväskylän Yliopisto*. University of Jyväskylä, 4 Mar. 2015. Web. 27 Mar. 2015. <https://www.jyu.fi/science/muut_yksikot/nsc/>.
12. “Lazer pozvolyaet tochnnee otsenivat' mineral'nyuyu plotnost' kostnoi tkani” (Laser Allows More Accurate Estimation of Bone Tissue's Mineral Density). *Zdorov'e pozvonochnika: poznavatel'nyi sait*. N. p., 29 Mar. 2012. Web. 27 Mar. 2015. <<http://spinet.ru/news/?id=1327/>>.
13. “Offshore Wind”. *Moventas: Geared for New Energy*. N. p., n. d. Web. 27 Mar. 2015. <<http://www.moventas.com/products/offshore/>>.

Financial and Economic Activity's Corporate Management

Economic Entities' Anti-Recessionary Stability Ratings Formulization and Use

O. F. Bystrov¹, K. N. Bugay²

¹ *National Research University of Electronic Technology, Moscow*

² *Moscow State University of Railway Engineering (MIIT)*

An effective procedure of economic entities' anti-recessionary stability's comparative analysis is proposed. Anti-recessionary stability implementation and valuation are considered through the example of eight enterprises. Such indexes as cash ratio, quick ratio, bank-liquidity ratio, total debt to equity, working capital to current assets ratio, and reserves-to-production ratio are used. This procedure also allows creating the firms' anti-recessionary stability rating based on the highest result.

Keywords: anti-crisis management; anti-recessionary stability; bankruptcy risk; anti-recessionary stability rating.

References

1. Antikrizisnoe upravlenie finansami predpriyatiya (Corporate Finance's Anti-Crisis Management), K. V. Baldin, O. F. Bystrov, V. S. Zverev, N. P. Gaponenko, M., Mosk. psikhologo-sots. in-t, Voronezh, MODEK, 2009, 336 p.
2. Altman E. I. Bankruptcy, Credit Risk, and High Yield Junk Bonds, Hoboken, NJ, Wiley-Blackwell, 2002, 576 p.

Modeling Trust Relationships of the Insurer to the External Environment

K. F. Kovalchuk¹, V. A. Nikitenko¹, A. M. Revyakin²

¹ *National Metallurgical Academy of Ukraine, Dnipropetrovsk City*

² *National Research University of Electronic Technology, Moscow*

The specifics of a trust relationship between the insurance company and the external environment are considered. The level of insurance specialists' trust to political, economic, social and technological macro-environment of the insurance company is investigated. To assess trust in a hierarchical fuzzy inference system, confidence intervals were generated based on the Edelman Barometer study. The results of modeling studies are given.

Keywords: trust relationship; insurer; fuzzy inference; external environment.

References

1. Wang Pei-Zhuang. Fuzzy Sets: Theory and Applications, Guang Zhou University, Shanghai, Shanghai Science and Technology Publishing Co., 1983, 188 p.
2. Shtovba S. D. Obespechenie tochnosti i prozrachnosti nechetkoi modeli Mamdani pri obuchenii po eksperimental'nym dannym (Assurance of Mamdani Fuzzy Model's Accuracy and Transparency while Learning by Observational Data), *Problemy upravleniya i informatiki*, 2007, No. 4, pp. 102—114.
3. Cacuci D. G. Sensitivity and Uncertainty Analysis, Vol. 1: Theory, Boca Raton, London, New York, Chapman & Hall/CRC, 2003, 285 p.
4. Mel'nik Ya. Reiting nadezhnosti strakhovykh kompanii (Insurance Companies Credit Rating), *Reitingovoe agentsvo "Kredit-Reiting"* [Elektronnyi resurs], URL: <http://www.credit-rating.ua/ru/about-rating/purpose/12448/> (data obrashcheniya: 15.02.2014), Nazv. s ekrana.
5. Reiting strakhovykh kompanii Ukrainy (Ukraine's Insurance Companies Rating), *Forinshurer, zhurnal pro strakhovanie i perestrakhovanie* [Elektronnyi resurs], URL: <http://forinsurer.com/ratings/nonlife/> (data obrashcheniya: 27.02.2015), Nazv. s ekrana.
6. Strakhovoi reiting "Insurance TOP": Reiting strakhovykh kompanii Ukrainy (The "Insurance TOP" Insurance Rating: Ukraine's Insurance Companies Rating) [Elektronnyi resurs], UNII "Prava i ekonomicheskikh issledovaniy", Cop. 2003—2013, URL: <http://insurancetop.com/> (data obrashcheniya: 15.02.2014). Nazv. s ekrana.

7. Edelman Trust Barometer Archive, *Edelman*: World's largest public relations firm [Web source], URL: <http://www.edelman.com/insights/intellectual-property/edelman-trust-barometer-archive/> (accessed: 10.05.2014), Title from the screen.

Factors and Stages of the Company's Investment Policy

N. I. Lazarenko, S. V. Golovanov

National Research University of Electronic Technology, Moscow

The concept of investment, the investment policy of the company is discussed, as well as the rules and factors that must be considered when designing the investment policy. The views of foreign and Russian economists, investment activities' theorists and practical persons, are analyzed. The principles of the enterprise's investment policy are emphasized. The investment policy of the company is presented as the complex interdependent and interrelated set of its activities facing long-term development, profit and other beneficial effects as a result of investments.

Keywords: investments; enterprise's investment policy; investment activity factors and stages.

References

1. Zhivolup D. I., Fedotova G. V., Kharlamova E. E. Investitsionnaya politika kak osnovnaya kategoriya formirovaniya investitsionnoi deyatel'nosti promyshlennogo predpriyatiya (Investments Policy as General Division of Manufacturing Corporation's Investment Activity Formation), *Vestnik magistratury*, 2014, No. 6 (33), T. 3, pp. 42—44.
2. Teplova T. V. Investitsii (Investments), M., Yurait, 2011, 724 p., il.
3. Mal'shchukova O. M. Problemy razrabotki investitsionnoi politiki predpriyatiya (Enterprise's Investment Policy Development Problems), *Voprosy innovatsionnoi ekonomiki*, 2011, No. 4 (4), pp. 29—38.
4. Tulupnikova Yu. V. Investitsionnaya politika predpriyatiya (Enterprise's Investment Policy), *Personal'nyi sait Tulupnikovoi Yu. V.*, URL: http://www.tulupnikova.com/lek/Invest_strategy_lecture3.doc (data obrashcheniya: 05.03.2015).
5. Baffet U. Esse ob investitsiyakh, korporativnykh finansakh i upravlenii kompaniyami = The Essays Lessons for Corporate America, Per. s angl., sost. i avt. vved. L. A. Kanningem, M., Al'pina Biznes Buks, 2005, 266 p.
6. Chirkova E. V. Filosofiya investirovaniya Uorrena Baffetta, ili O chem umalchivayut biografy finansovogo guru (Warren Buffett's Investment Philosophy, or What the Financial Guru's Biographers Keep Quiet About), M., Al'pina Biznes Buks, 2008, 265 p.
7. Byasov K. T. Osnovnye aspekty razrabotki investitsionnoi strategii organizatsii (Focal Points of an Organization's Investment Strategy Development), *Bankrotstvo. Teoriya i praktika*, 2006, No. 3, pp. 49—53.
8. Makarova Yu. G., Pavlova E. A., Kovaleva A. M. Investitsionnaya politika predpriyatiya: sushchnost' i etapy (Enterprise's Investment Policy: Essence and Stages), *Molodoi uchenyi*, 2012, No. 12, pp. 232—233.

Actuarial Analysis on the Basis of Destruction and Multiplication Scheme

V. V. Lesin, Yu. P. Lisovec, A. M. Revyakin

National Research University of Electronic Technology, Moscow

Actuarial calculations are obligatory part of any line of insurance business. The calculation procedure of insurance rates based on destruction and multiplication model in the context of insurance products related to insurable interest's loss (life insurance, car theft insurance, transit insurance etc.) is proposed. The description of procedure is illustrated by examples. Namely, insurance rate calculation formula for lines of insurance listed above, that can guarantee companies the scheduled earning with selected probability, is given.

Keywords: insurance; insurance rate; destruction and multiplication model.

References

1. Venttsel' E. S., Ovcharov L. A. Teoriya sluchainykh protsessov i ee inzhenernye prilozheniya (Theory of Random Processes and its Engineering Applications), M., Nauka, Gl. red. fiz.-mat. lit., 1991, 383 p., il. Fiz.-mat. b-ka inzhenera.

2. Volkov I. K., Zuev S. M., Tsvetkova G. M. Sluchainye protsessy (Random Processes), Pod red. V. S. Zarubina, A. P. Krishchenko, M., Izd-vo MGTU im. Bauman, 2000, 448 p., il., Matematika v tekhnicheskoy universitete. Vyp. XVIII.
3. Lesin V. V., Lisovets Yu. P., Revyakin A. M. Raschet strakhovykh tarifov na osnove modeli gibeli i razmnozheniya (Insurance Rates Calculation Based on Destruction and Multiplication Model), *Vestnik MGADA*, Seriya: Ekonomika, 2012, No. 2 (14), pp. 174–178.
4. Raschet brutto-stavki na osnove modeli gibeli-razmnozheniya (Gross Rate Calculation on the Basis of Destruction-Multiplication Scheme), V. V. Lesin, Yu. P. Lisovets, A. M. Revyakin, R. A. Mityushkin, *Matematicheskie metody i prilozheniya*, Trudy XIX matematicheskikh chtenii RGSU, M., RGSU, 2010, pp. 143–147.
5. Metodika rascheta kharakteristik odnoi skhemy nakopitel'nogo strakhovaniya znizni (The Method of Calculating Characteristics of One Scheme of Funded Life Insurance), V. V. Lesin, Yu. P. Lisovets, R. A. Mityushkin, A. M. Revyakin, *Vestnik MGADA*, Seriya: Ekonomika, 2010, No. 4 (4), pp. 114–117.

Marketing and International Business

Innovation, an Invention or a Novelty: Terminological Confusion

N. A. Andrianova, R. O. Andrianov

National Research University of Electronic Technology, Moscow

The role of innovations in the market economy as an effective means of the competition is noted. The definitions of invention, novelty and innovation are considered in the context of the market economy. The necessity of innovations for the development of competitive products with high degree of research intensity and originality is stressed out. The importance of terminology disambiguation for this process appreciation is affirmed. A cumulative classification of innovations by a range of the characteristics is presented. A mechanism for the development of a marketing program product innovation is provided.

Keywords: product; market; innovation; commercialization; classification; marketing program.

References

1. Tolkovy slovar' "Innovatsionnaya deyatel'nost' ", terminy innovatsionnogo menedzhmenta i smezhnykh oblastei ("Innovation Activity" Definition Dictionary, Terms of Innovation Management and Related Fields), Otv. red. V. I. Suslov, 2-e izd., dop., Novosibirsk, Sib. nauch. izd-vo, 2008, 223 p.
2. Petrov V. V. Innovatsionnyi menedzhment (Innovation Management) [Elektronnyi resurs], M., Ravnovesie, 2006, 1 el. opt. disk (CD-ROM).
3. Shumpeter I. A. Teoriya ekonomicheskogo razvitiya (The Theory of Economic Development), Per. s nem., pod red. A. G. Mileikovskogo, M., Progress, 1982, 455 p., Ekonomicheskaya mysl' Zapada.
4. Resursnyi potentsial ekonomicheskogo rosta (Economic Growth's Raw Material Potential), N. P. Figurnova, A. M. Babashkina i dr., M., Put' Rossii, Ekonomicheskaya literatura, 2002, 567 p., Entsiklopediya rynochnogo khozyaistva.
5. Innovatsionnyi menedzhment: mnogourovnnevye kontseptsii, strategii i mekhanizmy innovatsionnogo razvitiya (Innovation Management: Layered Concepts, Strategies and Innovation Development Mechanisms), Pod red. V. M. An'shina, A. A. Dagaeva, M., Delo, 2006, 583 p., il.
6. Alfimov M. V., Bortnik I. M. Fondy soedinyayut usiliya (Funds are Joining Efforts), *Rossiiskii fond fundamental'nykh issledovaniy (RFFI)* [Elektronnyi resurs], Cop. 1997–2007, URL: http://w3.rfbr.ru/default.asp?doc_id=4326 (data obrashcheniya: 06.03.2015).
7. Grigor'ev Yu. V. Terminologiya v innovatsionnom zakonodatel'stve (Terminology in Innovative Legislation), *Innovatsionnyi Vestnik Region* [Elektronnyi resurs] by Voronezhskii innovatsionno-tekhnologicheskii tsentr, 2009, No. 2, pp. 2–6, URL: <http://www.v-itc.ru/investregion/2009/02/pdf/2009-02-01.pdf> (data obrashcheniya: 06.03.2015).
8. Kontseptsiya innovatsionnoi politiki Rossiiskoi Federatsii na 1998–2000 gody, odobr. postanovleniem Pravitel'stva RF ot 24.07.1998 No. 832 (Russian Federation's Innovation Policy Concept for Years 1998 to 2000, Approved by RF Government Decree No. 832 on July 24, 1998), *Rossiiskaya gazeta*, 1998, No. 158 (19 avgusta), p. 5.
9. Ivanov V. A. Sushchnost', klassifikatsiya innovatsii i ikh spetsifika v agrarnom sektore (Innovations Essence, Classification, and their Specificity in Rural Sector), *Korporativnoe upravlenie i innovatsionnoe razvitie ekonomiki Severa*, vestn. Nauchno-issledovatel'skogo tsentra korporativnogo prava, upravleniya i venchurnogo investirovaniya SyktGU [Elektronnyi resurs], 2007, Vyp. 1, URL: <http://koet.syktu.ru/vestnik/2007/2007-1/3.htm> (data obrashcheniya: 06.03.2015).

10. Moiseeva N. K., Aniskin Yu. P. *Sovremennoe predpriyatie: konkurentosposobnost', marketing, obnovenie* (Modern Enterprise: Competitive Capacity, Marketing, and Renewal), T. 1, M., Vneshtorgizdat, 1993, 220 p.
11. Demchenko A. A. Marketingovyie innovatsii v usloviyakh krizisa (Marketing Innovations amid the Global Crisis), *Marketing*, 2009, No. 1, pp. 44–50.
12. Zavlin P. N., Vasil'ev A. V. *Otsenka effektivnosti innovatsii* (Innovation's Efficiency Evaluation), SPb., Biznes-pressa, 1998, 216 p.
13. Utkin E. A., Morozova G. I., Morozova N. I. *Innovatsionnyi menedzhment* (Innovation Management), M., Akalis, 1996, 208 p.
14. Glukhov V. V., Korobko S. B., Marinina T. V. *Ekonomika znaniy* (Economy of Knowledge), SPb., Piter, 2003, 530 p.

Marketing Concepts in Russian Economy

T. L. Korotkova

National Research University of Electronic Technology, Moscow

The modern macro- and microeconomic factors affecting the formation of marketing theory and practice marketing concepts in Russia are analyzed. The main attention is paid to differences in the development of marketing concepts in different periods of the last century and at the present time, associated with the evolution of market relations in the context of globalization and post-industrial development of the global and Russian economy. The uneven character of theory of market relations and trade processes development in Russia, due to wars, revolutions and specific political ideologies, is shown. Russian scientists' and practitioners' serious contribution to the development of the global economics, including marketing as one of its subdisciplines, is noted.

Keywords: modern marketing concepts; marketing theory formation factors; Russian economy.

References

1. *Promyshlennost' Rossii v nachale 20 veka* (Russia's Industry at the Beginning of 20th Century), *Biofail*, Nauchno-informatsionnyi zhurnal [Elektronnyi resurs], URL: <http://biofile.ru/his/12091.html> (data obrashcheniya: 27.01.2015).
2. Shlyakhtinskii K. Organizatsiya trgovli avtomobilyami v Rossii v nachale 20 veka (Settlement of Automobile Business in Russia at the Beginning of 20th Century), *Istoriya gosudarstva* [Elektronnyi resurs], 2011, 05 avgusta, URL: <http://statehistory.ru/1938/Organizatsiya-torgovli-avtomobilyami-v-Rossii-v-nachale-20-veka/> (data obrashcheniya: 27.01.2015).
3. *Reklama v starye dobrye vremena (konets XIX — nachalo XX veka)* (Advertisement in Good Old Times (End of 19th — Beginning of the 20th Century)), Sost. I. D. Arkhangel'skaya, M., Oktopus, 2009, 208 p., il.
4. Kondrat'ev N. D. Bol'shie tsikly ekonomicheskoi kon'yunktury, Doklad (The Major Economic Cycles, a Report), *Mirovaya ekonomicheskaya mysl', Skvoz' prizmu vekov*, V 5 t., T. 4, M., Mysl', 2004, pp. 619–638.
5. Kornai Ya. Razmyshleniya o kapitalizme (Reflections on Capitalism), Per. s vengr. O. Yakimenko, nauch. red. D. Raskov, M., Izd-vo In-ta Gaidara, 2012, 348 p., graf., tabl.
6. Pankrukhin A. P. Marketing i vyzovy XXI veka v Rossii (Marketing and 21st Century Challenges in Russia), *Gil'diya marketologov, sotsial'naya set' professional'nykh kontaktov* [Elektronnyi resurs], URL: <http://www.marketologi.ru/publikatsii/stati/marketing-i-vyzovy-khkh-veka-v-rossii/> (data obrashcheniya: 27.01.2015).
7. Korotkova T. L. Usloviya i printsipy vnedreniya marketinga innovatsii v rossiiskii biznes (Conditions and Principles of Innovation Marketing Introduction into Russian Business), *Problemy innovatsionnogo razvitiya ekonomiki*, Kollektivnaya monografiya, Novosibirsk, Tsentr razvitiya nauchnogo sotrudnichestva, 2014, pp. 87–115.
8. Korotkova T. L. Sotsial'no-etichnyi marketing kak sposob balansirovaniya interesov gosudarstva, korporatsii i lichnosti v Rossii (Societal Marketing as a Way to Balance the State, Corporation and Personality Interests in Russia), *Isolation and Unification Vectors in the Social Development Coordinate System* = Vektory obosoblennosti i edineniya v sisteme koordinat, Peer-reviewed materials... of the LXXIX International Research and Practice Conference (London, March 21 — March 26, 2014), London, IASHE, 2014, pp. 73–74, URL: <http://files.gisap.eu/sites/files/digest/79.indd%20internet.pdf> (data obrashcheniya: 27.01.2015).
9. *Logika biznesa* (Logic of Business), Pod red. N. K. Moiseevoi, M., Finansy i statistika, 2011, 296 p., il., tabl.

Problems of Social Development and Education

Personality Traits Evaluation by College Teaching Staff and Learners as Predictors of Successful Education

A. A. Zdorova¹, O. V. Rumyantseva²

¹ Russian International Academy for Tourism, Khimki city

² Moscow City Teachers' Training University (MCTTU)

The necessity to overcome the stereotypes in teacher — learner interaction and to develop learner-centered approach is stressed out. The problem of educator's personality perception by their pupils is raised. High information value of first- and second-year college students' answers while resolving tasks of successful learning prediction by each separate personality and of defining the specificity of teaching staff and learners' interaction by personality traits' self-evaluation is revealed by experiment. The results of teaching / learning process participants' personality traits' comparative psychological study using A. N. Lebedev's test technique "Seven" are presented.

Keywords: education effectiveness; information value; rating; learners; self-evaluation; educational work; education efficiency; motivation in education.

References

1. Varakhiil K. A., Egorov I. V., Lebedev A. N. Diagnostika uchebnoi uspešnosti rebenka po ego otsenkam samogo sebya i svoego semeinogo okruzheniya (A Child's Learning Effectiveness Diagnostics by His / Her Evaluations of Oneself and of His / Her Family Environment), *Ezhegodnik nauchno-metodologicheskogo seminara "Problemy psikhologo-pedagogicheskoi antropologii"*, Sb. nauch. st., Otv. red. I. V. Egorov, L. B. Filonov, Vyp. 3. M., Ekon-Inform, 2013, pp. 52—61.
2. Egorov I. V. Osnovaniya i printsipy sozdaniya tekhniki "tablitsa perevoda faz MMPI (minnesotskogo mnogofazovogo lichnostnogo perechnya) v sotsial'no-psikhologicheskie kachestva lichnosti" (The "Table of MMPI (Minnesota Multiphasic Personality Inventory) Phases Conversion to Personality's Psychological Qualities" Mechanism Creation Basics and Principles), *Uchenye zapiski Rossiiskogo gosudarstvennogo sotsial'nogo universiteta*, 2006, No. 5, Spetsvypusk, pp. 128—135.
3. Egorov I. V., Lebedev A. N. Novaya informatsionnaya tekhnologiya izbiratel'nykh protsedur (New Information Technology of Selective Procedures), *Kognitivnoe modelirovanie = The cognitive modeling*, trudy, Pervyi Mezhdunarodnyi forum po kognitivnomu modelirovaniyu (14—21 sentyabrya 2013 g., Italiya, Milano-Marittima), V 2 ch., Otv. red. S. I. Masalova, V. D. Solov'ev, Rostov n/D, Izd-vo SKNTs VSh YuFU, 2013, pp. 287—290.
4. Moreno Dzh. Sotsiometriya, Eksperimental'nyi metod i nauka ob obshchestve; podkhod k novoi politicheskii orientatsii (Sociometry, Experimental Method and the Science of Society; an Approach to a New Political Orientation), M., Inostrannaya literatura, 1958, 289 p.
5. Kolominskii Ya. L. Psikhologiya detskogo kollektiva: sistema lichnykh vzaimootnoshenii (Psychology of Children's Collective: a System of Interpersonal Relationships), 2-e izd., dop. i pererab., Minsk, Narodnaya asveta, 1984, 239 p.
6. Rumyantseva O. V. Prognoz po samootsenkam uspešnosti obucheniya mladshikh shkol'nikov (Schoolchildren's Education Effectiveness Prediction by Self-Evaluations), *Ezhegodnik nauchno-metodologicheskogo seminara "Problemy psikhologo-pedagogicheskoi antropologii"*, Sb. nauch. st., Otv. red. I. V. Egorov, L. B. Filonov, Vyp. 4, SPb., NITs ART, 2014, pp. 67—77.

The Study of Educational Establishments Students' Learning and Career Motivation

E. V. Nekhorosheva

Moscow City Teachers' Training University (MCTTU)

The problem of vocational secondary education students' learning and career motivation development remains practically unexplored in academic and methodical literature. The author attempts a multicenter study of students' leading learning motives, the subject matter of which is the qualitative evaluation of their

motivational preferences. The findings might be used at learning process organization and planning and in individual psycho-pedagogical support.

Keywords: personality motivation sphere; learning motives; career motivation.

References

1. Derkach A. A. Akmeologicheskie osnovy razvitiya professionala (Acmeological Basics of Professional's Development), M., Izd-vo Mosk. psikhologo-sots. in-ta, Voronezh, MODEK, 2004, 752 p., Psikhologi Otechestva, izbr. psikhol. tr., V 70 t., Gl. red. D. I. Fel'dshtein.
2. Verbitskii A. A. Kontekstnoe obuchenie v kompetentnostnom podkhode (Context-based Learning in Competency Building Approach), *Vysshee obrazovanie v Rossii*, 2006, No. 11, pp. 39—46.
3. Il'in E. P. Motivatsiya i motivy (Motivation and Motives), SPb., Piter, 2000, 512 p., il., Mastera psikhologii.
4. Stolyarenko L. D. Psikhologiya (Psychology), M., SPb. [etc.], Piter, 2010, 591 p., il.

Internationalization of Education within the Framework of Europe's Common Education Space Formation

A. I. Pirogov, T. V. Rastimeshina

National Research University of Electronic Technology, Moscow

The problems of internationalization of education as a condition and a general direction of Europe's Common Educational Space formation are considered. The approaches to education globalization and universalization's analysis are discussed, and definitions for key terms are proposed. The genesis, evolution and causes of main tendencies in European education defining the necessity to integrate national educational systems into Common Educational Space are analyzed.

Keywords: education; internationalization; globalization; transnational education; mobility; Common Educational Space.

References

1. Seddo K. F. Razvitie vysshego obrazovaniya v Afrike (Higher Education Development in Africa), *Vysshee obrazovanie v Evrope*, 2003, T. XXVIII, No. 1, pp. 34—35.
2. Marchuk N. N., Volosyuk O. V. RUDN i Latinskaya Amerika — 50 let sotrudnichestva (PFUR and Latin America — 50 Years of Co-operation), M., RUDN, 2009, 157 p.
3. Kellen Kh. Kontseptsiya dal'neishego razvitiya internatsionalizatsii na praktike: desyatiletie evolyutsii (Conception of Further Internationalization Development in Practical Work: a Decade of Evolution), *Vysshee obrazovanie v Evrope*, 2000, T. XXV, No. 1, pp. 1—9.
4. Knight J. Internationalization of Higher Education: a Conceptual Framework, *Internationalization of Higher Education in Asia Pacific Countries*, Ed. by J. Knight, H. de Wit, Amsterdam, European Association for International Education, 1997, pp. 5—19.
5. Knight J. Updated Definition of Internationalization, *International Higher Education*, 2003, No. 33, pp. 2—3.
6. Galagan A. I. Integratsionnye protsessy v oblasti obrazovaniya: analiz mirovykh tendentsii (Integration Processes in Education: an Analysis of World Tendencies), *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya*, 2002, No. 5, pp. 72—85.
7. Eland R. Natsional'nye organizatsii i transnatsional'noe obrazovanie (National Organizations and Transnational Education), *Vysshee obrazovanie v Evrope*, 2000, T. XXV, No. 33, pp. 19.
8. Upravlenie v vysshei shkole: opyt, tendentsii, perspektivy (Administration in Tertiary School: Experience, Tendencies, and Perspectives), V. M. Filippov, I. V. Arzhanova, V. N. Vasil'ev, A. S. Vostrikov i dr., Izd. 2-e, M., Logos, 2006, 487 p.
9. Isaeva O. N. Integratsionnye protsessy v oblasti obrazovaniya kak faktor formirovaniya mirovoi obrazovatel'noi sistemy: analiz mirovykh tendentsii (Integration Processes in Education as a Factor of World Educational System Formation), *Rossiiskii nauchnyi zhurnal*, 2008, No. 3 (4), pp. 161—169.
10. Globalizatsiya i obrazovanie (Globalization and Education), Sb. obzorov, Otv. red. i avt. vstup. st. S. L. Zaretskaya, M., INION RAN, 2001, 143 p.
11. Krasnova G. A. I snova ob eksporte rossiiskogo obrazovaniya (And Again about Exporting Russian Education), *Nezavisimaya gazeta* [Elektronnyi resurs], 2014, 23 aprelya, URL: http://www.ng.ru/science/2014-04-23/12_education.html (data obrashcheniya: 19.03.2015).

12. Novyi zakon ob immigratsii: kogo khotyat videt' v Germanii? (New Immigration Law: Who is Welcomed in Germany?), *Deutsche Welle (DW)*, Germany's international broadcaster [Elektronnyi resurs], 2004, 10 iyulya, URL: <http://dw.de/p/5IWb> (data obrashcheniya: 18.03.2015).
13. Vardanyan S. Ekonomika nuzhdaetsya v novykh obrazovatel'nykh tekhnologiyakh [Interv'yu s direktorom Erevanskogo filiala MESI S. Vardanyanom] (Economy Needs New EdTechs [An Interview with S. Vardanyan, Director of Yerevan's Branch of MESI]), Besedu vel L. Oganessian, *Delovoi Ekspres, Ekonomicheskaya gazeta Armenii* [Elektronnyi resurs], 2013, No. 17 (1016), URL: http://www.express.am/article/17_1016/view/jekonomika-nuzhdaetsya-v-novykh-obrazovatelnyh-tehnologiyah.html (data obrashcheniya: 18.03.2015).
14. Obrazovanie v SNG. Vysshee professional'noe obrazovanie (2004/2005 uch. god) (Education in CIS. Higher Vocational Education (2004/2005 Acad. Year)), *Sovet po sotrudnichestvu v oblasti obrazovaniya gosudarstv — uchastnikov SNG* [Elektronnyi resurs], Cop. 2010, URL: <http://www.cis.unibel.by/print.aspx?guid=34263/> (data obrashcheniya: 18.03.2015).
15. Dzhons G. Kak perebrostit' most ot slozhnykh problem transnatsional'nogo obrazovaniya k akkreditatsii (How to Throw a Bridge from Transnational Education's Complicated Problems to Accreditation), *Transnatsional'noe obrazovanie: vozmozhnost' dostupa ili sozdanie prepyatstviy?* 2000, No. 3, p. 6.
16. Lukichev G. Transgranichnoe obrazovanie (Cross-border Education), *Vestnik RUDN, Seriya Yuridicheskie nauki*, 2002, No. 1, pp. 71—75.
17. The Recognition, Treatment, Experience and Implications of Transnational Education in Central and Eastern Europe 2002—2003, Report undertaken by S. Adam, Stockholm, Höskoleverket, National Agency for Higher Education, 2003, 86 p.
18. Rukovodyashchie printsipy dlya obespecheniya kachestva v transgranichnom vysshem obrazovanii (Guidelines for Quality Provision in Cross-border Higher Education), Parizh, YuNESKO, 2006, *Baza dannykh YuNESKO* [Elektronnyi resurs], URL: <http://unesdoc.unesco.org/images/0014/001433/143349r.pdf> (data obrashcheniya: 19.03.2015).
19. UNESCO Portal to Recognized Higher Education Institutions, *UNESCO Official site* [English version], Cop. 2009—2014, URL: <http://www.unesco.org/new/en/education/resources/unesco-portal-to-recognized-higher-education-institutions/> (accessed: 18.03.2015).
20. Soglasenie o poryadke sozdaniya i funktsionirovaniya filialov vysshikh uchebnykh zavedenii v gosudarstvakh — uchastnikakh Sodruzhestva Nezavisimyykh Gosudarstv (Moskva, 28 sentyabrya 2001 goda) (Agreement on Higher Education Institutions' Branches Construction and Functioning Order in CIS Countries (Moscow, September 28, 2001)), *Rossiiskoe obrazovanie dlya inostrannykh grazhdan* [Portal] by Ministerstvo obrazovaniya i nauki Rossiiskoi Federatsii, URL: <http://www.russia.edu.ru/information/legal/law/inter/sng/> (data obrashcheniya: 19.03.2015).
21. Zakon Respubliki Armeniya ot 30.03.1993 No. ZR-52 "O yazyke" (Republic of Armenia's Law "On Language" No. ZR-52 from March 30, 1993), *Zakonodatel'stvo stran SNG, Web-versiya* by SoyuzPravoInform, Cop. 2003—2015, URL: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=2942 (data obrashcheniya: 18.03.2015).

Psychological Readiness for Entrepreneurship as a Condition of Competitiveness

A. V. Posokhova

Institute of International Trade and Law, Moscow

The results of studies of psychological readiness for entrepreneurship as a part and a condition of competitiveness are presented. The content of psychological readiness is analyzed. The results of exploratory empirical research are given. It is shown that psychological readiness for entrepreneurship is associated with its successfulness, provides its competitiveness. Psychological readiness is determined by the development of important personal and professional qualities, the ability to mobilize inner resources, and knowledge of possible scenarios. Significant gender differences in the estimates did not appear.

Keywords: acmeology; competitiveness; professional readiness; psychological readiness; acmeological willingness; personal and professional qualities.

References

1. Nersesyan L. S., Konopkin O. A. Inzhenernaya psikhologiya i problema nadezhnosti mashinista (Engineering Psychology and Engine Man's Reliability Problem), M., Transport, 1978, 239 p.
2. Nersesyan L. S. Psikhologicheskie aspekty povysheniya nadezhnosti upravleniya dvizhushchimisya ob"ektami (Psychological Aspects of Improving the Reliability of Moving Objects' Control), M., Promedek, 1992, 288 p.

3. Derkach A. A., Zazykin V. G. Professionalizm deyatel'nosti v osobykh i ekstremal'nykh usloviyakh (psikhologo-akmeologicheskie osnovy) (Professionalism of Activity in Special and Extreme Conditions), M., Izd-vo RAGS, 2003, 152 p., il.
4. Posokhova A. V. Psikhologo-akmeologicheskie osnovaniya problemy poliprofessionalizma (The Problem of Polyprofessionalism's Psychologic and Acmeologic Basics), *Ekonomicheskie i sotsial'no-gumanitarnye issledovaniya*, 2014, No. 2 (2), pp. 84—88.
5. Posokhova A. V. Konkurentosposobnost' predprinimatelei: psikhologo-akmeologicheskii vzglyad na problemu (Employer's Competitive Ability: Psychological and Acmeological View of a Problem), *Chelovecheskii kapital*, 2014, No. 7 (67), pp. 83—86.
6. Shcherbina A. V. Formirovanie psikhologicheskoi gotovnosti rukovoditelei k deyatel'nosti v ekstremal'nykh upravlencheskikh situatsiyakh (Formation of Administrators' Psychological Readiness to Act in Extreme Management Situations), M., MAAN, 1997, 57 p.

Traditions in Russian Education as Seen from New Millennium

T. V. Rastimeshina¹, Yu. V. Lunkina²

¹ *National Research University of Electronic Technology, Moscow*

² *Tver State University*

The definitions and characteristics for concept of tradition in education are given, the main directions of its rendering are considered. The choice of tradition's balanced representation is set forth. The subjects of teacher's moral ideal formation and of legitimacy of parallel drawing between Peter the Great's reforms time and present day are touched upon. Pedagogic traditions appeared at different stages of Russia's historic development and their role in educational process of their time and in modern Russian education's substantial content are analyzed.

Keywords: pedagogic tradition; traditions in education; pedagogic phenomenon; teacher — learner interaction; axiological content; teacher's moral ideal; national educational standard; continuity.

References

1. Ob obrazovanii v Rossiiskoi Federatsii, federal'nyi zakon ot 29.12.2012 No. 273-FZ, prinyat Gos. Dumoi 21.12.2012, odobren Sovetom Federatsii 26.12.2012 (On Education in Russian Federation, Federal Law No. 273-FZ from December 29, 2012, adopted by State Duma on December 21, 2012, endorsed by Soviet of the Federation on December 26, 2012), *Sem'ya i shkola*, 2012, No. 7/8, pp. 4—80.
2. Fedotov G. P. Pis'ma o russkoi kul'ture (Letters on Russian Culture), *Russkaya ideya*, Sost. i avt. vstup. st. M. A. Maslin, M., Respublika, 1992, pp. 379—419.
3. Popper K. Otkrytoe obshchestvo i ego vragi. [V 2 t.] (The Open Society and its Enemies. [In 2 vols.]), Per. s angl., pod obshch. red. i s predisl. V. N. Sladkovskogo, T. 1, Chary Platona, M., Mezhdunar. fond "Kul't. initsiativa", Soros foundation, Otkrytoe o-vo "Feniks", 1992, 446 s.
4. Shatskii E. Utopiya i traditsiya (Utopia and Tradition), Per. s pol., obshch. red. i poslesl. V. A. Chalikovi, M., Progress, 1990, 454 p.
5. Pouchenie Vladimira Monomakha (Vladimir Monomakh's Hortative), *Izbornik: Povesti Drevnei Rusi*, Sost. i predisl. L. A. Dmitrieva, D. S. Likhacheva, M., Khudozh. lit., 1986, pp. 59—70, Klassiki i sovremenniki. Russkaya klassicheskaya literatura.
6. Rubinshtein M. M. Problema uchitelya (The Problem of Teacher), M.—L., Mosk. aktsioner. izd. o-vo, 1927, 173 p.
7. Karamzin N. M. Istoriya gosudarstva Rossiiskogo, V 2 kn. (History of the Russian State, in 2 books), Vstup. st. Yu. M. Lotmana, Kn. I: t. 1—6, SPb., Zolotoi vek, 2003, 832 p.
8. Ushinskii K. D. Chelovek kak predmet vospitaniya. Opyt pedagogicheskoi antropologii. [V 2 t.] (Man as Subject of Education. An Essay on Pedagogical Anthropology. [In 2 vols.]), SPb., Tip. F. S. Sushchinskogo, 1868—1869.

Peculiarities of Engineering Student's Learning and Cognitive Activity's Subject-oriented Content Construction

S. V. Strukova

National Research University of Electronic Technology, Moscow

The specificity of engineering student's learning and cognitive activity's subject-oriented content construction within the framework of tertiary education institution having technical university statute is unveiled, its definition is formulated and its initial insights enumerated. In the meaning of this research the essential attributes of engineering student's personality were exposed. An activity-practical module block of learning and cognitive activity's subject-oriented content is proposed.

Keywords: activity-practical module; engineer profile; professional activities; subject-oriented content; learning and cognitive activity.

References

1. Beloshitskii A. V., Berezhnaya I. F. Stanovlenie sub"ektnosti studentov v obrazovatel'nom protsesse vuza (Students' Subjectness Formation in Tertiary Institution's Educational Process), *Pedagogika*, 2006, No. 5, pp. 60—66.
2. Khutorskoi A. V. Metodika lichnostno-orientirovannogo obucheniya. Kak obuchat' vsekh po-razno-mu? (Person-centered Teaching Technique. How to Teach Every One Differently?), M., VLADOS-PRESS, 2005, 383 p., Pedagogicheskaya masterskaya.
3. Strukova S. V. Osnovnye kharakteristiki studenta fiziko-matematicheskoi napravlenosti kak sub"ekta obrazovatel'nogo protsessa universiteta (Main Characteristics of Mathematics / Physics Student as Subject of University's Educational Process), *Sbornik materialov konferentsii molodykh prepodavatelei i studentov Liskinskogo filiala VGU, 16—17 apr. 2010 g., Liski — Voronezh*, Vyp. 5, Voronezh, VGU, 2010, pp. 154—159.
4. Strukova S. V. Problema sub"ekt-sub"ektnykh otnoshenii v obrazovatel'nom protsesse vysshego uchebnogo uchrezhdeniya (The Problem of Subject-Subject Relationship in Tertiary Education Institution's Educational Process), *Sovremennoe obrazovanie: sodержanie, tekhnologii, kachestvo*, Mat-ly mezhdunar. foruma, 21—22 apr. 2010 g., Voronezh, SPb., Izd-vo SPbGU "LETI", 2010, T. 2, pp. 322—323.

Discursive Analysis in Legal Psychological Enquiry at Audio and Video Files Studying

S. K. Haidov

Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University

The discursive analysis concept content is interpreted, the possibility to use it in practice of legal psychological enquiries at studying the audio and video records of expertise object testimonies as part of criminal, administrative, civil, and arbitration cases is discussed. The concepts of discursive analysis are analyzed and its synonyms are given. Its application to speech activity products study is considered. The author's definition of discursive analysis within the context of legal psychological enquiry is proposed.

Keywords: discursive analysis; legal psychological enquiry; audiovisual record.

References

1. Romanov A. A. K sootnosheniyu ponyatii diskurs vs tekst v gumanitarnoi paradigme: obzor, otsenka i razmyshleniya (To the Discourse vs Text Concepts Correlation in Humanitarian Paradigm: Survey, Estimation and Reflections), *Mir lingvistiki i kommunikatsii = World of Linguistics and Communication*, Elektronnyi nauchnyi zhurnal, 2005, No. 1 (1), URL: http://tverlingua.ru/archive/001/01_6-001.htm (data obrashcheniya: 25.03.2015).
2. Kibrik A. A. Analiz diskursa v kognitivnoi perspective (Discourse Analysis in Cognitive Perspective), Diss. v vide nauch. doklada ... d-ra filol. nauk, M., 2003, 90 p.
3. Kasavin I. T. Diskurs-analiz i ego primeneniye v psikhologii (Discourse Analysis and its Application in Psychology), *Voprosy psikhologii*, 2007, No. 6, pp. 97—119.
4. Kadyrova R. G. Teoriya narrativa i narrativnyi analiz v psikhologii (The Theory of Narrative and Narrative Analysis in Psychology), *Vektor nauki TGU*, 2012, No. 2 (9), pp. 126—127.
5. Trotsuk I. V. Teoriya i praktika narrativnogo analiza v sotsiologii (Theory and Practice of Narrative Analysis in Psychology), Monografiya, M., Unikum-tsentr, 2006, 207 p.
6. Andrianov M. S. Neverbal'naya kommunikatsiya: psikhologiya i pravo (Nonverbal Communication: Psychology and Law), M.. In-t obshchegumanitarnykh issledovaniy, 2007. 251 p.

7. Pavlova N. D. Mekhanizmy i sredstva okazaniya sub"ektom diskursivnogo vozdeistviya (Mechanisms and Means of Subject's Discursive Influence), *Psikhologicheskoe vozdeistvie: mekhanizmy, strategii, vozmozhnosti protivodeistviya*, Pod red. A. L. Zhuravleva, N. D. Pavlovoi, M., In-t psikhologii RAN, 2012, pp. 53—73, Trudy Instituta psikhologii RAN.

Personality. Society. State

Mail Cover Check as the Method of Political Police's Struggle with Revolutionary Movement in the Second Half of 19th Century

I. M. Gorbacheva

National Research University of Electronic Technology, Moscow

The foundation of a "military-police-bureaucratic system" to confront the revolutionary movement in the Russian Empire in the second half of the 19th century is considered. The leading role of Police Department and Security Departments in the fight against terror is noted. Mail cover check (i.e. secret acquaintance with letters without the knowledge of addressers and addressees) is analyzed efficiency-wise, as a method of the revolutionaries' observation and struggle with them by obtaining information about the revolutionary underworld, and legalistically.

Keywords: political police; revolutionary terror; revolutionary underworld; mail cover check.

References and Sources

References

1. Galvazin S. N. Okhrannye struktury Rossiiskoi imperii: formirovanie apparata, analiz operativnoi praktiki (Russian Empire's Security Structures: Establishment Formation, Fieldwork Analysis), M., Sovshchenno sekretno, 2001, 192 p.
2. Eroshkin N. P. Samoderzhavie nakanune krakha (Autocracy on the Eve of Crash), M., Prosveshchenie, 1975, 160 p., il.
3. Lur'e F. M. Politicheskii sysk v Rossii. 1649—1917 (Political Investigation in Russia. 1649—1917), M., Tsentrpoligraf, 2006, 400 p.

Sources

4. Bakai M. E. Iz vospominanii (From Memoirs), *Byloe*, 1908, No.7, p. 119.
5. Zavarzin P. P. Rabota tainoi politzii (Security Police's Work), Parizh, 1924, 170 p.
6. GARF. F. 63. Op. 13. Ed. khr. 427—428. L. 116.

Philosophic Aspects of Using Net Technologies

O. V. Dzhigan

National Research University of Electronic Technology, Moscow

Philosophic aspects of net technologies usage and the reflection of emerging risks associated with it are considered. The author studies the influence of such notions as social networks, Internet, and virtual reality on the formation of personality and interpersonal communication in the modern network society. The influence of the global network, Internet, on the material and spiritual culture of man is described in detail. On the example of the "smart mobs" phenomenon and formation of the "digital human" is shown an increasing virtualization of social relations and consciousness of people, which leads to a number of global issues that require philosophical understanding.

Keywords: network society; Internet; social networks; interpersonal communication; virtual reality; risks.

References

1. Mikesheina L. A. *Filosofiya nauki* (Philosophy of Science), M., Mezhdunar. universitet, 2006, 440 p.
2. Kastel's M. *Informatsionnaya epokha: ekonomika, obshchestvo i kul'tura* (The Information Age: Economy, Society and Culture), Per. s angl. pod nauch. red. O. I. Shkaratana, M., GU VShE, 2000, 606 p.
3. Nazarchuk A. V. *Setevoe obshchestvo i ego filosofskoe osmyslenie* (Network Society and Its Philosophical Conceptualization), *Voprosy filosofii*, 2008, No. 7, pp. 61—75.
4. Burd'e P. *Sotsial'noe prostranstvo: polya i praktiki* (Social Space: Fields and Practices), Per. s fr., Sost., obshch. red. per. i poslesl. N. A. Shmatko, SPb., Aleteiya, 2005. 576 p., Gallicinium.
5. Delez Zh., Gvattari F. *Rizoma* (Rhizome), *Filosofiya epokhi postmoderna*, Sb. perevodov i referatov, Minsk, Krasiko-Print, 1996, pp. 7—31.
6. Arshinov V. I., Danilov Yu. A., Tarasenko V. V. *Metodologiya setevogo myshleniya: fenomen samoorganizatsii* (Network Thinking Methodology: Self-Organization Phenomenon), *Ontologiya i epistemologiya sinergetiki*, Otv. red. V. I. Arshinov, L. P. Kiyashchenko, M., IF RAN, 1997, pp. 101—117.
7. Yaroslavtseva E. I. *Interaktivnyi chelovek v prostranstve sovremennykh mezhkul'turnykh kommunikatsii* (Interactive Human in Space of Modern Cross-cultural Communications), *Bibliotechnoe delo — XXI vek*, 2008, No. 1 (15), pp. 89—94.
8. Kalimullin D. D. *Internet kak element sotsiokul'turnoi dinamiki* (Internet as Sociocultural Dynamics Element), *Territoriya novykh vozmozhnostei. Vestnik Vladivostokskogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i servisa*, 2014, No. 1 (24), pp. 205—214.
9. Martynov K. *Homo digitus*, *Fond Obshchestvennoe Mnenie, FOM* [Elektronnyi resurs], 2011, 24 iyunya, URL: <http://fom.ru/science/10025> (data obrashcheniya: 10.02.2015).
10. Bol'ts N. *Azbuka media* (The ABC of Media), Per. s nem. L. Ionina, A. Chernykh, M., Evropa, 2011, 136 p.
11. Bodriyar Zh. *Simulyakry i simulyatsiya* (Simulacra and Simulation), Per. s fr. O. A. Pechenkinoi, Tula, Tul'skii poligrafist, 2013, 204 p.
12. Boldonova I. S., Tsydenova N. S. *Sotsial'no-filosofskie problemy virtual'nogo obshcheniya* (Virtual Communication's Social and Philosophic Problems), *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2014, Vyp. 6 (1), pp. 45—49.
13. Rheingold H. *Smart Mobs: The Next Social Revolution*, Reprint ed., Cambridge, MA, Basic Books, 2003, 288 p.

The Formation of the Organizational and Ideological Foundations of the Social-Democratic Political Movement in Russia in the Early 20th Century

A. S. Epifanov

Moscow State Regional University (MSRU)

The historical and political analysis of the Russian social-democratic movement formation process on the eve of the first Russian revolution and the revolutionary processes of 1905—1907 is provided. The peculiarities of Russian society of the early century and the revolution's contradictory character are noted. It is shown that in the beginning of the revolution the revolutionary social-democratic movement was ideologically heterogeneous and not fully decorated but the revolutionary parties were able to influence the outcome of the revolution and the revolution itself became a condition for their transformation into a full-fledged participants of political processes in Russia.

Keywords: political party; political organization; populism; social democracy; revolution; Constitution; trade unions.

References

1. *Programma partii sotsialistov-revolutsionerov, utverzhdena s"ezdom partii v dekabre 1905 g.* (The Socialists-Revolutionaries Party Program, Adopted by Party Congress in December 1905), *Ot absolyutizma k demokratii. Politicheskaya zhizn' kapitalisticheskoi Rossii (1861 — fevral' 1917)*, Dok. i mat-ly k semin. zanyatiyam po otechestvennoi istorii, Sost. O. N. Bogatyreva, N. N. Popov, Ekaterinburg, Izd-vo UrGU, 1991, pp. 95—103.
2. Paips R. *Russkaya revolyutsiya. Kn. 1, Agoniya starogo rezhima, 1905—1917* (The Russian Revolution. Book 1, The Old Regime Agony, 1905 to 1917), M., Zakharov, 2005, 478 p.
3. *Nashe otechestvo (Opyt politicheskoi istorii)* (Our Motherland (A Political History Essay)), S. V. Kuleshov, O. V. Volobuev, E. I. Pivovarov i dr., M., TERRA-TERRA, 1991, Kn. 1, 390 p.

4. Leonov S. V. Rossiiskaya revolyutsiya 1905—1907 gg. v sravnitel'no-istoricheskom kontekste (The 1905—1907 Russian Revolution in Comparative and Historical Context), *Vestnik PSTGU*, Seriya II, Istoriya. Istoriya Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi, 2012, Vyp. 1 (44), pp. 75—87.
5. Trotskii L. D. Sochineniya, T. II, Nasha pervaya revolyutsiya, Ch. 2 (Works, Vol. II, Our First Revolution, Part 2), M., L., Gos. izd-vo, 1927, VIII, 447 p., Istoricheskoe podgotovlenie Oktyabrya, I.
6. Leonov S. V. Partiinaya sistema Rossii (konets XIX v. — 1917 god) (Russia's Partyism (End of 19th Century — Year 1917)), *Voprosy istorii*, 1999. No. 11—12, pp. 29—48.

Digital Democracy in the United Kingdom: Public Administration's and Public Services' Theory and Practice

A. A. Yefimov

Center of Interregional Business Training, Moscow

The concept of e-government and digital democracy in the UK is considered as a continuation and development of managerialism system of government. It's noted that it is aimed at reforming the public administration in the context of three major trends: economic, of marketisation, managerial, of de-bureaucratization, and political, of orientation on citizen's needs and rights. The factors determining the effectiveness of e-government in the UK, including the focus on rebuilding the landscape of the state system of e-government in accordance with changing needs of citizens and businesses, are analyzed.

Keywords: e-government; digital democracy; citizens; state; civil society; informatization; public administration; public services; managerialism.

References

1. Aktual'nye problemy sotsiokul'turnogo menedzhmenta (Socio-cultural Management's Contemporary Issues), Sb. nauch. tr., Nauch. red. V. M. Chizhikov, G. N. Novikova, M., MGUKI, 2002, 153 p.
2. Smorgunov L. V. Sravnitel'nyi analiz administrativnykh reform v zapadnykh stranakh (Comparative Analysis of Administrative Reforms in Western Countries), *Vestnik Moskovskogo universiteta*, Seriya 12, Politicheskie nauki, 2000, No. 1, pp. 54—78.
3. Koshkin P. P. Traditsionno-byurokraticheskaya ideologiya i novyi "menedzherizm" (sravnitel'nyi analiz) (Traditional Bureaucratic Ideology and New "Managerialism" (Comparative Analysis)), *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*, Mezhdunar. nauch. zhurn. [Elektron. versiya], 2007, No. 1, pp. 43—47, URL: http://teoria-practica.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/2007/1/koshkin.pdf (data obrashcheniya: 02.02.2015).
4. Yanovskii V. V. Osnovnye kontseptsii i printsipy byurokratii (Bureaucracy's Main Concepts and Principles), *Elitarium 2.0, pereosmyslenie distantsionnogo obrazovaniya* [Elektronnyi resurs], NP TsDO "Elitarium" (SPb.), 2013, 17 maya, URL: http://www.elitarium.ru/2013/05/17/koncepcii_principy_byurokratii.html (data obrashcheniya: 02.02.2015).
5. D'yakova V. Politicheskie problemy vvedeniya modeli "Novyi gosudarstvennyi menedzhment" (Political Problems of "New Public Management" Model Introduction), *Tsentr politicheskogo analiza i prognozirovaniya "Tsentrurion"* [Elektronnyi resurs], 2006, URL: <http://centurion-center.narod.ru/vd3.html> (data obrashcheniya: 02.02.2015).
6. Khanipova I. T. Sotsial'nyi menedzherizm kak novaya paradigma gosudarstvennoi sluzhby: innovatsii v kadrovom menedzhmente (Social Managerialism as Public Administration's New Paradigm: Innovations in Personnel Management), *Ekonomika, gosudarstvo, obshchestvo*, Elektronnyi zhurnal nauchnykh publikatsii studentov i molodykh uchenykh, 2013, No. 4 (15), URL: <http://ego.uapa.ru/ru/issue/2013/04/05/> (data obrashcheniya: 02.02.2015).
7. Kurash A. Iz gryazi v knyazi: kak Velikobritanii udalos' bystro vyrvat'sya v lidery elektronno gosopravleniya (Rags-To-Riches: How Great Britain Managed to Quickly Fetch Its Way to Leadership in Electronic Public Administration), *CNews*, Setevoe izdanie [Elektronnyi resurs], 2010, No. 48, pp. 12—18, URL: http://filearchive.cnews.ru/mag/2010/04/CNews_48.pdf (data obrashcheniya: 02.02.2015).
8. Bovaird T. Performance Measurement and Evaluation of E-Government and E-Governance Programmes and Initiatives, *Practicing E-Government: A Global Perspective*, Hershey, Idea Group Publ., 2005, pp. 18—24.
9. Drozhzhinov V., Shtrik A. Elektronnoe pravitel'stvo Velikobritanii (Great Britain's E-Government), *Mezhdunarodnaya Assambleya stolits i krupnykh gorodov*, Ofitsial'nyi sait, 2000, URL: <http://www.e-gorod.ru/documents/e-project/proj14.htm> (data obrashcheniya: 02.02.2015).

10. Golot'bo M. P. Britaniya: tsifrovaya po umolchaniyu (Britain: Digital by Default), *e-Gov.by, Idei elektronnoy pravitel'stva dlya Belarusi* [Elektronnyi resurs], 2013, URL: <http://e-gov.by/themes/best-practices/britaniya-cifrovaya-po-umolchaniyu> (data obrashcheniya: 02.02.2015).
11. Government Digital Strategy: Policy paper, *GOV.UK, Portal to public service information from the UK Government* [Web source], 2013, 10 December, URL: <https://www.gov.uk/government/publications/government-digital-strategy> (accessed: 02.02.2015).
12. Vinogradov A. Novye traditsii starogo korolevstva (Old Kingdom's New Traditions), *Gosudarstvo v XXI veke, Delovoe izdanie dlya rukovoditelei* [Elektronnyi resurs], Izd. proekt Microsoft, 2010, No. 2 (03), URL: http://www.microsoft.com/ru/ru/government/magazine/2010-03/20_25_21VEK_England.aspx (data obrashcheniya: 02.02.2015).
13. Prokhorov A. Elektronnoe pravitel'stvo v tsifrakh i faktakh (E-Government Facts and Figures), *Komp'yuter Press* [Onlain-versiya], 2006, No. 5, pp. 144—150, URL: <http://compress.ru/article.aspx?id=15845> (data obrashcheniya: 02.02.2015).

Institutionalization of the Public Services: Problems of the Study

I. N. Rybakova

The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

The problems of institutionalization of the public services in Russia are analyzed, the influence of foreign concepts of public administration, of Russia's budgetary system restructuring, and of administrative and management regulation mechanisms on this process are marked. The introduction and functioning of e-government elements are considered. A conclusion on the current state of institutionalization of the public services is made.

Keywords: public services; public services institutionalization; public services regulation; e-government.

References

1. Sharov A. V. Ob osnovnykh elementakh administrativnoi reformy (On Principal Elements of Administrative Reform), *Zhurnal rossiiskogo prava*, 2005, No. 4, pp. 19—28.
2. Ukaz Prezidenta Rossiiskoi Federatsii ot 23 iyulya 2003 g. No. 824 "O merakh po provedeniyu administrativnoi reformy v 2003—2004 godakh" (Russian Federation Presidential Decree No. 824 of July 23, 2003, "On Measures to Carry Out the Administrative Reform in Years 2003 to 2004"), *SZ RF*, 2003, No. 30, St. 3046.
3. Hood Ch. The "New Public Management" in the 1980s: Variations on a Theme, *Accounting, Organizations and Society*, 1995, Vol. 20, Issues 2—3, pp. 93—100.
4. Drechsler W. The Rise and Demise of the New Public Management, *Post-autistic Economics Review* [email journal], 2005, Issue 33 (September 14), pp. 17—28, URL: <http://www.paecon.net/PAERReview/issue33/Drechsler33.htm> (accessed: 31.03.2015).
5. Baidakov S., Ozerov G., Savel'ev O. Mnogofunktsional'nyi tsentr predostavleniya gosudarstvennykh uslug: model', naznacheniye i printsipy organizatsii, Opyt Tsentral'nogo administrativnogo okruga g. Moskvy (Multifunctional Center for Public Service Provision: Model, Destination, and Organizational Principles, The Experience of Moscow City's Central Administrative District), M., Olimp-Biznes, 2013, 185 p., il.
6. Bartsits I. N. Sistema gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya (Central and Local Government System), v 2 t., M., Izd-vo RAGS, 2011, T. 2 487 p.
7. Ob organizatsii predostavleniya gosudarstvennykh i munitsipal'nykh uslug: federal'nyi zakon ot 28.07.2010 No. 210-FZ (On Organization of Public Services Provision: Federal Law No. 210-FZ from July 28, 2010), *Byudzhetniye uchety*, 2010, No. 9 (69), pp. 36—49.
8. Rasporyazhenie Pravitel'stva Rossiiskoi Federatsii ot 10 iyunya 2011 g. No. 1021-r (Russian Federation Government Executive Order No. 1021-r from June 10, 2011), *Rossiiskaya gazeta*, Internet-portal, 2011, 28 iyunya, URL: <http://www.rg.ru/2011/06/28/koncepciya-site-dok.html> (data obrashcheniya: 31.03.2015).
9. Karlovskaya E. A. Statichnost' i dinamichnost' sfery gosudarstvennykh uslug (Public Services Area Staticity and Dynamism), *Ars Administrandi (Iskusstvo upravleniya)*, 2011, No. 1, pp. 96—104.
10. Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 24.10.2011. No. 861 (red. ot 16.02.2015) "O federal'nykh gosudarstvennykh informatsionnykh sistemakh, obespechivayushchikh predostavlenie v elektronnoi forme gosudarstvennykh i munitsipal'nykh uslug (osushchestvleniye funktsii)" (Russian Federation Government Regulation No. 861 from October 10, 2011 (revised on February 16, 2015) "On Federal State Information Systems Providing Public Services in Electronic Form (Functioning)"), *SPS "Konsul'tantPlyus"* [Elektronnyi resurs], URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_175491/ (data obrashcheniya: 31.03.2015).

11. Byudzhethnoe poslanie Prezidenta Rossiiskoi Federatsii o byudzhethnoi politike v 2013—2015 gg. (Russian Federation President's Budget Message on Budgetary Policy in 2013—2015), *Prezident Rossii* [Elektronnyi resurs], 2012, 28 iyunya, URL: <http://news.kremlin.ru/acts/15786> (data obrashcheniya: 31.03.2015).

12. “United Nations E-Government Survey 2012: E-Government for the People”. *United Nations Public Administration Network (UNPAN)*. UN, 2012. Web. 31 Mar. 2015. <<http://unpan3.on.org/egovkb/Portals/egovkb/Documents/un/2012-Survey/unpan048065.pdf>>.

13. “United Nations E-Government Survey 2014: E-Government for the Future We Want”. *United Nations Public Administration Network (UNPAN)*. UN, 2014. Web. 31 Mar. 2015. <http://unpan3.un.org/egovkb/Portals/egovkb/Documents/un/2014-Survey/E-Gov_Complete_Survey-2014.pdf>.

Information

2nd Russia-wide Scientific Meeting with International Participation “Descartes Scientific Conference”

Invitation letter to 2nd Russia-wide scientific meeting with international participation “Descartes Scientific Conference” entitled “Descartes’ Rationalism and Modern Science” that will be held in National Research University of Electronic Technology (Moscow, Zelenograd, Shokin square, 1) on April 17, 2015.

New Books

Bibliographical data on new books in print edited by known Russian publishing houses.

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

ВНИМАНИЕ! Для публикации статьи в журнале автор оформляет подписку на 2 экземпляра номера, в котором будет опубликована его статья.

ВАЖНАЯ ИНФОРМАЦИЯ! Статьи принимаются в редакцию только при наличии договора о передаче авторского права.

Научный журнал «Экономические и социально-гуманитарные исследования» публикует на русском языке оригинальные и обзорные статьи. Верстка журнала осуществляется в издательской системе, функционирующей в сети IBM-совместимых компьютеров. Журнал имеет формат А4 и изготавливается по технологии цифровой печати.

В редакцию представляются:

- 1) текст статьи, включая аннотацию, рисунки, таблицы, библиографический список, список авторов и сведения о них, подготовленный на компьютере и распечатанный на лазерном принтере на белой бумаге формата А4 с четким и ясным шрифтом;
- 2) электронный вариант статьи на лазерном диске или USB-флеш-накопителе, подготовленный на IBM PC в формате MS Word for Windows (для иногородних авторов допускается передача электронного варианта статьи по e-mail);
- 3) экспертное заключение, рекомендации кафедры, сопроводительное письмо на официальном бланке (для сторонних организаций);
- 4) лицензионный договор о передаче авторского права в 2 экземплярах.

Основные рубрики:

- фундаментальные исследования;
- экономические науки;
- экономическая теория;
- экономика и управление народным хозяйством;
- финансы, денежное обращение и кредит;
- математические и инструментальные методы экономики;
- мировая экономика;
- философские науки;
- онтология и теория познания;
- история философии;
- эстетика;
- этика;
- политические науки;
- логика;
- философия науки и техники;
- социальная философия;
- исторические науки;
- отечественная история;
- всеобщая история;
- история международных отношений и внешней политики;
- историография, источниковедение и методы исторического исследования;
- религиоведение, философская антропология, философия культуры; юридические науки;
- история науки и техники;
- проблемы высшего образования;
- социологические науки;
- теория, методология и история социологии;
- экономическая социология и демография;
- социальная структура, социальные институты и процессы;
- социология культуры, духовной жизни;
- социология управления;
- психологические науки.

Статья должна быть подписана всеми авторами.

Ориентировочный объем публикаций: для статьи — не более 12 страниц текста и 5 рисунков, для краткого сообщения — не более 4 страниц текста и 2 рисунка.

Оформление первой страницы статьи: индекс УДК; название статьи; инициалы, фамилия автора; название учреждения, где выполнена работа; краткая (но не менее 500 знаков, считая пробелы) аннотация на русском языке; ключевые слова. Далее следует текст статьи. Статья должна быть пронумерована насквозь.

Содержание статьи должно соответствовать тематическому направлению и научному уровню журнала, обладать определенной новизной и представлять интерес для широкого круга читателей.

Материал для публикации должен быть собран в один файл с названием **ФамилияИО_Название статьи**.

Аннотация (предоставляется на русском и английском языках) должна включать характеристику исследования с освещением его основных вопросов. Рекомендуются использовать отработанные клише: рассмотрены, изучены, представлены, проанализированы, обоснованы, показаны и др.

Ключевые слова или словосочетания (на русском и английском языках) отделяются друг от друга точкой с запятой.

В рукописи должна быть **сквозная нумерация** страниц, рисунков и таблиц.

Рисунки (максимальный размер 13 × 21 см, размер шрифта не менее 9) должны быть черно-белыми, контрастными, читабельными. Каждый рисунок должен иметь подпись. На все рисунки должны быть ссылки по тексту.

Таблицы должны иметь заголовки и порядковые номера, на каждую из них в тексте должна быть ссылка.

Для **форматирования текста** не следует использовать повторяющиеся пробелы и знаки табуляции. Необходимо различать дефис (-), знак «минус» (—) и тире (—).

Для математических и химических **формул** следует выбирать шрифт 11 кегля. Буквы латинского алфавита набираются курсивом, буквы греческого и русского алфавитов, математические функции *lim*, *lg*, *ln*, *arg*, *const*, *min*, *max* и т. д., а также названия химических элементов — прямым шрифтом. Подстрочные и надстрочные индексы должны стоять строго на своих местах и быть размечены (подстрочные помечаются дугой сверху, надстрочные — снизу). Символ не должен сливаться с надсимвольным элементом.

При использовании в тексте **аббревиатур** необходимо давать их расшифровку.

При выборе **единиц измерения** следует руководствоваться утвержденной системой единиц физических величин (см. ГОСТ 8.417-2002).

Географические названия должны соответствовать атласу последнего года издания.

В тексте **ссылки на цитируемую литературу** даются в квадратных скобках. Список литературы оформляется в порядке ссылок на нее по тексту. Рекомендуются использовать не более 15 (опубликованных) литературных источников.

Библиографическое описание оформляется согласно ГОСТ Р.7.0.5-2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления». Необходимо указать:

- для *книг*: фамилию и инициалы автора (курсивом), полное название книги, место издания, издательство, год, том или выпуск, ссылку на конкретные страницы;
- для *периодических изданий*: фамилию и инициалы автора (курсивом), название статьи, название журнала, год издания, том, номер, страницы публикации;
- для *электронных ресурсов*: фамилию, инициалы автора, название, год, номер (если есть), URL, дату обращения.

Список авторов и сведений о них должен содержать:

- информацию о каждом авторе для публикации (на русском языке) — фамилия, имя, отчество (полностью), ученая степень, ученое звание, место работы (полное название организации), занимаемая должность, почетные звания и т. п.;
- e-mail для публикации в Интернете.

Необходимо также предоставить контактную информацию (не для публикации) — телефон, адрес электронной почты. В статье, подготовленной несколькими авторами, следует указать ответственного за прохождение статьи, для аспирантов — научного руководителя.

Решение о публикации или отклонении рукописи принимается редколлегией по результатам анонимного рецензирования.

Рукописи, не соответствующие указанным требованиям, редакцией не рассматриваются.

Плата за публикацию статьи с аспирантов не взимается.

Статьи направлять по адресу: 124498, Москва, Зеленоград, пл. Шокина, д. 1, МИЭТ, редакция журнала «Экономические и социально-гуманитарные исследования».

E-mail: esgi.miet@yandex.ru